

ИРАКЛИЙ БЕРГ

КРОВАВЫЙ
ГАРРИ

Максим был самым обычным парнем, по пьяни перепутавшим трансформаторную будку и туалет, и пока врачи пытаются вывести его тело из комы, сознание вселяется в его полного тезку в немного ином мире, который трудно принять всерьез убежденному материалисту. Но приходится. Тем более, что так приятно воспринимать это как второй шанс и приключение, где можно делать то, что было страшно в родном мире, пусть новые возможности и уравниваются незавидным стартовым положением. Магическая Россия сильно отличается от привычной, но чем-то и очень похожа.

Глава 1

Гарри, мать твою, ты что вытворяешь?! — Вопль Ивана мог ужаснуть и демона. — Магия, идиот, магия тебе на что?!!

— Сражайся или умри, — Гарри театрально размахивал мечом, принимая героическую, как ему казалось, позу. Прямо над ним возвышался разъяренный дракон, доведенный наглым человеком до полного отсутствия дружелюбия. Удар лапой почти зацепил юркую цель, но человек вновь ускользнул в последний миг, и еще умудрился поранить лапу гиганта.

Иван продолжал кричать что-то еще, но рев дракона заглушил собой все.

— Я все-таки отрежу тебе яйца, наглая рептилия, — человек, которого все звали Гарри, ушел перекатом вправо от очередной попытки раздавить его, и метнулся под брюхо чудовища.

— Ага, вот они! — Радостно закричал он, увидев искомую цель. Увы, но ему нехватило буквально секунды для осуществления задуманного, проклятый дракон понял, что человек прямо под ним и попросту плюхнулся на землю всем телом, чтобы раздавить обнаглевшее насекомое.

"Это все, — подумал Гарри, чувствуя как его вминает в землю огромная туша, — добегался."

Дракон елозил по земле поджав лапы, стараясь давить и давить, вымещая всю злость и ярость, как резкая боль заставила его взвыть. Гарри все-таки воспользовался магией, и сам уже, чувствуя злость и досаду поражения, оттого, что его заставили магичить, вырезал в брюхе дракона себе нечто вроде ниши, а потом, плюнув на все, выплеском маны огромной силы, подбросил всю колоссальную тушу противника вверх, не забыв скастовать "серп", которым и отсек зверю его гордость. Сказать, что дракон взыл — не сказать ничего. Даже Гарри поморщился.

— Ничего, — произнес он, — сейчас заткнем. Дракон рухнул на землю. Гарри не просто отпустил его, но и придавил сверху, отчего у животного вышибло дух. Гигант уже не мог реветь, он ошарашенно разевал пасть, пытаясь дышать, когда Гарри с помощью магического захвата ловко закинул в нее его, дракона, собственные яйца. Пасть захлопнулась.

— Приятного аппетита, тварь! Гарри был столь расстроен, что не мог найти утешения даже в бескомпромиссности. "Что я делаю не так?" — думал он, пока чудовище развеивалось...

— Тренировка окончена! — Рывк над ухом не вызвал никаких эмоций. — Гарри, ты, ты... Иван не находил слов.

— Кровавый. — Подсказал ему парень.

— Что?!

— Кровавый Гарри, говорю. Парень печально плюнул на песок. — Но тебе можно и Максим.

А как обыденно все начиналось.

.....

— Ты кто вообще такая, чтобы мне тут указывать, ась? Фотограф фрилансер, ну охренеть теперь! Я — менеджер среднего звена, а значит несколько выше вас, мадмуазель, в эволюционном развитии! И сам знаю сколько мне надо, чего мне надо и даже кого мне надо!

Вечер пятницы удался на славу. Максим выпил пива, затем водки, скривился, всем своим видом показывая убогость данного напитка, заказал виски, для демонстрации благородства, затем коньяку, поскольку обладал тонким вкусом, но в итоге все же налег вновь на водку, ибо она дешевле. Спутница жизни, временная, как он уверял себя последние лет пять, робко пыталась намекнуть на пагубность столь неосторожного подхода к застолью, за что немедленно получила злую отповедь.

"Вершина эволюции" за вечер успел испытать воодушевление, облегчение, эйфорию, безразмерный прилив сил, и, наконец, ощутить нешуточный гнев. Хотелось побед и свершений, а равнодушная судьба не желала предоставлять все немедленно.

— Ну и сиди здесь один тогда, — Елена, как звали подругу, рассердившись, встала, — мне тоже слушать это каждый раз надоедает.

Максим решил сделать вид, что одержал победу.

— Все зло от баб, — задумчиво пробормотал он вслед уходящей девушке, — а ведь была когда-то яркой личностью.

Самочувствие, тем не менее, было паршивым. Максим действительно устал. От подруги, от друзей, или, вернее, от тех кого он называл друзьями, от надоевшей работы, но хуже всего было подспудное понимание, что больше всего он устал от самого себя. Жить для себя ему не нравилось. Жить для других он не умел.

Когда-то давно, то есть в эпоху студенчества и проживания с родителями, он бунтовал и наслаждался мыслями о грядущем времени, самостоятельной жизни, в которой грезился одновременный уют и размах относительно личного времени, холодильника и женщин. Да, где-то там еще маячило слово "работа", но Максим утешался мыслью, что что-нибудь да придумает. Ясность взора юности безошибочно указывала на то, что многие люди, если не большинство, финансово несчастны. Бедняги тратят уйму сил на то, чтобы делать нечто такое, с чем может справиться любой другой, а оттого времени расходуют много, в награду получая очень мало. Та же ясность приводила к простейшему логичному выводу: нужно делать лишь то, что умеют немногие, что и будет оплачено куда выше среднего. Однако же, особенных талантов он за собой не замечал, но, к счастью, кроме ясности взора, юности даруется известная гибкость мысли, и, понимая что не справится с "тупым человечеством" в честном бою, наш герой надеялся схитрить, подбадривая себя, в том числе, и вышеуказанной оценкой соперника.

Людишки вообще туповаты, иначе как объяснить хотя бы рейтинги телепередач? А раз так, значит они попросту не замечают всех тех возможностей, что предоставлены жизнью, и ходят слепые мимо них, с работы домой, да из дома на работу. Достаточно лишь увидеть что-то, до чего еще никто не догадался, и легко вознестись над массой.

Обладая определенным благородством, Максим даже мысленно соглашался увидеть это что-то "никем не видимое" в непубличной сфере, чтобы лишь пользоваться плодами человеческой неразвитости, посмеиваться, но не раздражать их своим превосходством.

Увы, но идеальный, как казалось, план дал сбой. Что-то пошло не так. Воспринимая любую работу как временную (джентельмен в поисках десятки, — любил говаривать Максим), он погряз в бытовой рутине. Никем не видимое, но очевидное нечто, должное вознести его, никак не показывалось. Алкогольная стимуляция не помогала, лишь дразня и обманывая разум манящими чарами, и Максиму самому бывало смешно вспоминать сколько раз он в состоянии искусственной эйфории выходил на улицу, подпирал руки в бока, и, с грозным превосходством, окидывал действительность, с лихими мыслями "ну и где тут у вас

что". Увы. Коготок увяз — и нет орла, как учит мудрая пословица.

Елена спасла его. Когда она появилась, Максим с радостью отбросил все свои неполучающиеся планы, разом признанные им глупыми, под наступлением все вымещающей силой любви. Странно мечтать, когда мечта уже рядом. Та жизнь, которую он еще вчера думал, что презирал, и над которой насмехался, словом, та, которой обыкновенно и живут люди, захватила его. Максим нашел работу поустойчивее, проредил "друзей", отбраковав негодных, в свете новых обстоятельств, личностей, охотно демонстрировал подругу всем родственникам, кому было интересно, то есть всем кого знал, и был вполне счастлив почти два года.

Время великий утешитель. Время великий разрушитель. Разрушилась и любовь. Невозможно быть счастливым слишком долго лишь за чужой счет, а счастье внутреннее требовательно к своему носителю, и не склонно даваться даром. Уже несколько лет Максим понимал, что живут они по-привычке, а Елена, божественная Елена, за которую можно было не дрогнув перебить всех ахейцев с троянцами, и, заодно, с десятков драконов, сокровище сердца, та самая женщина, за которую он иногда рыцарски собирался по нескольку раз на дню отдать жизнь, превратилась в простую Ленку, с которой можно нажраться.

Надо отдать все-таки должное — Максим цеплялся. Интуитивно он осознавал, что проблема в нем самом, а не в доброй, милой и поверившей в него девушке. Максим пытался пробудить дух юности, наивно обращаясь к воспоминанию об ощущении всевозможности, старался, но выходило смешно и выводило из себя. Поводом к их первой крупной ссоре послужило то, что когда он проснулся после некоего праздника, смеющаяся девушка, с иронией рассказала как он вернулся в квартиру на четвереньках, и стал захлеб говорить ей о чудесном открытии, что передвигаться по лестнице вверх на четырех конечностях удобнее и быстрее, чем на двух.

— Ты тут расписывал как "просто взлетал вверх", с невероятной скоростью, и если запатентовать открытие, и начать производить специальные приспособления для рук, то можно озолотиться.

Максим не смог тогда удержать злость унижения. Больше всего его ранило то, что взгляд ее был взглядом полным теплоты, и он сорвался.

Извинения помогли лишь потому, что она его любила. Однако, в самом Максиме что-то сломалось. Он осознал себя слабее ее, и все чаще в его мыслях, а порою и речи, стало проскакивать что-то о том, что "вместе мы временно, поскольку ты заслуживаешь большего", "когда ты встретишь кого-то получше, то ты скажи, я так люблю тебя, что не стану мешать", и даже совсем безжалостное "когда ты встретишь настоящую любовь...". Люди порою беспощадны к своим слабостям.

И вот ей опять не понравилось пьянство.

— Бабам не угодишь, — пробурчал Макс. Все же сидеть одному было скучно, а знакомиться в "едалянях", казалось отчего-то недостойным. Потому он рассчитался, и вышел на улицу. На воздухе развезло. Дальнейшее виделось все более сумбурно и смутно.

Вот он кормит каких-то кошек сосисками, вот плюет в пруд, вот пинает банки по направлению к урне, вот едет куда-то на такси, вот он вовсе непонятно где, кусты да дорога, вот он идет по этой дороге, вот он вдруг видит посреди поляны туалет, смеется, и пытается его открыть. Дверь не поддается, но каким-то образом он ее открывает. Больше Макс не помнил ничего.

Пробуждение получилось своеобразным. Туман, вялость, ощущение пустоты...и голос, голос, режущий голос. Максим прислушался:

— Вы обвиняетесь в непослушании родителям, обмане преподавателей, мошенничестве, распутстве, злословии, включающим нецензурную брань в присутствии детей и неоднократном оскорблении человечества, стран, наций, рас, народов и полов, обжорстве, беспробудном пьянстве, лицедействе, лжи, двуличии, воровстве, наплевательству к любого вида обязанностям, грубости, свинстве, да простят нас эти животные за сравнение с вами, многократном нарушении правил дорожного движения...

— Че??

Максим пытался протрезветь и не мог. Нет, это было как раз нормально, но отвратительный голос, звучащий в голове — не очень.

— Кто ты, сука?

Голос, тем временем, не унимался, продолжая нести какой-то сказочный бред:

— В возрасте пяти лет вы палкой ударили по голове соседскую девочку, в в возрасте двадцати отказались на ней жениться, в возрасте семи лет вы подложили собачье дерьмо в портфель лучшего друга, в тринадцать вы, используя рукоблудство, испортили платье двоюродной сестры перед ее выпускным школьным вечером, в девять вы отняли корм у канарейки, в тридцать вы совершили кражу коньяка из кабинета начальства, в шестнадцать вы, во время экскурсии по музею изобразительных искусств, тайком щипали за попу экскурсовода. Будучи шести лет от роду, вы кидали яблоки с балкона в автомобили соседей, во время обучения в средней школе вы списали более тысячи раз, в девятилетнем возрасте вы украли из кошелька матери двести рублей, а в девятнадцатилетнем — из отцовского уже десять тысяч. Сумма ваших долгов, которые вы "забыли" вернуть, составляет триста семьдесят восемь тысяч рублей, триста долларов и пятьсот пятьдесят евро...

— Да кто же ты, сука??!!! — взвыл Максим. Зрение постепенно прояснялось и он смог увидеть, хоть и не четко, незнакомого старика, в каком-то цветном балахоне и с посохом.

"Допился до волхвов", — мелькнула мысль.

— Нет, я не "белочка", как вы думаете, я куда хуже, — заявил наглый дед, — я тот, кто может перечислить вам все, абсолютно все ваши поступки, совершенные в течении жизни, в произвольном порядке, и, что самое для вас прискорбное — из них несущих негативную оценку вашей личности хватит часов на пять, что для тридцати трех лет вашей прошедшей жизни — многовато.

— Прошедшей? И что, я умер? — ухмыльнулся Максим.

— Нет, вы в коме, — улыбнулся дедушка, — и не "я протрезвею и не буду пить неделю", как вы наивно думаете, а налог на вашу последнюю тупость окажется несколько больше.

— Мою тупость? — голова все-таки прояснялась, и Максим определил это добрым знаком. "Так бывает, — подумал он, — когда ты понимаешь, что спишь и не можешь проснуться. Надо лишь не рваться, а поглубже уснуть, тогда и проснусь нормально".

— Ну-ну, — вредный старикан противно засмеялся, — впрочем, проснетесь вы действительно "нормально". Ну а дальше все зависит от вас. Что до тупости, то я не знаю сколько нужно вышить, чтобы принять трансформаторную будку за туалет.

— Трансфо... — Максим все понял.

— Так меня током ударило...то-то я смотрю — сон странный. И я, вы говорите, в коме? А здесь тогда что? Дух отца Гамлета?

— Здесь ты, да я, да мы с тобой, — захихикал старик, — и поверь, я тоже не слишком

рад тебя видеть. Как по мне — только время терять. Горбатого могила исправит, но ты и здесь все сделал наполовину.

Внезапно он посуровел:

— Хватит лясы точить, дружок. Око за око, зуб за зуб, год за год. Не знаю уж, чем вы так не приглянулись Госпоже, что она видеть вас пока не хочет, но сути дела это не меняет. Видал я многое и многих, и с моей стороны все будет честно.

Вы приговариваетесь к тридцати годам (три года я уж скину вам на детство) Арены Справедливости. Ну или как пойдет. Удачи, рукоблуд запойный.

— Да почему сразу запойный? — возмутился Макс, — и когда это было? не считать же запоями небольшие студенческие дружеские двухнедельные... и замолчал.

Окружающее стало вдруг очень ясным, но ничего кроме удивления не принесло. Оглядевшись, Максим осознал себя голым, сидящим, а не лежащим, на какой-то кровати и в помещении, определенно похожем на камеру. Кирпичные стены, зарешетчатые окна, массивная дверь, ведро в углу без цветов.

— Ай, — завопил он, пытаясь встать и плюхаясь обратно на кровать. Пол оказался усыпан колющейся дрянью.

— Очнулся, малохолный? — пророкотало от двери. Макс вздрогнул, он готов был поклясться, что секунду назад там никого не было. Здоровяк типажа "квадат" с сочувствием глядел на него.

— Тогда не ной и поши.

— Дяденька, — Максим старался говорить как можно ласковее, — кто вы, где я, почему вы в кольчуге, когда вы последний раз брились и зачем вам эти дубины в руках?

Здоровяк и глазом не моргнул.

— Я твой наставник, дитячко, а ты там где надо, в кольчуге я чтобы больно не было, бреются у нас только бабы перед свадьбой, а без дубин нам никак нельзя — как же иначе ловкость развивать? Выносливость? Силушку богатырскую?

— Ловкость? — Максим постарался уцепиться за первое слово.

— А как же! Без ловкости совсем никуда. Как же ты, например, будешь без ловкости людишек спасать?

— Я?!

— А кто еще? Есть и другие, конечно, но без тебя никак, так что не ной, малохолный, пойдем.

— Здесь пол колючий.

— Да, есть такое.

— Я голый!

— А зачем тебе одежда?

— Я есть хочу.

— Вот! — обрадовался бородач, — После тренировки всегда обед. Пойдем скорее, а то устанешь раньше времени.

Чертыхаясь, Макс похромал к двери.

"И прикрыться то нечем, — подумал он, осматривая комнату. Голые стены, на окнах решетки. Красота. И тренировки какие-то".

— Сюдой иди, хороняка, тута песочек, ногам хорошо, — вновь раздался уже за дверью знакомый рокот.

Могучий "дядька" действительно стоял на песке, покрывающем площадку круглой

формы, окруженную десятками продолговатых строений с дверьми, в которых Максим сразу определил "камеры", подобную в той что очнулся.

— Палку возьми, — здоровяк ловко швырнул дубину своему "малохольному".

— Бей.

— Как бить? — решил потупить Максим.

— Как хочешь.

— Больно ведь будет.

— Пусть.

— И не страшно? — Максим начал закипать от того, что никак не может "нормально проснуться", и надеясь ускорить процесс.

— Страшно. Я вообще дураков побаиваюсь. Но глупых дураков еще больше.

— А звать тебя как?

— Иваном.

— Ну хоть имя русское.

— Отож, — осклабился "квадрат", — ты бить-то будешь?

Максим рассвирепел. Глупейшая пьянка, ссора с Ленкой, теперь еще это! У всех сны как сны, а у него дебилы с дубьем, кого угодно выведет из себя!

Размахивая палкой, он налетел на "дядю Ивана", стараясь шарахнуть побольнее, однако попасть не мог. Тот уклонялся, казалось, вовсе почти не двигаясь. Это было уже слишком. Максим отдался воле бешенства, совершая все более широкие замахи и издавая дикие крики, но с тем же результатом.

"Когда же я проснусь, а?" — билась мысль.

— Неужто правда? — с явным изумлением вдруг произнес Иван.

Максим споткнулся от неожиданности.

— Что?

— Да погоди ты, — пробормотал здоровяк, — ща...

Последнее что смог увидеть Максим — дубину летящую в его голову.

.....

— Да разве я виноват, господин маг? У него в личном деле сказано "мозгов нет", я подумал еще, что так не бывает, а как он махать дубиной начал, так и подумал, что правда нет, ну и....

— В деле у него написано не "мозгов нет", а "Импульсивен. Склонен к непродуманным действиям"! Это у тебя мозгов нет! Он ведь еще не на Арене!! Подобные травмы до нес недопустимы!! Ты представляешь сколько маны пришлось потратить, чтобы вылечить ему башку?!

— Ну не мог я не проверить, господин маг! Это ведь, если цельная кость, то какое преимущество бы могло быть!

.....

На этот раз Максим проснулся с ощущением необычайной легкости и полноты здоровья.

"Ну и слава Богу, наконец-то вся эта чушь позади!" — подумал он, вскакивая.

— Айй!!!!

— Что за черт?! — от изумления он сразу позабыл о боли в ступнях. — Не может быть!!

Увы, но находился он в своей "камере" и, по-прежнему, голый.

— Очнулся, малохольный? — пророкотало от двери.

В голове зашумело от шока, все словно поплыло, и он судорожно ухватился за край кровати. Постепенно в глазах прояснилось, но легче от этого не стало, и многое Максим отдал бы, чтобы не видеть никогда то, что увидел.

Глава 2

— Вот сам подумай. Некто купил пять яблок. Затем другой Некто их отнял. И съел. Тогда первый Некто идет в суд, и суд должен решить чья правда. Кто же из них прав?

— Как это кто? Тот кто купил яблоки, то есть первый Некто?

— Во ты дурень! Не видел бы сам, что мозги у тебя все же есть, решил бы, что и нету! Прав тот, кто сильнее!

— А....

Максим завис. Уже третий день как жизнь его протекала в однообразных избиениях от палки Ивана, и он пользовался любой паузой, чтобы отсрочить продолжение столь неприятного действия. Иван, надо отдать ему должное, всегда как мог подробно отвечал на вопросы, иногда лишь вздыхая на "бестолкового".

Но отвечал всегда, даже прерывая "занятие". Особо засыпать "дядьку" вопросами Максим и не стремился, в плане жажды познания "нового мира", внутренне считая постыдным проявлять действительный интерес к "глупой игре", ему казалось, что такое будет некоторой внутренней капитуляцией его, Максима Юрьевича, перед навязанным кем-то бредом. Но вопросы задавал, конечно, специально упрощая, представляя как взрослый говорит с ребенком.

Тем более, что сам Иван знал, как казалось Максиму, немногое. Впрочем, с момента понимания своего "попадания", он вообще не мог относиться к "дядьке" серьезно, считая его не более чем "программой", пока эта ухмыляющаяся "программа" не избила его в...он сбился со счета в который раз, но заставила относиться к себе серьезно.

Максим и сам прекрасно чувствовал, что больно по-настоящему, но, защищаясь, цеплялся за мысль, что это лишь игра, которая не может длиться долго. Иногда он даже надеялся, что показалось, или разыгралось воображение, или еще что, но вот-вот морок развеется и он вновь будет дома.

Отбиться от Ивана он не мог ни силой, ни хитростью. Дубина наставника легко отбивала все попытки Максима атаковать, казалось тот просто знал все что будет делать "малохольный", и, давая выпустить пар, колотил его сам. Максим пытался сосредоточиться на силе, действуя палкой как колуном, но Иван, явно в насмешку, просто подставлял свою палку, и Макс отскакивал, шипя от боли в собственных пальцах. Максим пробовал атаковать внезапно, но "дядька" парировал не сходя с места, начиная движение едва не раньше его. Максим раздражался, и наскокивал, стараясь двигаться как мог быстро, но, увы. Соперники оказались слишком разного уровня.

Как ни странно, но в поддержании восприятия "это все сон, затянувшийся сон", при невозможности поймать ощущения отличные от тех, что должны быть в реальности, помогало явственное наличие магии, в виде мази для травм, после нанесения которой все синяки пропадали в течении буквально минуты. Сны тоже приносят боль, думал Максим, когда заметил за собой, что стремится поскорее потерпеть поражение, то есть оказаться избитым, чтобы волшебная мазь, иначе и не назовешь, вернула его в здоровое состояние.

— Зачем же нужен суд, чтобы определить кто сильнее? — не понял Максим.

— Как это? — в свою очередь продемонстрировал непонимание подобной глупостью Иван, — А справедливость? Справедливость, малохольный, она основа всего. У государей одна, у дворян другая, у простых людей третья, у купцов вовсе своя. Это дворянам хорошо —

на дуэль вызвать обидчика можно, а прочим что делать прикажешь? Они и идут сюда.

— Сюда?

— А где еще нанять бойцов, готовых отстоять не свою справедливость, а то и погибнуть за чужую правду? — улыбнулся Иван, и до Максима дошло

— То есть мы...

— Ты. Я — нет. А вот ты и прочие малохольные — да.

Приходят сюда люди и выбирают своего защитника Правды. За деньги. У каждого своя цена, малохольный.

— Ээээ...но ведь тот у кого больше денег, тот...

— Сможет нанять более сильного бойца, — кивнул "дядька", широко улыбаясь, — это ведь справедливо.

— То есть, — медленно подбирая слова, проговорил Максим, — ко мне может прийти Некто и...а я могу отказаться?

— Можешь, — еще шире заулыбался Иван, — ты все можешь! Например, встать, и хотя бы раз задеть меня дубинкой. Наверное.

По словам Ивана, кроме Максима в "домиках", окружающих арену, жило около двух десятков мужчин и женщин, и легко могло разместиться еще больше.

— Такие же малохольные как и ты, — охарактеризовал их "дядька", — знать друг о друге можно, видеть вам друг друга нельзя. Иначе может выйти несправедливость, — туманно пояснил он

Что за люди, где и с кем они занимаются, Максим так до конца не понял, поскольку на площадке кроме них с Иваном никого эти дни не было.

Кто же такой зловредный дед, "дядька" не знал тем более, а на вопрос Максима откуда он взялся на этом свете — заржал.

Обеды, впрочем, как и обещано, были плотные, хотя и простыми. Иван вообще любой прием пищи называл "обедом", не обращая внимания на время. Максим просыпался, видел потолок своей "камеры", и почти сразу слышал голос "дядьки", зовущий на тренировку. После утреннего обучения-избиения, когда Максим едва приходил в себя после целебного воздействия мази, прямо на площадке неведь откуда появлялся стол с хлебом, сыром и вареным мясом в глиняных тарелках. Запивать все предлагалось обычной водой. После чего тренировка возобновлялась.

"Действительно игра, — который раз решил Максим, — причем какая-то недоделанная. Но ощущения как настоящие, и больно и даже вкусно. Однако тупая все-таки. Почему я не становлюсь сильнее и быстрее? Где пробуждение магии, или чего там? Где кач? Что за абсурдный день сурка?"

Еда вскоре тоже надоела однообразием.

— Может и водочка есть? — с грустью выпив воды, решил обнаглеть парень.

— Есть родимая, есть, — радостно закивал Иван, — только ее за так не получить. Заработать должно. Справедливость помочь восстановить людям. Иначе кто поить за так будет, а?

— Ну давай восстановим, — пожал плечами Максим, — чего там надо то на справедливость ценой в бутылку? Инвалида избить? Я готов.

— Инвалида избить — дело хорошее, инвалида даже убить хорошо, если неправ этот инвалид, — согласился Иван.

— Но тут иное.

— Мыслил я тебя еще с недельку погонять, но раз водочки душа требует — медлить нельзя, так ведь?

Максим кивнул.

— Бегляночка тут одна. Из дома сбежала, от родного отца с матерью, дрянь такая. Они так и заявили, что "дрянь", мол. А отца и мать почитать надобно, как иначе? А эта — бежать, да к судьям, дура этакая, когда денег нет вовсе. Но закон один для всех, даже для таких как она.

— Ну и вот, а самое смешное, малохольный, что если у дитя нет денег, то за него родичи взнос делают. Закон. То есть им и за себя и за нее платить. Но за нее наименьшую цену, понятно. Тебе как раз на бутылку хватит. Согласен?

— Да я то согласен, а что делать нужно?

— Как это что? Состязание выиграть, ясное дело

— Какое?

— Разные бывают, но здесь совсем легко и просто. Даже говорить не о чем. Пару псов на нее спустят, на неблагоприятную, ну, на тебя то есть. А ты отбейся! И бутылка твоя.

— Псов? — Максим засмеялся, раздражаясь на очередной абсурд и упорно принимая все за шутку.

— Ага. Ты обернись. Тянуть не будем, а то мясо остынет... Ахахаха, вот это я пошутил, да.

Максим обернулся и вздрогнул, увидев невесть (опять!) откуда взявшегося пожилого крестьянина (он так решил определить по лаптям), державшего на поводках двух огромных собак, напоминающих немецких овчарок, но более крупных, и девушку на вид лет пятнадцати, в потертом зеленом платье.

— А говоришь зачем мне одежда, — зло прошипел он Ивану, — тут женщина, а я голый!

— Не о том ты думаешь, малохольный, девка что, а вот собачки и отгрызть могут, — улыбнулся "дядька".

— Я бы их мигом раскидал, но вот как ты справишься — не представляю.

— А я и не буду справляться, — заявил Максим, — чтобы меня псы разорвали?! Ищите другого, отказываюсь.

— А вот это уже нельзя, парень, никак нельзя, — очень серьезно произнес Иван, — слово было сказано, что согласен. Первое слово дороже второго.

— Да ты ведь говорил, что могу отказаться! — возмутился Максим.

— Говорил. Можешь. Ты все можешь. Но тогда худо тебе будет. Сильно.

И Максим замолчал, во-первых донельзя удивленный, что его впервые назвали иначе как малохольным, а, во-вторых, интуитивно почувствовав, что спорить и вправду выйдет себе дороже.

"Да что со мной будет, в конце-то концов?", — подумалось ему, — "Даже если загрызут, и что? Вылечат быстро. Уже излечивали...а раз так, то чего я боюсь? Это игра такая, игра, девочки, дядька, собачки, а я просто в коме лежу. Когда уже меня из нее выведут?", но вслух лишь буркнул:

— Ладно уж... Хорошо тебе, все же не голый. Хоть бы сапогами поделился, бегать сподручнее, а?

Иван не понял юмора.

— Заслужишь — будут и сапоги.

— А как ты их заслужил? — инстинктивно Максим тянул время.

— О, это было давно, — расслабился здоровяк, — на войне. Я ведь и в армии царской служил. Офицера неприятельского убил. И сапоги с него снял. В сержанты произвели. Эх. Были времена! Я разрубил голову этого пса так ловко, что...

Иван махнул рукой, отгоняя столь приятные воспоминания, и, убрав ложку за пояс, встал между всеми участниками планируемого действия.

— Значит так. Что мы имеем? Две справедливости не совпадают одна с другой, а стало быть присутствует несправедливость! Это нехорошо. Но справедливостей в данном случае всего две — и это хорошо! Это значит, что дело простое. Сравнить их, да посмотреть. С одной стороны Правда родительская, — кивнул он на мужика, — кормили девку, поили, растили, уму-разуму учили, одевали, обували, к труду приучали, собирались замуж выдать, да она бежать! Так?

Крестьянин спокойно кивнул.

— И тем самым девка ущерб нанесла немалый. Плюнула в лицо значит. Позор навлекла. Теперь соседям в глаза смотреть стыдно, и в старосты отцу путь закрыт, и прочих деток не пристроить нормально, кто же ее сестер замуж возьмет? Кто за братьев пойдет? Нет, кто-то и возьмет, да расходы какие? Кто-то и пойдет, да теперь какие? Всех унизила. Что же, в семье не без урода. Бывает. Желают родичи ее разумно наказать. И затравить собаками беглянку. Готовы дать двадцать серебряных монет. Воля семьи — закон. Да будет так.

Крестьянин вновь спокойно, даже как-то солидно, кивнул.

— Теперь другая Правда, — продолжал Иван, — бежала почему? Ну, били сильно, замуж не хотела, то есть хотела, да не за того. Банальность. И любви хотела. И вот хотенья-нехотенья эти к чему все привели? Отец узнал, что спуталась не с тем, ну и прибить хотел, да ты бежать успела. И, жизнь спасая, прибежала в суд. Мол, так и так, кругом я виновата, но жить хочу. Суд говорит: решайте на Арене. Да денег нет. А потому — родитель твой платит одну монету, чтобы найти защитника тебе, если не хочешь выйти в круг сама. Ты хочешь?

Девушка отрицательно замотала головой. В процессе речи Ивана, Максим смог присмотреться к "бегляночке", и она очень ему не понравилась. Она было определеено красива, но, в то же время вмней было нечто отталкивающее. Невысокая шатенка стояла переминаясь с ноги на ногу. Максим вдруг понял, что не так. Все ее части тела казались если не совершенством, то близкими к идеалу, однако же все вместе выглядело странно некрасивым. Так же и лицо: нос, губы, глаза, щеки, при рассмотрении отдельно, претендовали на оценку "замечательно", собранные же все вместе вызывали внутреннюю гадливость. "Ну и глаза, — подумал он, — ишь как бегают. Шальная девка. А лицо? Какое-то подленькое. Я хочу, и наплевать на все и всех. Такая действительно мать продаст, если вздумается. Отвратительный тип. Или мне кажется? Да нет, мерзкая дамочка. Молодая, да ранняя. Леди Винтер, блин, имени моей комы. Откровенная тварь. И за нее я должен сражаться? Да и сожрали бы ее песики, бровью не повел бы. Или я боюсь? Нет, правда дрянь какая".

— Давай, парень, — в голосе Ивана слышалось явственное желание ускорить процесс. Вперед и с песней. Любой. Валишь собак, получаем монету, и обед заиграет новыми красками! Ну чего встал? Песиков испугался? Так они умные, даже натасканы на лов, а не на бой. Ученые. Палку в руки и вперед! Не посрами меня, малохолный!

Максим сглотнул и вышел в центр прощадки.

"Жил не тужил, горя не знал, и за что мне все это", — думал Максим, отпрыгивая от наскაკивающих псов, — "ну, баловался иногда, так чем я хуже прочих? Тоже мне, наказание! За что? Что и кому я такого сделал, что вышло вот так, голым трясу своим бесценным генофондом перед какими-то бешеными псинами? Да и не нужна мне уже эта водка..."

— Ай! - завопил он, когда одной из собак удалось обойти его палку и тяпнуть за ногу.

Укус оказался весьма болезнен, но хуже всего, что, буквально почуяв кровь, псы совсем озверели, если можно так выразиться. Макс же, напротив, изрядно струхнул и потерял в движении. Расплата пришла незамедлительно: одна из собак с бешеным рыком вцепилась в палку, а другая нацелилась в горло, и Максим смог лишь успеть прикрыться рукой, сразу захрустевшей в челюстях твари.

— Ааааааа, — заорал он во всю мочь от боли и страха, тогда как вторая собака бросила палку и челюсти ее сомкнулись там, где Максим боялся больше всего на свете.

Такого ужаса еще он в жизни своей не испытывал, Макс словно одеревенел, машинально вцепившись здоровой рукой за ухо животного, и закричал так, как и не знал, что может. Счастливый визгливый хохот, услышанный сквозь собственный крик, добил его окончательно, и Максиму показалось, что он лишился сознания.

Спустя какое-то время Максим понял, что это не так, и он все понимает, однако боль он перестал чувствовать, с некоторой заторможенностью глядя на то, как псы грызут его тело. Мыслей не было, каких-либо ощущений тоже. Но ситуация почему-то стала изменяться и будто ускорилась, впрочем, Максим и сам не очень мог описать странность ощущения. Пришедшее холодное спокойствие возвращало его в мир разума, избавляя от шока, и Максим расслабился, насколько возможно применить это слово к ситуации. Собаки продолжали с упоением его рвать, одна почти отгрызла левую руку, вторая переключила внимание на ногу, а он, не ощущая боли, с каким-то равнодушием глядел на это. Игра есть игра, думалось который раз, а на игру ведь можно просто смотреть, даже будучи ее участником. Первым же чувством, нарушившим его нирвану, предсказуемо оказалась злость. Не та злость, которую он знал ранее, не то чувство, что вызывает ослепление, сужает чувства и обостряет восприятие, не вызывающий дрожь выплеск адреналина, а некая отстраненная злость, которая способна существовать словно отдельно от человека, но который точно знает, что она есть и от нее легко не избавиться.

Максим спокойно наблюдал за тем как в нем, и будто одновременно вне него, растет нечто очень темное, как злоба раскручивается, становится едва ли не физически ощутимой, как она невидимо опутывает его тело, и, интуитивно чувствуя, что нужно делать, представил как сливается с ней, мысленно "открывая" ей себя всего.

Рука парня смяла череп собаки словно бумажный стаканчик.

"Ну вот и свершилось, — подумал Максим, поднимаясь — прокачался! Непонятно как, непонятно чем, но, кажется, это оно!"

Вторая овчарка отскочила назад и залаяла с какой-то обреченностью в голосе. Макс оглядел себя — он был весь в крови, но никаких повреждений, нанесенных псами, не было. Он ухмыльнулся. Все оказалось еще проще, чем он думал.

— Ну что ты, милая, — обратился он к живой пока еще собаке, — иди ко мне. Вкусно ведь. Держи руку, ам-ам.

Собака завыла, поджала хвост, покрутилась на месте, словно не зная куда ей деться, и все-таки атаковала. Максим поймал ее в воздухе левой рукой, прямо за пасть. Приблизив ее

к себе, он равнодушно посмотрел в безумные от страха глаза, после чего вздохнул и двумя руками разорвал ее пасть без каких-либо усилий.

Глава 3

— Ну и натворил ты дел, парень, — Иван выглядел рассерженным и растерянным одновременно, — все испортил!

— Я испортил?

— Ну да. Не я же. Ты ведь, бестолочь, не развивался ни хрена! Иван откровенно злился.

— Вообще никак. Только мясо жрал, да дурака валял! Никаких шансов не было из тебя что-то путное сделать. Ноль. Пустота. Тебя хоть десять лет тренируй, все такое же дерьмо останется. Какая Арена, куда тебя выпускать, когда, против кого?

— А что же выпустил, да еще против этих бешеных овчарок? Максима отпускало холодное равнодушие и уже здорового трясло. События последнего... часа, получаса, он не знал точно сколько прошло времени, но казалось, что очень много, случившийся калейдоскоп событий провел некий водораздел на до и после.

Сперва испытание, до последнего желаемое восприниматься как прикол, но ставшее серьезным на уровне жизни и смерти, вид псов, грызущих его вживую, и, который он понимал, что никогда не забудет. Затем нечто, посетившее его и ставшее им самим. Легкая победа, скорее легкое убийство собак, порванных им руками как бумажных. Затем бешеная злость "спасенной" девушки, от криков неистовой ярости которой звенело в ушах, взгляд потерянности и отчаяния ее отца, да и с "дядьки" разом слетело все добродушие. Наваливалась усталость. Макс понимал лишь то, что ничего не понимает, а также то, что понимание не принесет ему радости.

— А что тебя и не выпустить? Толку все одно — нет. Что сейчас, что год на тебя потратить. Нет, я готов, если в коня корм, но ты?! Повторяю — не было, ну не было никакого прогресса, ни-ка-ко-го. Это ведь сразу видно. У кого глаз наметан, как мой, например. Чуть-чуть, но фиксируется сразу. А у тебя ничего не было заметно. Уникальный в чем-то случай.

— Да что можно увидеть за пару-тройку дней?! — Не выдержал Максим. — Я не спортсмен вообще-то.

— Все можно увидеть, парень, все. И за день можно.

Иван словно сдулся. Еще раз поглядев на подопечного, он обреченно вздохнул и махнул рукой.

— Что теперь сделаешь. Победа есть победа. Да еще такая. Зеркало будет у тебя в комнате сегодня уже.

— Какое зеркало? — Не понял Максим.

— Обыкновенное. Зеркало. Смотреться в него будешь.

— А... а раньше почему не было?

— Раньше смотреть было не на что.

— Понятно.

— Да ничего тебе не понятно!! Ты хоть сам понял, что произошло и что вообще было?

— Понял. Состязание. — Максим устал и хотел спать, а разбор всего этого предпочел бы оставить на потом, но "дядька" не унимался:

— Да нет, малохольный, не состязание это было. Слить я тебя хотел. Обузу бесполезную сбросить. Все равно перспективы не видел. Лучше раньше, чем позже, а то привык бы еще, привязался, труднее бы было. Сам убить тебя я права не имею. Но выставить на состязание Справедливости, хоть и низшего уровня — могу. Я и выставил. А для тебя какой уровень не

ставь, все неподъемное! Ну, я так думал. Выбрал все честно — самое простенькое, двух шавок отпинать. Да ведь против тебя хоть кролика поставь — и тот победит! И ты еще, дурак, водки потребовал! Совсем охренел, парень, ничего сам не может, а выпить мастак! Разозлил ты меня, вот и подумалось мне, чего тянуть. Сколь веревочке не виться...

— Но я внезапно победил, — Максим решил поскорее закончить с беседами и терпеливо слушал, а когда Иван замолк, вернул к теме. Что его подставили, он и так уже понял, не чувствуя, однако, никакой антипатии к "программе". Что с нее взять? Неловко скорее то, что это он забылся, что все не по-настоящему, очень уж больно и страшно было поначалу. Но игра есть игра, опять подумал Максим, и раз приходится принимать в ней участие, то можно иногда принимать ее правила.

— Ага. Победил. И это самое интересное. Ты ведь у нас маг, получается.

— Маг? — Макс нашел в себе силы улыбнуться.

— Маг. Кто же еще. Не может человек, во всяком случае такой дохлый как ты, руками кости сминать. Не бывает у обычных людей такого. Значит магическая сила в тебе. Значит — маг. И проявилась она, сила, тогда, когда надо, что тоже указывает. Магия, парень, она не только наказание, но и награда. Бережет она своего носителя. Хотя бы старается сберечь. Иначе в чем ей развиваться? Знай я заранее, в жизни бы несчастных собак под тебя не подставил. Или подставил бы, но монет за шестьдесят минимум. Тебе на три ящика водяры хватило бы.... Шучу, шучу... Так вот. Это и объясняет почему тело твое вообще на занятия не реагировало. Не может маг физически развиваться, без развития силы магической. Гармония должна быть, — Иван сделал руками неопределенный жест, означающий у него, вероятно, гармонию, и грустно огляделся.

Максим хмыкнул. Они продолжали стоять на площадке, идеально круглой, но гармонии отчего-то не ощущалось. Ей мешали то ли разбросанные части "несчастных" собак, то ли кошель с рассыпавшимися монетами, брошенный отцом девушки, то ли сама девушка, сорвавшая с себя платье, совершенно его разодрав, и теперь всхлипывая стоявшая к ним голой спиной с бутылкой водки в руке.

"Какая грязная у нее задница", — с отвращением подумал Максим, а вслух спросил:

— Зачем она, кстати, платье разорвала?

— Дура. — Пояснил Иван. — От злобы совсем мозгой поехала.

— Злобы? Я ведь ее спас! — Максим почувствовал, что отвращение к девице ничуть не уменьшилось.

— Спас! Ахахахаха. Какой ты дурень все-таки, — заржал "дядька", — да ты ее сгубил как раз. Так ей и надо, впрочем. Понимаешь?

Макс отрицательно помотал головой.

— Она до брака спуталась с одним, соседи и заметили. Что делать? Замуж такую никто не возьмет, если Правда ее сильнее отцовской. Да и прочим родичам худо. Отец дал ей монету и послал "бежать" в суд. Суд, естественно, приговорил к Справедливости. Кого можно нанять за одну серебрушку? Лишь полного неумеху, вроде тебя. Отец выигрывает состязание, и получает дочь назад, раз его Правда сильнее. Все по-справедливости! Ну а далее... Да вроде как отмыта она от позора. Возбухнула — получила. Смирилась. Послушная дочь. Краса и гордость... ну почти. Можно замуж выдавать. Отец в авторитете, вроде как собственность вернул, а с собственности какой спрос? И ей неплохо, и погуляла и не потеряла ничего особо, считай. И мне хорошо — от обормота поскорее избавиться. Только тебе было бы плохо. Таков был план, который ты и испоганил.

— А теперь что? — Глухо спросил Максим.

— А теперь она твоя собственность по факту.

Ты ведь своей Правдой ее поддержал. И доказал, победил то есть. Домой ей путь совсем заказан. Хочешь — женись на ней, кстати, тоже неплохой вариант, только зачем жена, когда можно держать наложницей? У жены прав многовато... Или хоть в бордель отправь, в город, пускай деньгу зарабатывает. Тебе. Толку с нее особого — не более чем с тебя. Или в деревню на заработки отправь, там, впрочем, с деньгами для баб не очень. Можно вообще приказать идти в город, например, и приносить каждый месяц деньги, сколько скажешь, а дальше ее забота.

— И что, принесет? — ухмыльнулся Максим. Чувствовать себя каким-то рабовладельцем было непривычно, но отвращение к девушке ничуть не уменьшалось.

— Сколько сможет — принесет. А за недобор — бей. Или не бей. Или убей. Твое дело. Теперь ты ей вместо отца по сути. Не хочешь сам жениться (и, откровенно, все же бы не советовал), так замуж выдай. Как на приданное зарабатывает. Если ты ей его, приданное, сам не подаришь. С ее нынешней биографией — не меньше сотни серебряшек. Но пристроить ее надобно. Иначе нельзя. Если совсем серьезно, то она не может не уметь шить, вышивать, убирать помещения, готовить, или, хотя бы помогать повару, стирать, да и скотина в городе при больших дворах имеется, деревенскую охотно возьмут. Сам думай.

— Извини, но я спать.

— Да пожалуйста. Но с ней то что делать хоть можешь решить?

— Это несложно. В бордель.

Когда Максим вернулся в свою "камеру", он просто рухнул на кровать и уснул. Все это было для него как-то слишком.

Проснувшись, Макс обнаружил в комнате обещанное зеркало, прислоненное к стене. Большое, в полный его рост. Шипя на колючесть пола, он подошел и смог, наконец себя рассмотреть. Увиденное не слишком понравилось. Высокий, но очень худой, впавшие глаза, какая-то рахитичность облика.

"Да, запустил себя дядя Максим. Что Лена могла найти вот в этом? Кошмар", — грустно признался себе Макс. "С этим мордоворотом сравнить... да лучше и не сравнивать. Кстати, а что же он не зовет?"

Максим проковылял до двери и вышел. Солнце привычно ударило по глазам. За эти дни погода не менялась, Макс подумал, что не видел еще ни облачка. Ивана было не видеть, и он стал прогуливаться по площадке, считая "камеры" окружающие ее. Их было двадцать четыре, то есть было двадцать четыре двери, стояли они плотно и высота помещений не давала рассмотреть ничего далее, создавая свой замкнутый мир.

— Откуда же появляется "дядька"? — Подумалось вслух.

— Оттуда, — раздался негромкий незнакомый голос.

Максим резко повернулся. Шагах в десяти от него стоял человек средних лет, смуглого цвета лица, с пытливым взглядом. Одевание незнакомца состояло из окутывающей накидки белого цвета, на ногах — грубо сделанные сандалии. В руках человек держал посох с наверху из зеленого камня. Посох. Максим впился в него глазами.

— Маг? — Бросил он одним словом.

— Маг. — Не стал отрицать незнакомец. — Самуил. Третий ранг.

— Максим. Голый человек. Но с палкой.

— Да, наслышан, — улыбнулся маг, — голый, наглый, глупый, да еще с магией. Обезьяна с гранатой.

— У вас здесь еще и гранаты есть? — Максим решил не удивляться ничему, следуя правилу Горация, и просто поддерживать странный разговор. — А я думал, что магия и порох несовместимы.

— Не знаю, что такое порох, но гранаты у нас, именно у нас, Максим, есть. Речь, однако, о том, что вы сами представляете проблему не меньшую, чем граната в руках существа не представляющего как ей пользоваться, и думающего, что это лишь игрушка.

— Что вы хотите от меня, Самуил? — Максим решил проявить вежливость, — и где Иван?

— Вы о своем дуболоме-тренере? — Маг рассмеялся, обнажив крепкие белые зубы, — он занят, как и всегда, тем, что наставляет подобных вам. Вскоре Иван к нам присоединится, но сперва мне бы хотелось поговорить с вами один на один. Вы позволите?

— Разумеется, — Макс пожал плечами, — мне и самому интересно пообщаться с кем-нибудь поинтереснее моего глубокоуважаемого наставника по размахиванию дубиной. Что вы хотели бы узнать?

— Я хотел бы узнать то, что знаете вы, Максим, — мягко улыбнулся Самуил. — Например, отдаете ли вы себе отчет кто вы и где находитесь? Что за мир нас окружает? Каковы его правила? История? Прошлое, настоящее и будущее? Или не отдаете? Иван описал вас как человека равнодушного и малоинтересующегося, так, будто вам все равно. Словно вам нравится быть дурачком, и даже бравировать этим. Одновременно, все же, вы определенно не глупец, иначе Магия не выбрала бы вас. Потому не вполне ясное поведение ваше и вызывает первый вопрос. Кто вы?

Максим задумался.

— Кто же я... — начал он, — обыкновенный человек. Жил себе и жил. По пьяной лавочке что-то случилось, не знаю что именно, но голоса и видения странные, уверяют будто я в коме лежу, без сознания. Одновременно я здесь. И где это — не представляю. Мне кажется, все здесь мое воображение, и потому уд, извините, сложно воспринимать это, и вас тоже, всерьез. Ну какая еще магия? — Макс улыбнулся, — Материалист я. В то что повредил голову — верю. Вот и мерещится всякое. Хоть и очень натуралистичное, должен признать, не знаю уж, гордиться ли мне силой своего воображения или ругать его.

— Вот оно что, — нахмурился Самуил, — вы не верите в реальность окружающего вас?

— Именно.

— Но это понятно, ведь, раз вы природный маг, то само понятие реальности для вас должно быть весьма условно. Как же иначе? Человеку обычному, то есть лишенному магии, проще — вот стол, вот стул, вот дерево, вот река. Он может вносить перемены, сломать стол, к примеру, или срубить дерево, вспахать землю, и окружающее изменится. Но он не может превратить дерево в камень, даже на время, отчего для него дерево всегда останется деревом, даже разрубленное в щепки. Вы же...не верите в магию? — в голосе Самуила прозвучало искреннее удивление, — не верите в то, чем обладаете лишь потому, что не привыкли? И предпочли думать, что все нереально? Но это действительно глупость, какая-то детская даже. Как если закрыть глаза руками, то вас вроде и нет, раз не видите вы, то не видно и вас.

— Вы не поняли меня, — Максиму определенно понравился этот человек, и он с удовольствием решил продолжать разговор, — я не верю в окружающее потому, что помню и знаю как все должно быть. Здесь другой мир перед моими глазами, а, вернее, перед моим

воображением. Он нереален. Как вам сказать...представьте, что я из другого мира. Мира где нет никакой магии, а есть наука и разум. И вот в том мире, я пострадал и лежу в больнице без сознания, в коме. Сознание же мое показывает мне все эти картины, включая вас. Вероятно, таким образом, мозг поддерживает себя в форме, ожидая когда я выйду из комы. Только и всего.

Самуил расхохотался.

— О, несчастный человек! — воскликнул он, — вы так молоды, а цепляетесь за некое "прошлое" как старик. Если оно есть, это ваше прошлое. Вы не задумывались, например, над тем, что все наоборот? Что вам просто отшибло память, и то, что вы считаете своим настоящим прошлым — нереально, тем более, что звучит вами сказанное весьма и весьма странно, а в действительности вы жили не где-то еще, а здесь, а после некоего события, того же удара головой, все забыли? И разум ваш, чтобы не сводить с ума, подставляет картины того чего не было? Почему же вы выбираете верить тому чего нет перед тем что есть буквально перед вами? Откуда вы здесь взялись по-вашему? Что первое вы помните?

Максим почувствовал, что разговор перестает ему нравиться.

— В комнате. На кровати. Голый. Это по-вашему правильно?

— Правильно. Вам стерли память.

— Вот как? Отчего же я все помню?

— Не помните. То что вам кажется вы помните — любопытно, но несет лишь академический интерес. Что именно подсунуло вам сознание для заполнения пустоты. Не более. В действительности вам все-таки стерли память. Это совершенно точно.

— И кто же это сделал? — Максим криво усмехнулся. Хотя он чувствовал, что скепсис его начинает продавливаться под спокойной уверенностью своего собеседника, но держался вполне твердо.

— Глава рода, само собой. Кто же еще. Страшное наказание на самом деле. Вы преступник, Максим. И мне даже не хочется знать, что же такое вы должны были совершить, чтобы вас отсекали от рода, стерли память, лишили дворянства и отправили сюда умирать.

— Лишили дворянства?

— Как иначе объяснить у вас наличие магии? Вы дворянин по рождению. Как и я. Но в вашей анкете указано: "плебей", значит дворянства вы лишены. А магия осталась. Иначе и быть не может, нет иных объяснений. Пользоваться магией вы не умеете — одного этого достаточно, чтобы сделать вывод о стертой памяти. Провести подобную процедуру оставив носителю жизнь способен лишь глава рода. Ну и, наконец то, что вам назначено тридцать лет Арены, говорит о том, что это казнь растянутая во времени.

— Вот вы где, что, малохольный, соскучился? — загремел знакомый бас, и на площадке появился Иван, — заждался, небось, болезный?

Максим был рад его появлению. Самуил сумел смутить разум, а простой и понятный "дядька" казался тем, что может, если не отвлечь, то дать психологическую передышку.

— Да, наставник, немного соскучился.

— Смотри как заговорил, — рассмеялся Иван, — а то все губу топырил. Вот что магия с людьми делает! Разве я не прав, господин маг, и вам доброго здоровьичка, кстати, — обратился тот к Самуилу.

— Прав, Иван, прав. Что показывать будешь, чем потчевать?

— Дык это, — смутился "дядька", — я потому и подал рапорт, что маг, то есть вы, надобны. Нечего мне показывать.

— Как так?

— Да так. Не умеет он ничегошеньки. И учить я его не могу. Не знал ведь, что из благородных он. Писано — "плебей", значит понятно. Колоти палкой, пока тело в ум не войдет, затем чем покрепче... А тут хоть лоб расшиби (прости, кстати, малохольный, погорячился!), толку нет. Только с магией можно. Но, понимаю я, что и в магии он не шибко, ну и... — Иван покаянно развел руками.

— Надобно сразу все делать, одновременно. Чтобы и магия была, только тогда он расти будет.

— А мне это зачем? — Поинтересовался маг. — Впрочем, можно и посмотреть хотя бы, отчего нет. Давай, Максим, бери свою палку и в круг. Покажу тебе что такое "видения", неверующему, — улыбка Самуила стала слишком уж доброй.

Максим встал где указано. "Поиграем, — подумал он, — сейчас, судя по преамбуле, кач и будет. Стану я богатырем, силы немеряной, да ловкости невероятной. Ну и, где обещанные видения?"

Самуил отошел к краю площадки, и взмахнул посохом. Движения его казались очень плавными, текучими, как бывает у людей десятилетия занимающимися единоборствами, Макс даже залюбовался.

— Сейчас я покажу тебе тех, против кого может сражаться придется. А ты и сражайся! Они ненастоящие. Помни об этом и не бойся. Готов?

— Готов.

— Это было невероятно! Максим... Я не знаю даже как извиниться. Отныне и впредь, я никогда, никогда, никогда не буду судить о человеке по первому впечатлению. И по второму не буду! Твой лик будет немым укором в снах моих, попробуй я нарушить обещание! Ты хоть помнишь что произошло? Нет? Я так и думал. — Иван возбужденно расхаживал по площадке, размахивая руками. Самуил задумчиво наблюдал за ними, опираясь на посох. По лицу его прочитывать что-либо было решительно невозможно, но Максиму, под влиянием экспрессивной речи Ивана, показалось, что и маг чем-то поражен.

— Великий воин! Невероятная мощь! Лишенный страха и сомнений! Ты сокрушил всех! Против тебя вышли гоблины, огромные, могучие твари! Ты расшвырял их как котят! Дракон хотел спалить тебя, ты выстоял в огне и выдрал хвост у дракона, ты затоптал слонов, точнее, взял их за бивни и столкнул лбами так, что они сплющились! Надменные эльфы со своими луками хотели осыпать тебя тучей стрел, но стрелы не коснулись героя! Ты ветром поднял их (стрелы) и запустил обратно! Нет более надменных эльфов! Ты рыком могучим опрокинул фалангу гномов, испепелил стаю волков, людей низвел до уровня животных, превратил мужчин в женщин, а женщин в ничто! Ты посворачивал рога единорогам, а медведю дал такого пинка, что даже хорошо, что у тебя нет сапог! Это было... Нет слов. Величие могущества на марше, трепещите! Только с цветочками промашка вышла, единственное вот.

— Какими цветочками?

— О, ты даже этого не помнишь! Все началось с того, друг мой малохольный, что господин маг создал иллюзию растения, вызывающего сильный половой энтузиазм у мужчин. Действительно не помнишь? Или хоть капельку, немножечко, чуть-чуть все же успел запомнить, а? — Иван с надеждой уставился на Максима, но тот отрицательно помотал головой. Даже это небольшое действие вызвало боль, и парень схватился за голову.

— Дааа, — протянул Иван, — жаль, что не помнишь. Вид был что надо. Слюни дс песка, глаза как плоски, весь трясется, энтузиазм — внушающий! Полная боевая готовность и концентрация, как и положено доблестному воину! Но недолго, парень, недолго. Все-таки малохольный ты, ничего не попишешь. Трясся, трясся, промычал что-то, а потом глазки закатил и опал. Не целиком, впрочем, не весь опал. Да. Так и лежал как памятник стремления жизни и ее нестигаемой воли!

— А слоны?

Максим еще плохо соображал и потому спросил не додумав. Иван, хрюкнув, зарыдал от смеха, присев на песок, Самуил беззвучно трясся, опершись на посох. Макс почувствовал, что краснеет.

— Так ты все выдумал, про слонов? — начиная закипать, уточнил он.

— Ыыыы, — завыл наставник, который даже сидеть уже не мог, а лежал на арене в позе эмбриона, держась обеими руками за живот.

Макс же поднялся на ноги. Откровенно говоря, бесконечные насмешки Ивана все же делали свое дело, и, когда их накапливалось много, или же когда выходило что-то особо язвительное, раздражение прорывалось, при всем ситуативном флегматизме парня. Надоедало. Вот и сейчас, Максим, всем видом изображая олимпийское спокойствие, поднял палку, и, без какой-либо видимости гнева, ударил Ивана по плечу.

Мгновение спустя того уже не было на месте. Максим сморгнул, и тут же застонал от боли в руке, из которой вылетела выбитая палка.

— Однако. — Вновь "материализовавшийся" наставник очень внимательно глядел на Максима. — Как ты это сделал?

— Что?

— Достал меня. Палкой. Как?

— То есть? — Не понял Максим. — Подошел и стукнул, пока ты валялся и ржал.

— Я ничего не почувствовал. Вообще. Потому еще раз. Как?

— Да что такого-то? И в каком смысле не почувствовал? Чего вскочил тогда?

— Я не чувствовал атаки.

— Ты лежал повернувшись в другую сторону, — не понимал претензий Максим.

— Вы оба не понимаете друг друга, — вмешался Самуил. — И, кажется, я смогу немного вас просветить.

— Окажите милость.

Маг хмыкнул.

— Дело в том, Максим, что вы этим действием показали больше, чем мы могли бы добиться, пройди вы даже предлагаемое мною испытание, а не провалив его. Вы могли пройти его, не хмурьтесь. Могли не пройти. Я предполагал, что вы пройдете его частично. Могло быть что угодно. Но вот задеть Ивана вы не могли никак. Совсем. Однако же — невероятное случилось, случилось на наших глазах, и с пугающей, доложу вам, легкостью. Из этого можно сделать лишь один рационально все объясняющий вывод — Максим изначально был оценен неверно.

— Это невозможно, — "дядька" покачал головой, — он был взвешен по всем правилам. Магия не умеет ошибаться и быть пристрастной.

— Да о чем вы все говорите? — Макс чувствовал себя дураком, да и просто не любил, когда о нем говорили в третьем лице, в его присутствии.

— О вас, юноша, о вас. Наберитесь терпения, и я постараюсь объяснить все вам, вашему уважаемому наставнику, да и, признаться, самому себе.

— Тренировка закончена. — Объявил Иван. — Прошу к столу.

Они уселись за обеденный стол, вновь откуда-то материализовавшийся у края площадке. Максим весело присвистнул. На столе кроме приборов на трех человек, стояла бутылка с он догадывался чем.

— Скатерть-самобранка начинает мне нравиться! — Объявил он.

— Если желаете — не смеем вам препятствовать, — отозвался Самуил, — награда это святое. Но все же попросил бы вас проявить благоразумие и не слишком налегать на алкоголь. Ясность головы может вам пригодиться. Лично я воздержусь.

— А вы, наставник?

— Ясность головы нужна всегда. Тем более не буду. Гадость всякую глотать — не ко мне.

— Это что же, я один буду, что ли? — Даже расстроился Максим. — Меня так еще в детстве учили, что пить в одиночку — это серьезный вид пьянства, а вы на него меня обрекаете!

— А ты не пей, малохольный, — буркнул Иван. Что за радость добровольно себе мозги набекрень делать?

— И, кстати, о вашем детстве, — Самуил казался расслабленно весел, — Видимо,

ответы на многие интересующие нас вопросы находятся именно в нем. Вы, как человек со стертой памятью, разумеется его не помните.

— Отчего же? — Максим не удержался от того, чтобы "поправить здоровье", несмотря на дружное осуждение прочих, спиртное сразу начало кружить голову. — Все я помню. Детство трудное, можно сказать тяжелое. Железные игрушки и все такое.

— Железные игрушки? — Нахмурился маг, но сразу понял. — Ах, вы иронизируете.

— А что мне остается? — Пожал плечами Максим. — Я помню свое детство. Вы утверждаете, что нет.

— Ваше полное имя?

— Максим Юрьевич Соболев.

Маг поперхнулся и закашлялся. Иван замер.

— Еще раз скажешь подобное — вышибу мозги, — пообещал он. — И господин маг не станет их тебе восстанавливать.

— Вы спросили, и я ответил. — Максим вновь вошел в режим "мне все равно, делайте что хотите, а я посмотрю".

— Действительно, Максим, это как-то слишком дерзко, именовать себя именем высшей аристократии. Тем более человеку по статусу безродному, и уверяющему, что лишен памяти. Или не лишенному?

— Могу лишь повторить, вы спрашиваете — я отвечаю. Ответы не нравятся?

— Не нравятся.

— Ну не взыши, Иван, спрашивай другое.

— А ты не дерзи, малохольный. Имя названное тобой проблемы несет. И не только тебе. А зачем мне проблемы? Я ведь могу тебе следующего соперника подобрать так, что не поможет твоя магия.

— Остыньте оба, — Самуил казалось о чем-то напряженно думал. — Значит имя ты помнишь. Но это даже не дворянское, а аристократическая фамилия, да не простая.

— Ну, значит я аристократ. — Улыбнулся Максим.

— Ага. Аристократ. На Арене. Понимаете ли, будь вы аристократ, вы бы здесь не могли оказаться. Вас бы убили на дуэли или казнили за проступок, вот и все. Заставили бы принять яд. Варианты возможны, но официально вы бы скоростижно скончались по какой-либо приличествующей Роду причине, но никак, никак вы не могли оказаться здесь. Даже незнатный дворянин, бывший, разумеется, поскольку быть здесь можно лишь лишенным статуса, так вот, даже незнатный дворянин на Арене — редкость. А уж человек с фамилией Соболев не может быть гладиатором в принципе.

— О, так я еще и гладиатор? — Восхитился Максим. — Расту над собой! Да здравствует император! Идущие на смерть приветствуют тебя!

Подзатыльник Максим все же выпросил, и замолчал.

— Вы откровенно пугаете нас, Максим, уровнем своего непонимания, и, соответственно, поведения.

— Ну так объясните по-человечески! Мне тоже, знаете ли, неприятно участвовать в непонятной игре, где я дурачок лишь потому, что правил никто объяснить не удосужился! Сами же говорите — память мне стерли. Хорошо. Допустим. Но раз так — с чего вы взяли, что я должен что-то там помнить?

— Хорошо. Вы правы формально. Однако же, мне казалось очевидным, что, говоря о стертой памяти, подразумевалось сокрытие ряда воспоминаний, возможно большей их

части, но память не стирают целиком, иначе как бы вы вообще разговаривали?

— Когда я говорил вам, что вы дворянин, пусть и бывший, я делал предположение меня самого удивляющее, да только иначе наличие магии объяснить нельзя, и кто я, чтобы спорить с матерью? Выходило, что вы обладаете магией, а значит из дворян, как я, что вы совершили нечто настолько ужасное, такое чудовищное, что у вас попросту удалили этот блок воспоминаний. Совершить такое способен лишь глава рода. По вашему непонимающему взгляду я делаю вывод, что вам неизвестен факт, известный любому ребенку, тот, что дворян без рода не существует. А потом вы заявляете, что являетесь не просто дворянином, а представителем аристократии, то есть почти совершенно закрытой касты, куда обыкновенным дворянам доступа нет. Лжи я не чувствую, неужели это окажется правдой?

— А если и окажется, то что тогда?

— Тогда у нас, я подчеркну — у нас, серьезные проблемы.

— Неужели?

— Увы. Аристократия тот клубок змей, что всегда следит за своими.

— Я же плебей. То есть лишен статуса.

— Это ерунда, — отмахнулся Самуил. — Сегодня лишен, завтра восстановлен. Разжаловали в рядовые. Бывает. Но вот Арена смущает.

— Чем же?

— Да тем, мой все позабывший и бестолковый друг, что я не припоминаю случая, чтобы на Арену попадал кто-либо из знати. Вы вообще себе представляете, что такое Арена Справедливости, или и это от вас скрыто?

— Конечно! — Радостно заулыбался Максим, веселясь от мысли, что может отвечать презрением на презрение. — Арена Справедливости это место где Справедливость торжествует! То есть у кого больше денег, тот и прав, что логично, должен признать, но я бы внес некоторые коррективы в название... Нет-нет, я понимаю, кто мне позволит...

— Знаете пословицу: "молчи, за умного сойдешь"? Вам это не грозит ближайшее время, впрочем, это я так, на будущее.

— Молчу. — Фыркнул Максим, доливая свою водку. Незаметно он "опрокинул" всю бутылку, не чувствуя при этом опьянения. "И здесь обман".

— Арена крайне логичный и функциональный институт. Подавляющее большинство преступников обладают удивительной жадой жить. Их Правда — желание жить. И ради продления ее хотя бы на день готовы на все. Требуется же от них одно — сражаться. Друг ли с другом, и такое бывает, хоть и нерационально, но, в основном, с тварями, чудовищами, представителями иных рас.

Всем очень удобно. Люди делают деньги, получают развлечение, решают спорные вопросы. Молодые воины получают хоть и визуальный, но опыт. Любители острых зрелищ — смотрят бои. Любители азарта делают ставки. Преступники погибают. Всем хорошо.

— И власть одобряет этот беспредел?

— Еще бы. Дать людям возможность самим решать проблемы таким образом — гениально. Иначе придется их решать самой власти, что неизбежно расплодит недовольных. А так... Выбери себе отпетого негодяя, и пусть он спасает свою жизнь, заодно решив и ваши проблемы. Отклик от древнего суда Богов, только можно не самому доказывать.

— Ну да, за деньги.

— Почему вы так презрительно говорите о деньгах, юноша? Деньги это труд. Деньги

это воля. Деньги это средство общения. И не о них речь. Вернемся, однако, к вам.

— Вы оказались в учебном центре Арены как... Никто. Вас доставили не указав ни фамилии, зато указав имя и отчество, не указав дня рождения и вообще возраста, что бывает, и не указав того проступка, что привел вас сюда. А такое уже странность. Лишь указ с печатью императорской администрации, о тридцатилетнем сроке вашего здесь пребывания. Скажу вам по секрету: на Арене никогда и никто не прожил более года.

— Вот как.

— Да, и самое логичное, что можно из этого представить себе, так это то, что некие силы "в верхах" намекают на то, что выжить вы не должны, отчего ваш добродушный наставник и не стал затягивать представление.

— Любопытный сценарий.

— Еще была краткая психологическая характеристика с пожеланием не церемониться, что уж совершенно ни в какие юридические рамки. Ни монетки, ни одежды, ни амулета заваливающего. Но что выяснилось на первом же выступлении? То, что вы дворянин и магия вам не чужда, почему Иван и попросил меня, магического зрителя, персонально посмотреть на вас. Значит память вам стирали дома, и это запутывает дело. А после вы еще называете имя, которое столь известно, что... Мы не знаем, что и думать, Максим.

— А не кажется ли вам, мои мудрые наставники, что вся, или, лучше сказать, большая часть ваших выводов основана на произнесенной мною фамилии?

— Именно так.

— Так вот. Вы не сердитесь сильно, уважаемый Самуил, но вы упрекаете меня в непонятливости, однако же и сами плохо слушали меня. Я назвал свое имя из той жизни, что я помню. Из иного мира, если угодно. И имя мое самое обыкновенное, как и сам я — самый обыкновенный. Не дворянин, и тем более не аристократ. — Максим постарался изобразить обезоруживающую улыбку закатившему глаза Ивану.

Самуил ничуть не рассердился.

— Ваше неверие делает вам честь, юноша. Конечно же я верю вам. Верю, что вы говорите именно то, что считаете правдой, и именно это в вас мне импонирует. Вам, "человеку обыкновенному", по вашим словам, заявляют, что человек вы не вполне обыкновенный. Вам предоставляют доказательства, как силой логики, так и попросту факты, ведь вам кажется, будто вы жили никогда не используя магию, в некоем мире, где ее нет вовсе. Однако же именно вы использовали ее, и не раз, как средство излечения и нанесения ущерба. И все равно не верите. Но я вам докажу.

— Сделайте одолжение.

— Сделаю, — кивнул маг, — именно одолжение. Насколько я могу понять, все дело лишь в том, что некие "свои" воспоминания вы воспринимаете за реальность, а других воспоминаний у вас нет. Они стерты.

— Пусть так. И что вы предлагаете — написать мне в голову стертое вновь?

— Почти. Дело в том, что само понятие "стертая память" условна. Так говорят. На деле же блокируется некая часть памяти. Если действительно стереть память, а такое возможно, то подопытный превратится в пускающего слюни дурачка, не помнящего ровным счетом ничего. Это явно не ваш случай. Я предлагаю вам посмотреть на то, что именно вам блокировали так же, как смотрят на закрытую дверь. Немного потрясти ее ручку, поглядеть сильно ли заколочено, поискать глазок... Я хочу попытаться помочь разыскать хоть что-то, что могло бы вас поколебать в вашей настойчивости. Согласитесь — очень уж странно

блокировать не часть памяти, а все события целиком, начиная от детских воспоминаний, и при этом не затронуть ни способность к речи, ни к рациональному, пусть и не всегда, мышлению. Логично было бы и впрямь сделать из вас идиота, раз кому-то захотелось столь полно лишить вас памяти, но этого не сделано. Наоборот, мастер, а это мог лишь действительный мастер, выбрал чрезвычайно сложный путь, заблокировав память, но не заблокировав способности. Да и заблокировав ли?

— Что вы хотите сказать? Я теряю ход вашей мысли.

— Вспышка магии в критический момент, вот что. Вы понимаете, магия не что-то извне, это внутреннее содержание, а использование ее неразрывно связано не только лишь со способностями, но и знаниями человека. Как и многое другое, естественно. Как возможно применить то, чего не знаешь? Никак. Вывод — часть блокировки слетела в момент кризиса, не повредив при этом вам. И это еще больше говорит об уровне работы мастера. Или он неумеха, и сделал все тля-ляп, или же наоборот, работа столь тонкая, что остается позавидовать.

— От меня что требуется? — Максим пожал плечами. Не хотелось себе в этом признаваться, но режим "мне все равно" давал сбой. Природное любопытство желало знать что-то новое, да и игра постепенно захватывала, оказываясь не столь бестолковой как казалась вначале.

— Сущие пустяки. Я дам вам напиток. Не слишком приятное на вкус... Хотя вы и не такое употребляете. Вы примете его когда будете ложиться спать. Вас посетят видения. Хотя бы понадеемся на это. Они и будут частью вашей памяти, куски, с которых блокировка слетела. Надеюсь.

— Видения? Вы говорите "видения", и желаете, чтобы я сон посчитал за реальность?

— Именно. Вы сами убедитесь, если вск пройдет так, как я думаю.

— А почему вы сами каким-нибудь образом не залезете мне в голову, да не посмотрите на эту "дверь"? Что, опять чушь сказал?

— Есть такое. Иван вас заждался, кстати. Домыслы домамыслами, но занятия никто не отменял.

Когда Максим ввалился в свою "камеру", то "видения" были последним чего он желал. Проходя мимо зеркала парень только скривился, очень уж изможденным показалось собственное отражение. А ведь зеркало еще и полнит! Макс рухнул на кровать. В глазах щипало и становилось даже больно. Он зажмурился и слегка надавил пальцами на глазные яблоки. Помогло. Предстоящее пугало, но он понимал, что не найдет в себе сил отказаться. Новая реальность все больше заявляла свои права, и Максим был близок к тому моменту отчаяния, когда человек делает то, что от него хотят, но с добавлением некой бесшабашной смелости, маскирующей поощрение от самого себя. Наконец он дозрел.

— Однако же, не будем расстраивать Самуила. Посмотрим и видения.

Он достал пузырек с темно-зеленой жидкостью, открыл его, понюхал и выпил.

Кабинет внушал. Вся мебель в нем, ее массивность, качество отделки, дышавшее временем старых мастеров, подбор материалов, высота потолков и приглушенность света — все составляло гармоничное ощущение чего-то незыблемого, сильного и спокойного. Портреты предков на стенах, казалось наблюдали за соблюдением чинности и благопристойности, как единственно возможного состояния данного места. Максим стоял перед широким, черного цвета дубовым столом, за которым сидел тот, кто был его родителем. Мужчина лет пятидесяти, совершенно седой, со шрамами на правой стороне лица. Вид его привлекал и отталкивал одновременно. Казалось, будто он лишний здесь, маленький человечек среди солидных вещей, но глаза его притягивали, ярко-голубые, в них угадывалась беспощадная воля, привыкшая подавлять людей и сокрушать препятствия. Максим поежился под пристальным взглядом.

— И ты позволишь состояться браку?! — Мягким, и оттого более страшным голосом произнес отец.

— Пусть женятся, — Максим услышал собственный глухой голос. — Совет им, да любовь. Я их простил.

— Раевский думает позволено им все! И ошибется он, жестоко расплатившись. Здесь не тебе решать, но ты мой сын. И кровь и честь моя здесь слиты воедино. Я твой отец, и, как отец, я говорю тебе — убей. Это приказ. И должен ты исполнить. Выбора нет. И так и так беда. Простил он! А они тебя простили? Как будет жизнь твоя, после "простил"? Им все равно, живой ты или мертвый. Смеются или нет.

— Приказ я выполню, но это ведь убийство. Ко мне Раевский приходил вчера.

— Отчаянный храбрец! В шаферы звал?

— Зачем вы насмехаетесь, отец? Действительно он любит и потерян. Просил стать другом, и...

— Молчи, не то умру со смеху! — Отец насмешливо улыбнулся. — Стать другом это то, что надо. Ему лишь, не тебе. Какое благородство! Невесту увести и дружбу предложить. Ты что, дурак, поверил? Его я прочитаю лучше многих, уж поверь. Отца его я знаю превосходно. Отпетый фанфарон и себялюбец. Глупец, которых мало в свете, поскольку мало кто имеет столько костылей, чтобы не дать собственной дури повалить себя. И род и сила, связи и богатство. Которое он промотал наполовину, но все равно краев его не знает! А яблочко от яблони не может укатиться далеко. Таков и сын, по всему видно. Раевский младший наглый пустозвон, с хорошим воспитаньем. Не веришь мне, я чувствую? Подумай сам. Нет, вспомни, как все началось? Помолвлены вы с Юлией с рожденья, никто не против был, даже вы сами нравились друг другу, и вдруг что?

— А потом они встретились....

Видение сменилось. Исчезли кабинет, отец и портреты, ушло ощущение давящего взора, Максим обнаружил себя за столом с двумя собутыльниками, судя по всему, в ресторане. Мгновением позже пришло узнавание. Молодые люди были его сослуживцами и товарищами в разного рода проделках всякой степени невинности.

Оба были пьяны. Судя по приборам, застолье продолжалось не менее часа, и глаза друзей блестели от выпитого. Один из них, Константин, статный, плотно сбитый усатый

блондин, держал Максима за предплечье и, жарко дыша ему в лицо, что-то доказывал. Макс прислушался:

— Выбора нет, старик. Ты просто должен вызвать Раевского. Это позор всего полка. Как так? Какой-то щеголь, дня не прослуживший, уводит женщину у боевого офицера? И как уводит! Все бывает в жизни, но ведь обычно аккуратнее все как-то. А здесь — демонстративно, будто так и надо! Ходят преспокойно везде вместе, и в парках, и в магазины, и в театры, раскланиваются... Никто бы не спустил, а уж мы, как гвардия, тем более!

— Дело ведь еще в том, друг мой, — вмешался второй, Евгений, высокий брюнет, с усами еще более пышными, чем у товарища, — что дуэли совершенно не избежать. Мы тебя, положим, пойдем. Но разве дело в нас? Разве мы одни определяем мнение? А оно однозначно — наказать. Вопрос лишь кого? Наглеца, оскорбившего офицера, вытершего тем самым свои лакированные туфли о честь полка, или того, кто опозорит полк еще больше тем, что окажется сдюнтеем и трусом, когда отказался мстить? Нет, нет, Максим, я ни в коем случае не говорю, что считаю тебя таковым! Ни в какой мере! Но слова такие сказаны будут, непременно будут. И будут вызовы уже тебя. От собственных товарищей, однополчан. В полку почти полторы сотни офицеров, и не менее десятка сделают это не без удовольствия, ты и сам их знаешь. И как, будешь принимать вызов за вызовом, пока не будешь убит? А ты единственный наследник, напомню. Или ты подашь в отставку и все равно покроешь позором как себя, так и своего отца, так и полк. Что делать, Макс? Выбора у нас нет. Я говорю "у нас", поскольку знаю тебя, верю в тебя, в твое благоразумие и храбрость, в твою доблесть, что ты не раз доказывал, в нашу дружбу, и надеюсь, что не откажешь нам в чести быть твоими секундантами. Дело грязное, кто спорит, но честь полка для нас не звук пустой. И золотые молнии на стяге не для того вручались предкам нашим, чтобы мы их вот так макали в грязь!

— Евгений прав, — поддержал блондин. — Более того, в подобном случае не избежать не дуэли, а дуэлей, то есть не с тобой одним, а с многими из нас. Неужто прочие гвардейцы упустят такой случай посмеяться? От острот прохода не будет. Будет бойня. И только ты можешь пресечь ее, вызвав Раевского, и получив удовлетворение кровью.

Обстановка опять изменилась, и Максим отшатнулся от холодного колючего ветра, ударившего в лицо. Протерев глаза, он увидел, что стоит посреди небольшой поляны, окруженной темным лесом. "Черная пуца" — пришло понимание. Непогодилось, солнца не было видно за тучами, деревья вокруг шумели от ветра, да и вся атмосфера была откровенно мрачной.

Присутствовало еще шестеро человек. Все закутанные в плащи, с набвинными на глаза широкополыми шляпами. Четверо что-то оживленно обсуждали, но Максим не пытался прислушаться. Он уже понял, что находится на месте действия дуэли, и терпеливо ждал, будучи одновременно и участником и наблюдателем. Отдельно стояли двое, в одном из них он узнал полкового мага-лекаря, раскладывающего свои артефакты на постеленный плед, ну а в другом... в другом Максим определил своего противника, Раевского, Владимира Раевского, того самого, что столь неаккуратно вломился в его жизнь, и того, кого он должен был уничтожить.

"Если хватит сил", — пришла мысль.

Секунданты разошлись. К Максиму подошли двое. Один уже знакомый Константин, и

невысокий, лысеющий офицер, в котором он узнал адъютанта полкового командира.

— Евгений приболел, Максим Юрьевич, — козырнул тот. — Вот воевода наш и попросил меня принять посильное участие, чтобы все было по правде. Честь полка — не фунт изюму, тут даже муха не должна присесть, — он неприятно засмеялся, обнажив мелкие зубы, с какой-то неприязнью глядя на Максима.

— Примирение невозможно, — тяжело дыша объявил Константин. Он активно спорил с секундантами Раевского, и сильно устал. Но право первого хода за ними, здесь никак не обойти, все-таки вызов был с нашей стороны. От жребия они отказались наотрез.

Максим пожал плечами, ему было все равно.

— Выходите, — прозвучала команда.

Максим сбросил плащ, оставаясь в парадном, даже щегольском полковом мундире, к которому были прикреплены несколько наград, судя по виду — боевым.

"Интересно, где это я так успел отличиться, что дали за это цацки, да еще не одну?"

— Вы начинаете, Раевский! — хрипло выкрикнул Константин. — Но знайте, если вы убьете его, то будете иметь дело со мной!

— Убивать? — сквозь ропот непогоды донесся очень красивый и мелодичный голос. — Помилуйте, барон, я здесь соасем не для того, чтобы убивать. Умереть — возможно. И я готов.

— Не паясничайте, Раевский, — взвизгнул полковой адъютант, — вы не посмеете отказаться драться!

— Ваша правда, — отозвался тот, и Максим разглядел белоснежную улыбку противника, — и хотел бы, да не могу нанести оскорбление еще и этим человеку, перед которым и без того кругом виноват. Очень виноват. Вам нужна моя жизнь, граф? — Обратился он к Максиму, — Так возьмите ее, я не против. Поверьте, и в этом случае я буду считать себя перед вами в неоплатном долгу. Однако, глупые правила обязывают меня на первую атаку. Извольте.

Раевский вышел на указанное секундантами место и сбросил плащ, оказавшись в белоснежном штатском костюме, в постройке которого любой светский щеголь безошибочно определил бы руку мастера портного самого Его Величества.

Раевский вновь улыбнулся, вокруг кистей его рук заплясали голубые молнии, он вскинул руки над головой, соединяя их, и молнии образовали искрящийся шар вокруг них. Затем он отделился и поплыл-полетел вверх, начиная быстро расти. Метрах в трех над головой Владимира шар остановился, ускоряясь во вращении, после чего, достигнув, приблизительно, метрового диаметра, полетел в Максима.

Макс выбросил руки вперед, кастуя щит, какой только мог выставить, понимая, что не успеет, поскольку заклинание, примененное Раевским было "серебряным пауком" обтекающим практически любые щиты, кроме круговых, требующих куда больше имеющегося времени.

"Вот и все, — хладнокровно констатировал он, — жаль только, что парень с такими возможностями не в гвардии. Кто бы мог подумать, что штатский легко сможет скастовать заклинание генеральского уровня?"

Шар, однако, не атаковал, а, обойдя щит Максима, рассыпался над его головой, превращаясь в небольшой снегопад.

— Ваш ход, граф, — Раевский продолжал улыбаться. — Я обещал не убивать вас, и, уж конечно, не буду столь мелочен, чтобы как-то навредить.

— Кому же вы обещали, князь? — Максим разозлился. От недавней апатии не осталось и следа, прошедшая так рядом опасность разбудила его. Боевые инстинкты и навыки привели его в полную мобилизацию. Макс запустил левой рукой огненный снаряд, непростой вариант которого был известен лишь побывавшим на войне офицерам, тем, у кого представления о "правилах войны" претерпели некоторые изменения в сторону от гуманизма. Именно такое заклинание, секрет которого заключаюся в полной управляемости до момента контакта с целью, летело в голову Раевского. Тот, не двигаясь, и не пытаясь выставить щит, спокойно смотрел на приближающуюся гибель.

— Юлии, — услышал Максим.

Огненный снаряд ушел вверх буквально за мгновение, до попадания во Владимира. Тот рассмеялся.

— Но, граф, вам все же придется сделать это. Я помогу вам. Смотрите.

Вокруг Раевского за клубилась тьма, и длинной лентой полетела к Максиму, окружая его. "Хоровод страха", понял он, "еще одно оружие доступное только высшим". Защититься от подобного будучи магически слабее, а что он слабее, Максим понял очень хорошо, можно лишь уничтожив источник нападения.

— Подлец, — зарычал Макс, — я не сдамся.

Сознание раздвоилось, вот только что он смотрел как Максим, а вот уже словно со стороны. Видение не желало, или не могло показать ему то, что он тогда чувствовал и какие именно страхи испытывал. Макс наблюдал как он боролся и уступал. Сила страха, насланная Раевским, ломала его. Вот он рухнул на колени, вот стал рвать волосы на голове, вот он воет что-то грозное и жалобное, наконец и в глазах его мелькнула капля безумия. Она увеличивалась, оставляя в глазах все меньше человеческого, и, буквально за мгновения до того, как овладело бы всем Максимом, тот выбросил руку в направлении Владимира и все кончилось.

Тьма истончилась и исчезла. Максим, лихорадочно дыша, ощупывал себя. Чьи-то руки подхватили его, поднимая на ноги. Он практически повис на них, но все же нашел силы устоять на дрожащих ногах.

— Молодец! — Кто-то хлопнул его по плечу. — Все же армейская выучка, есть армейская выучка!

"Раевский", — мелькнула мысль. Макс неуверенно сделал несколько шагов по направлению к противнику. Тот лежал во всем белом, раскинув руки, на лице его отображались покой и, словно некое знание недоступное прочим. У его тела хлопотали секунданты Владимира, но особых дел ей для них, ни для мага-целителя не было. Из груди Раевского торчала рукоять родового ножа Максима.

— Вы понимаете, что полк не может поступиться своей честью?

Полковой командир всем своим видом демонстрировал сочувствие и скрытое презрение, доверие и недоверие, ласку и непреклонность.

— Да. Я понимаю, господин полковник.

— Я не могу быть не на вашей стороне, поручик. Я — ваш полковой командир. А потому не могу позволить себе не верить своему офицеру. Я — на стороне полка. И вашей, как его части. А вы?

— Что — я, господин полковник?

— Вы — на стороне полка?

— Безусловно.

— Тогда...мой юный друг, я с болью в сердце, вынужден буду просить вас покинуть полк, во имя полка. Временно.

— Не понимаю, господин полковник.

— Слухи, юноша, слухи, будь они неладны. Вы знаете что говорят о вашей дуэли?

— Нет, господин полковник.

— То что вы, офицер полка, использовали запрещенные заклинания, что офицер нашего полка победил нечестно, что Раевский даровал вам жизнь, и был убит в спину. Что не имея возможности одолеть честно, вы, уж простите меня великодушно, я не говорю сам, лишь повторяю то, что слышал собственными ушами, одолели бесчестно.

— Но...показания свидетелей! — Максим был в шоке от подобной несправедливости.

— Да, показания. Дело еще в том, что и показания можно прочесть двойко, а при желании, и тройко. Очень вас прошу, голубчик! Подайте рапорт на перевод в армейскую часть, я вам его подпишу, отслужите подальше отсюда несколько лет...а как все успокоится, так и вернетесь. Уверяю вас — полк своих не бросает.

Вновь кабинет отца. Тот выглядел постаревшим лет на десять, но глаза, казалось, горели с еще большей силой и яростью.

— Наш Род в опасности, Максим. И я не вижу хорошего выхода из создавшегося положения. Не вижу.

— Положения? Быть может, вы посвятите меня в это "положение", отец? — Насмешливо попросил Максим. Прощедшая дуэль явственно сделала его словно старше.

— Да, разумеется, — улыбнулся отец, — нам всего лишь грозит императорский суд на тему дворянского достоинства рода. Ну а поскольку Раевские — любимцы государя, то перспектива не представляется радужной.

Кроме того, на нас ополчились все прилипалы, миньоны, подхалимы, все кто просто желают нравиться государю, словом — весь свет практически целиком. Не думал я, что увижу когда-либо подобное! Да еще по вине собственного сына.

— Моей вине?! — Воскликнул Максим. — Отец, вы с ума сошли! Ведь это вы лично приказали мне убить Раевского!

— Молчать, щенок! Страх потерял? Так я напому!

Максим, опомнившись, замолчал и потупил голову.

— Из-за кого же по твоему? — Продолжал отец. — Да, я приказывал послать вызов на дуэль и победить. Но я не приказывал бить в спину запрещенными... Молчать! — Рывкнул лн, заметив, что Максим хотел что-то возразить. — Мне дела нет как было на самом деле, мне дело есть до того, что говорят. А говорят ужаснейшие вещи! Что не дуэль была там, а убийство! И даже того хуже — казнь! Что будто сын мой не офицер вовсе, что он палач, казнивший благороднейшего Раевского, который даровал ему жизнь! И, несмотря на этот долг, убил его, ревнивец.

Максим молчал. Чувство чудовищной несправедливости душило его. Таким потерянным, таким обманутым, он не чувствовал себя даже когда Юлия предпочла ему другого. Это он еще мог понять. Женщины! Предательство отца, а чувствовал он именно это, поразило его. Отец бывал всяким, гордым, грубым, раздражительным, жестоким, но никогда не был против сына, никогда не смотрел на него с такой ненавистью как на врага, никогда

его презрение не было настолько настоящим.

— Ну что же, я сказал, что нет хорошего выхода? Верно, но есть выход плохой. Я еще не так и стар. Вполне могу жениться сам, раз уж наследник не способен, и завести детей. Наследник новый будет у меня, а ты, Максим, не будешь таковым. И знаешь, что, скажу тебе дружочек, раз ты тут вздумал обижаться и мычать — от нормальных мужчин из-под венца не сбегают. И от меня никто не убежит.

Отец замолк. Мягко поднявшись с кресла, он обернулся, рассматривая ее спинку, то место, где в миллиметре от его головы, секундами ранее вонзился в нее нож.

— Вот оно что... — протянул он, вновь поворачиваясь к Максиму. — Что же. Пусть будет так.

Больше Максим не видел ничего.

— Ну и кто же вы, Максим?

— Счастливый человек.

Это была чистая правда. Никогда еще Максим не ощущал такого полного восторга, не чувствовал столь всеобъемлющего счастья. Все его тело казалось переполнено дикой первобытной радостью силы.

"Магия творит чудеса", — думал он, — "правда это или нет, снится мне все или не снится, но я был бы совершенным идиотом, откажись от такого".

Неделей ранее, проснувшись после сеанса видений, он неожиданно обнаружил на своей кровати рубаху и брюки.

— Негоже голым расхаживать, — только и буркнул Иван на его вопрос.

Взглянув в зеркало, Макс завис, увидев как он изменился. Глаза стали совсем другими. В отражении на него смотрел все тот же парень, но взгляд высокомерия и превосходства гипнотизировал. Максим и сам бы смутился, наткнувшись в жизни на подобный.

Пол по-прежнему кололся, но теперь эта боль не вызывала ничего, кроме странного бодрящего удовольствия.

Тренировки изменились совершенно.

Начиналось все с физподготовки. "Дядька" гонял его палкой до полного изнеможения, а когда чувствовал, что Макс достиг предела выносливости, отходил в сторону, говоря:

— Ваш выход, господин Маг. Поджарьте этого олуха царя небесного.

Самуил, терпеливо ждавший конца разминки, направлял на Максима посох, с которого слетала белая молния, бьющая парня в грудь. Мгновение невыносимой боли, когда все тело, казалось, превращалось в камень, и не было возможности даже вздохнуть, сменялось невообразимым облегчением. Максим чувствовал, что с каждым подобным ударом с него слетает какая-то невидимая, мешающая двигаться, броня. По всем его членам пробегало что-то покалывающее, делающее его сильным и легким. Усталость пропадала. Он вскакивал полон, нет, даже переполненный сил и энергии, хватал привычную дубинку, и с радостным криком бросался на Ивана. Несколько минут упоения, когда наставник мог только отбиваться, и Максим знал, что тот не играет, не поддается, а действительно не может ничего, кроме парирования его натиска, были минутами высшей радости.

— Ну будет, будет, — прекращал буйство Самуил, — теперь бой.

Маг создавал видение, и Макс оказывался то в лесу, где на него нападали огромные летучие мыши-кровососы, то по колено в воде болота, окруженный непонятными, но явно очень опасными тварями, выглядевшими как помесь лягушек и крокодилов, то в пещере, где на него недружелюбно поглядывали уродливые человекообразные создания, ужасно вонявшие, и желающие им отобедать, то в помещении, где стены стремились сжаться и раздавить его. Фантазия Самуила казалась неисчерпаема, он всякий раз придумывал что-то новое, Максим же пребывал в такого рода воодушвлении, что готов был на все, и всего ему было мало.

Магия бурлила в нем, создавая постоянное настроение душевного подъема, излечивала все раны, которые Максим получал, нередко по причине проснувшейся безбашенности, когда лез прямо на опасность не задумываясь, стараясь справиться голой силой, и от того, что всякий раз получалось — пьянел совершенно.

— Потише, парень, потише, — упрекал Иван, оказавшийся зрителем всех его подвигов, — это ведь не может длиться вечно! Надо и головушкой иногда думать?

— А? Что? — Отзывался Максим, счастливо улыбаясь, после того как разорвал или спалил очередного "противника". Эйфория не желала покидать его. Да, где-то в глубине сознания бурчало что-то про "остановиться и подумать", но он полностью отдался прекрасности мгновения, и не желал портить его сам себе.

— Бесполезно, Иван, — ухмылялся Самуил. — Пока не наиграется, все попусту. Можно и понять, это ведь как быть инвалидом безруким и безногим, и вдруг обрести вновь возможность ходить. Пускай набегаются...

— Когда слоны уже будут? — Спросил Максим, жадно заправляясь едой за обедом. Здесь тоже перемены не обошли стороной. Появились овощи и фрукты, мясо стало бывать не непременно вареным, но и жареным, а в предложенном как-то раз напитке Максим признал пусть плохонький, но чай. — Что там надо сделать с ними, я забыл? За бивни или за хоботы?

— Да что они тебе сделали? — Возмутился Иван. — Милейшие создания. Вы бы господин маг, наслали на него что-нибудь посуровее, а то наш пострел что-то поверил в себя уж совершенно через край. Берегов не видит.

— Всему свое время, — отозвался Самуил, — но Иван прав, вы, мой юный друг, действительно заигрываетесь. Сила это хорошо, что магические способности постепенно возвращаются — тоже. Но без развития всегда будет тупик. Вы же совсем не развиваетесь. Хуже того — и не пытаетесь. Нет, я все понимаю, на вашем месте я бы тоже, пожалуй, не избежал подобного, но хотя бы изображал интерес к развитию. Для вида. Вы же и изобразить не утруждаетесь.

— Я не развиваюсь? — Удивился Максим.

— Вы. Не развиваетесь.

— Но дайте мне себя самого недельной давности, и я разорву "его" игрушки. Как же это — не развиваюсь?

А так. Вы так увлеклись, что даже не поинтересовались что именно с вами происходит. Значит у вас есть объяснение, считаемое вами достаточным. Подозреваю, что оно как-то связано с вашим воплем "Кач!!!", с которым вы спешите в очередную переделку, чтобы скорее одолеть очередную иллюзию. Рискну все-таки вам заметить, что вы неверно трактуете происходящее, и да, не развиваетесь.

Максим с минуту смотрел на Самуила в упор. Взгляд его был полон неверия и упрека, даже враждебен, но, в итоге, он все же вздохнул и попросил объяснений.

— Конфету у ребенка отнимаете. Злые вы. — пояснил Макс наставникам.

— Дело в том, мой юный друг, — начал Самуил, — что вы не развиваетесь потому, что не узнаете ничего нового. Вы вспоминаете. Пока понятно?

— Не очень. — Признался Максим. — Для меня все новое. Магия прекрасна. Волшебство. Я волшебник. Нашлите на меня пару барашков — спалю в шашлык. Это ли не прекрасно?

— Каждый раз когда я атакую вас, юноша, я наношу смертельный удар.

— В смысле?!

— В прямом. Убиваю вас. А вы не умираете. Забавно, не правда ли?

— Эээ....

— Блокировку памяти снять без последствий, или почти без последствий, может лишь тот, кто ее поставил. Это был не я.

— И? Продолжайте.

— Продолжу. При попытке блокировку снять кому-то еще, тот на ком она стоит должен погибнуть. У каждого мага, вам, как магу, это следует знать, свой почерк. Подделать невозможно, поскольку возможно обмануть человека, но невозможно обвести вокруг пальца самую магию. Почерк у каждого свой. Как отпечаток пальца.

— Уже непонятно, но вы говорили что-то о попытках меня прикончить.

— Да, верно. Когда я услышал сумбурный рассказ Ивана о "малохольном", в котором пробудились силы магические, я не поверил. Решил, что наставник ваш сделал неверные выводы, так как не смог понять увиденное. Посмотрел на вас сам. Ничего не складывалось. Отбросив все нелогичное, я невольно пришел к самому нелогичному выводу в своей жизни. Он был таков: в момент смертельной опасности, часть блокировки слетела, освободив часть вашей магии, то есть возможность ее использовать.

— И?

— Как я уже говорил, хотя вы и привычно прослушали, использование магии напрямую завязано на знаниях носителя. Вы можете обладать сколь угодно большим потенциалом, но без знаний не сумеете даже превратить спичку в иголку. И заблокированные знания не дают возможность использовать их, то есть использовать магию. Вы же смогли использовать. И остались живы. Вывод — снятие части блокировки не смогло вас убить, хотя иначе быть не могло. Как так?

— Как? — Максиму направление, которое принимал разговор, нравилось все меньше.

— А так, — засмеялся Самуил, — не смогло и все тут. Но может все-таки это ошибка? Я наблюдал.

— И что увидели?

— О, немало. Вы смогли достать Ивана своей палкой, когда он ползал по площадке от смеха. А вы не должны были его достать ни в каком случае, даже будь он связан. Иван не просто обученный боец, — пояснил он, видя очередное непонимание на лице Максима, — у него еще и артефакт настроенный специально на эти дубины. Его нельзя коснуться ими иначе как он сам возьмет их в руки. Это сделано специально, для того, чтобы все время казалось, что еще чуть-чуть и получится. И всегда этого чуть-чуть не доставало. Чтобы испытуемый раздражался, бесился, заставлял себя лезть из кожи, но стукнуть наставника. Развитие ловкости, ничего более. А пределов у ловкости нет и быть не должно, потому — артефакт, не позволяющий сделать это.

— Но я сделал.

— Верно. И это навело на новые мысли. Например на то, что часть блокировки слетела, а вы не умерли. Так быть не должно, но факт упрям. Вы ходите, дышите, и все повреждения, нанесенные псами, зажили прямо на вас, что возможно лишь при резком вбросе маны. А тогда — может возможно посмотреть что скрыто за блокировкой, если ее больше частично нет? Я предложил вам эксперимент, и вы прошли его в своем неподражаемом стиле.

— То есть? — Макс набычился, одидавая очередного подвоха.

— О, это было даже мило. На следующий день вас было попросту не узнать. Отрешенный взгляд убийцы, пара десятков лет жизни сверх предыдущего в глазах, осанка уверенного головореза, наглость, высокомерие, явственное желание подраться. Тогда я вас попросту убил.

— Что?

— Ну да, а чего вы ожидали? Ах да, вы ведь совершенно не слушаете что вам говорят.

Вы опасны. Нет ничего хуже, чем оказаться втянутым в какие-то внутренние выяснения отношений аристократии, а когда вы озвучили фамилию, я, признаюсь вам, поверил сразу. Очень уж вы необычны. Знать всегда наблюдает за своими, и ситуация мне сильно не понравилась. Словно кто-то хочет вас уничтожить. Одновременно выходит, что кто-то очень не хочет, чтобы вас уничтожили. И, как показывает практика, во имя этих хочет- не хочет в исполнении аристократии, гибнут все, или почти все имеющие несчастье оказаться близко. Поразмыслив, я пришел к выводу, что лучше не затягивать, а те кто хотят вашего уничтожения все-таки в большей силе, нежели другие, иначе вы не оказались бы здесь. Формальное объяснение идеально — теперь я мог доказать, хоть и не без тонких мест, что вы маг, ваша магия блокирована, и блокировка с прорехами, то есть вы ходячая опасность для окружающих. Более того, для себя тоже. Раз магия пробилась один раз, значит пробьется и другой. Последствия непредсказуемы, но несут явную угрозу для всех. Все логично.

— Но я жив, если вы не заметили.

— Еще как заметил, уверяю вас! Получив смертельный удар, вы почти сразу вскочили с поевосходном настроении! И несложно было понять, из вас мана просто плескалась! Вы схватили свою палку и почти смогли достать Ивана!

— Кстати, простите что перебиваю, но вы не объяснили каким же образом мне удалось достать его тогда?

— Так он ведь сам вам сказал, что ничего не почувствовал? Ах, да. Понимаете, артефакт настроен так, что Иван видит заранее все ваши действия и ощущает ваши мысли направленные против него как свои, только быстрее. Кроме того, сами дубины почти незаметно отталкиваются от него в нескольких миллиметрах от тела. Вы совершили дважды невозможное. Во-первых, он не смог увидеть вашу мысль об атаке, что он и подразумевал говоря что "ничего не почувствовал", во-вторых вы силой продавили палку до его тела. Я сказал "невозможное"? Это фигура речи, в магии возможно все, абсолютно все. Вопрос лишь кому, что, и откосительно кого/чего. Сделанное возможно для представителя аристократии, но, так как здесь им делать нечего, то я и сказал "невозможное", применительно к месту. Ну а потом вы озвучили фамилию.

— Что с ней-то не так?

— А вот это вам лучше знать, я и лезть не буду. Не взъщите. Вернемся лучше к моим упорным попыткам вас укокошить. В конце-концов мне это стало нравиться! Представьте себе — вы убиваете человека, а он радуется, будто вы его не убили, а с того света вернули, живого и здорового!

— Должен признаться, — усмехнулся Максим, — приблизительно так я себя всегда и чувствую после вашей... Хм. Терапии.

— Я знаю. Так вот. Всякий раз мана из вас разве из ушей не лезет. Вывод — каждый раз слетает часть блокировки. Не вся, а лишь часть, судя по всему, ровно столько, чтобы и освобожденная магия не повредила вам. Чтобы знания не убили вас.

— Знания?

— Максим, я очень прошу вас, не заставляйте меня чувствовать себя напрасно теряющим время.

— А. Ну да. Помню. Магия — знания. Знание — сила!

— Совершенно верно. Магия невозможна без знания, и ваши знания освобождаются от оков. И возникает еще один вопрос, я не прошу конкретного ответа, как не просил у вас рассказать что именно вы узнали из видений, но скадите одно — были ли новые видения?

— Нет. Не было. Никаких ни видений, ни снов с той ночи.

— Ни кошмаров, ничего такого?

— Нет.

— Уважение перед тем кто ставил вам блок, вскоре перейдет у меня в поклонение.

Фантастический мастер. Гений. Бьюсь об заклад, что вы и не заметили роста собственных знаний, не правда ли?

— Верно. Да, я как раз хотел уточнить, где эти хваленые знания, которые мои, и которые мне же возвращаются?

— А вы вспомните, что сделали с мышами-вампирами?

— Накинул сеть и рассек упырей. И что?

— А кто вас этому учил?

Максим задумался. Никто его не учил. А чему тут учить, собственно? Скастовать сеть, навести на площадь, — это руки сделали сами, детская задача. Потом прошептать... Он почувствовал, что пунцовеет.

— Ага. — Наблюдательный Самуил довольно кивнул. — Начинаете понимать.

Максим лихорадочно прокручивал в памяти все свои "победы" над создаваемыми магом фантомами. Вот он кастует, говорит заклинание, кастует, говорит, кастует, кастует, кастует, говорит. И все разное.

— Так значит..

— Вы не развиваетесь, вот что значит. Вы вспоминаете уже вам известное. Ваши знания огромны, в условиях арены, где и обыкновенный дворянин редкость — колоссальны. Вы легко станете настоящим жнецом смерти, если возьметесь за ум. Как колоссальны ваши знания, так они и недостаточны. Арена — не дуэльный клуб, и даже не армия. Судя по некоторым моментам, я могу предположить, что вы служили.

— Вы извините дурака, но все же колоссальны или недостаточны?

— О! Признание проблемы есть первый и самый главный шаг к ее решению! И то и другое. Колоссальны, поскольку ничего подобного у прочих на Арене нет, а недостаточны потому, что с вашими привычками к их применению, вам может не хватить и этого. Ваша тактика направлена на уничтожение противника любой ценой, так, словно у вас за спиной целый лазарет с десятком магов-целителей и безлимитом маны. Главное — завалить противника. Это неверно. Особенность Арены — вас никто не будет лечить. Тратить ману на преступников? Еще чего. Лечиться вам придется самостоятельно. А когда вы, наконец, снимете блокировку, не без моей помощи, прошу заметить, то новых потоков, зализывающих любые ваши повреждения, не станет. Сила будет большой. Очень большой. Да и только.

— Что же делать?

— Думать, мой юный друг, думать. И учиться. Иван уже и смотреть на ваши безумства не может. То что вы приняли за смущение и зависть, было другими чувствами. Сложно профессионалу наблюдать за дилетантами. Осознаете?

Максим осознавал и продолжал краснеть.

— Еще один вопрос, — непривычно робко обратился он, — почему вы решили мне помогать?

— Подготовка материала для выступлений на Арене Справедливости — моя профессия, безнадежный юноша. Я ведь говорил.

— Нет, я о другом. Вы собирались меня убить, а потом..

— Изменил решение? Элементарно, друг мой, все очень просто. Если не удастся

показать свою полезность одним, то нужно показать ее другим. Если не удастся культурно убить, значит следует культурно учить. Да и интересно, как ни крути. Тренируйтесь, слушайте Ивана... Что-то еще?

— Да. Мне нужна толстая тетрадь и ручка.

— Без проблем. Найдете у себя в комнате, я распоряжусь. Все-таки кто же вы, Максим?

День 43.

Заметил сегодня, что чувство юмора меня подводит. Впервые участвовал в коллективном утверждении Справедливости. Некие молодые люди предложили пять тысяч серебрянных монет, сумму огромную, потому их жизненную позицию выставили обосновывать сразу группу гладиаторов, в которую включили и меня. Что лестно — меня оценили в две тысячи. Компанию составили два огромных орка, специально выращенных для Арены и группа в пять женщин-лучниц. Некрасивые, уродливые, с непропорционально развитыми руками, они рассматривали меня с нескрываемым презрением. Взгляд не действовал на них совершенно, видимо их уровень эмпатии оставлял желать лучшего. Впрочем, мне было все равно. Куда больший интерес вызвали орки, которых я видел только во время тренировок с помощью видений (или морока), насылаемых Самуилом. Но с видениями не побеседуешь как следует. Меня же все виды разумных нечеловеческих видов интересовали чрезвычайно. Орки выглядели как мутировавшие люди, визуально, кроме размера тела, эти гиганты не сильно отличались от людей. Если можно представить трехметрового кроманьонца, который раскачался, с головой неандертальца — это и будет орк. Общего потомства ни с людьми, ни с кем-либо еще, орки не дают. Вооружение их состояло из огромных копий, метра четыре, с метровым стальным наконечником. Пахли они сильно и резко, но, поразмыслив, пришел к выводу, что дело в крупном размере, а не некой нечистоплотности.

Сработаться у нас не получилось. Орки и лучницы, судя по всему, не впервые выступали вместе, и я был откровенно лишним. Меня просто докупили "до верности", в чем не было особенной нужды. Противник (я даже не вникал на этот раз в дело и очень смутно представлял кто именно истец, а кто ответчик. Наняли какие-то мажоры, и ладно) выставил трех пожилых людей, почти стариков, облаченных в что-то похожее на рисунки изображающие дружинников Киевской Руси. Прямо три богатыря, только поизносившиеся.

— Давай, убей их. — Тыкая копьем в мою сторону, заявил один из орков. Речь его была вполне членораздельна, и не вызывала сложности для понимания. Куда больше интересовал их нрав, почему я отказался от предложенной мне чести.

— Тебе надо, ты и убивай.

Орк фыркнул и неожиданно улыбнулся.

— Тогда не мешай.

Я кивнул. Вообще хотелось посмотреть на их действия со стороны. Орки побежали к людям, крича что-то вроде "ура". Те выставили щиты и присели за ними на колена. Будучи и так ниже наступающих гигантов, теперь они казались совсем маленькими. Не добежав до людей, орки резко упали, распластавшись на песке. Над ними просвистели стрелы лучниц. Я залюбовался слаженностью действий, ведь замешкайся эти великаны, и получили бы их (стрелы) в спины. А так — их приняли на щиты люди, что не сильно им помогло, поскольку орки уже вскочили и прыгнули вперед-вверх прямо на людей, держа копья обеими руками. Удар впечатлил — оба орка пробили и щиты и людей за ними насквозь. Оставшийся пока в живых старик-дружинник выкрикнул что-то гневное, но в его щит сразу же вонзилось еще пять стрел, от чего он даже опрокинулся на спину. Мне стало грустно. Орки уже успели выдернуть свое обгаренное кровью оружие из тел жертв, пока я кастовал заклинание, и

собирались прикончить его, когда воздушными арканами я захватил их тела и резко дернул назад. Великаны не ожидали ничего подобного, и только благодаря своей природной ловкости не поломали себе ничего по приземлении метрах в десяти от последнего воина. Вскочив, они с непониманием уставились на меня (плюс к интеллекту). Лучницы нацелились в мою сторону.

— Эй! — Я развел руками. — А поговорить?

— Что ты хочешь, придурок? — Выкрикнула старшая из лучниц.

— Участья. Любви и понимания. Ведь если всю работу сделаете вы, то получится, что я зря вышел. Некомфортно.

— Пошел ты, — лучница сплюнула, — нужен ты больно.

Дискуссия не слишком выходила, но я не терял надежды. Увы — орки разрушили мои потуги на корню. Все еще живой дедок зашевелился приняв сидячее положение и два копья в грудь от воинственных великанов. Броски были великолепны, не могу не признать.

— Поговорил? — Осклабилась наглая лучница, а ее подруги неприлично заржали.

— Не, так дело не пойдет, — вздохнул я, — дед, вставай, пойдём отсюда.

Это было невинное заклинание "кукла", которым детей развлекают, заставляя ходить всякие плюшевые игрушки, но если влить достаточно маны, то с покойниками тоже можно. Откуда-то в памяти всплывали даже примеры с какой-то войны, где подобное бывало в виде военной хитрости. Тело деда зашевелилось и вновь село, будто разглядывая огромные копья, мешающие ему встать.

Мгновением позже я едва успел загустить воздух перед собой, поскольку лучницы садили в меня стрелы со всей возможной скоростью. Стрелы неприятно зависали передо мной, словно желая продолжить полет. Орки заревели, бросаясь к деду, выдернули их, отчего покойник вновь упал (поддерживать заклинание я бросил сразу как понял, что шутку не оценили) и кинулись ко мне. Намерения их не были добрыми, и я отнесся к ним с полной серьезностью. Если коротко — пришлось убить всех. Орки лишились голов от серебристого "бумеранга луны", не успев добежать до цели, а лучниц, разозлившись, спалил двумя файерболоми. Все-таки люди лишённые магии невероятно легкие соперники.

Потом меня отругал Самуил. Оказалось, что эти идиоты были даже правы, поскольку приняли меня за Некроманта! А некромантов надо убивать всем, всегда и везде. И награда за это всегда велика. На мое робкое замечание о нелогичности, в таком случае, появления некроманта на Арене, маг отмахнулся, попросив учитывать тупость окружающих.

Неувязочка вышла. Заплатили же мне лишь персонально оговоренные две тысячи серебряшек, согласно правилам и во избежание рецидива.

День 44, день 45, день 46 — болел.

День 54.

Уговорил Самуила на лекцию об окружающем мире. Он явно не верит в мое незнание, и считает, что я зачем-то придуриваюсь. По его логике раз блокировка убрана, значит я должен помнить все. Я и не забывал, только не то что он думает под моей прошлой жизнью. Я и сам не могу все еще объяснить себе ни кто я, ни где я, ни вообще ничего. Первые дни было проще, я был уверен, что лежу в коме и брежу. Нынче не уверен уже ни в чем. Если это игра, то столь реалистичная, что почему бы и прошлой жизни не оказаться той же игрой? Подкупала магия. Это что-то настолько невероятное, что будь выбор — не знаю что бы предпочел. Человек слаб и ищет где лучше, а лучше мне, безусловно, здесь. Ибо магия. Она меняет все. Абсолютно. Нет на земле, то есть в прошлом моем, ничего, что могло бы

уравновесить ее. Не придумали еще люди. Совсем щабиться мешала лишь странная тоска по Елене, и то, что нажимая на глаза, я видел все растущие цифры характеристик. Задание, впрочем, так и не активировалось.

Вопросы же об окружающем мире накапливались, и я все-таки дождал Самуила на лекцию. Что именно я хочу узнать он недопонимал. Мне нужно было все, а не детали. Пришлось помогать наводящими вопросами, ибо на прямые он сердился, считая, что над ним издеваются. Потому вышло ни шатко, ни валко, но какие-то вещи я уяснил.

Во-первых это не мир людей, а страна людей. Есть и другие. Есть страны не людей. Конкретно у нас государство магов. Магическая сила это все. Происхождение, статус (у меня горестно защипало в глазах), род занятий, возможности, образ жизни. Передается она по наследству кровного родства и никак иначе. Род — это все для мага. У каждого рода свои секреты и особенности, даже у слабых. Общая особенность заключается в том, что не бывает случая рождения сверхсильных магов без повода. Любой маг в роду никак не сильнее каждого другого из рода, что мужчин, что женщин, более чем в полтора раза. Потому вывести кого-то из ряда вон могущественного по факту невозможно. Свою магию и кровь оберегают. Знать, то есть высшая аристократия, представляет собой закрытую касту приблизительно в четыреста родов. Заполучить оттуда жениха или невесту практически нереально. Убьют.

Прочие маги, они же дворянство — еще около восьми тысяч родов. Причем род — по сути обычная семья, средней численностью всего шесть человек. И эта горстка, на круг тысяч пятьдесят магов, полностью контролирует громадную страну с населением в двести миллионов людей и около пяти миллионов разумных нелюдей.

Правит всеми государь, по совместительству глава самого сильного рода. Сильного условно, не абсолютно. Первый среди равных. Правят они очень долго, свыше шести столетий.

Маги занимают все должности достойные статуса. Это, в массе своей, офицеры армии и ученые. Обычных людей, по словам Самуила, особенно не зажимают, что и не очень возможно с учетом соотношения численности. Гвардия — там да, все офицеры дворяне, а основная армия открыта всем.

Люди вообще довольны, уверял меня он, доля самоуправления столь велика, что все время и силы уходят на его переваривание, а большего никто и не хочет.

Да и польза от магов огромная — защита, медицина, противодействие погоде в случае опасности неурожаев.

Более того — люди обожают магов, особенно высшую аристократию, за ее удаль, лихость и заботу о сирых и убогих.

В какой-то момент мне показалось, что это не Самуил, а я напрасно теряю время.

Когда маг устал, я рискнул задать последний вопрос:

— А как страна-то называется? Государство наше?

— Вот ты выдал, малохольный, а! — Воскликнул Иван, зачем-то все внимательно молча слушавший. — Это же надо спросить подобное! Ну ладно, память отшибло, бывает. Но ведь здесь младенец сообразит, если мозгой пошевелит! Главное у нас что? Ты сам чем занимаешься, ась? Справедливость, малохольный, Справедливость! Где ты еще столько Справедливости найдешь? Внимания к ней? Заботы? Да нигде более! Всем не Справедливость нас...ть! Но не нам, малохольный, не нам. Стыдно должно быть за такие вопросы, совестно. А государство наше называется Святая Русь потому.

День 61.

Сегодня знаменательный день. Иван, мой суровый и добродушный наставник, мой "дядька", мой экзекутор и экзаменатор, пришел, наконец, к выводу, что его непутевый подопечный все же вышел из дошкольного возраста. Отчетливо помню этот момент. Я вышел из своей камеры на площадку, и, ожидая начала разминки, помахивал палкой. Иван уже ждал меня в своей неизменной форме, держа руки за спиной.

— Что это? — Брезгливо спросил наставник, глазами указывая на палку.

— Деревяшка какая-то. — Не понял иронии я.

— Засунь ее себе знаешь куда? — Продолжал выражать презрение "дядька".

— А если нет, то что? — Я ничего не понимал.

— Выбрось, — продолжал он кривиться, — пусть детишки играют. Меч — вот оружие настоящего воина! — С этими словами он вытащил из-за спины два полуторника. Черт возьми, как он мог держать их так, что я не заметил?

— Невероятно, — вернул я подколку, — мой суровый сенсей признает, что с палкой против ученика уже ничего не светит. Не прошло и года.

Напрасно я выпендривался. Первое занятие на мечах очень напомнило первые занятия с дубинками. В комнату я скорее уползал, чем уходил. Нашел в себе силы задержаться перед зеркалом. Некоторое утешение в том, что больше не похож на дистрофика.

День 68.

Был неприятный, но важный момент. После занятий с Самуилом, мне удалось вновь разговорить его. Вообще мне кажется, что он уже привык к моей ежедневной болтовне и немного расслабился, отчего и допустил промашку. Вновь я "изображал", по его мнению, дурачка, закидывая вопросами, а он изображал, что "верит". Среди прочего я в шутку возмутился своим расписанием (на деле меня полностью устраивающим на данный момент), мол, что за дела такие? Проснулся — тренировки, устал — поел, очень устал — поспал, проснулся — тренировки. Иногда выступления во имя проплаченной Справедливости, приблизительно раз в три дня, и на этом все. Где мои деньги? Я могу их тратить лишь заказывая себе что-то, но я толком не знаю что именно, ни цен, ни предлагаемых товаров, ни разу не был в магазинах. Где вообще я? То есть где находится место где я? Почему я ничего не вижу кроме песка площадки, порою именуемой Ареной (в одной из прошлых бесед с Иваном выяснилось, что арена как место — условность. — Справедливость может быть установлена везде! — Пафосно заявил "дядька"), и комнаты-камеры, да окружающих площадку других таких же (или нет?) камер? Что за собачья конура для борца за Правду? Почему нет выходных? Где люди? Мои коллеги по несчастью, например? Где и когда они щанимаются? Если Арена столь популярна, как они мне говорят, то где зрители? Отчего такая скука для глаз?

Самуил все это слушал с безмятежной улыбкой мудрого, но скучающего человека, а потом пожал плечами и бросил:

— Раб должен работать или спать.

Видно было, что он очень пожалел о вырвавшихся словах и ругал себя. Я предпочел помочь и обратить все в шутку, засмеявшись, сказать, что рабов с оружием не бывает. Хотя было совсем не смешно. И что рабы с оружием очень даже бывают, я также хорошо знал.

Самуил казалось не столько смутился, сколько напрягся, вероятно ожидая какой-нибудь выходки с моей стороны, и развил привычное словоблудие. Дескать, это он так, вспомнил слова одного мудреца древности, когда времена были очень суровы и негуманны, не то что в

наше благословенное настоящее, в котором рабства нет вовсе. И вот суровая реальность дней былого перекечевала в юмор настоящего, когда госслужащие (он сказал "слуги государевы") чисто чтобы посмеяться над собой иногда так шуткуют.

А так как "слуги государевы" решительно все, то и юмор всеобъемлющий у них. Во-первых, как можно не считать таковым доблестных бойцов Арены? А во-вторых, с учетом закрепления рабочих контрактов (решил это отметить, так как не помнил за собой ничего подобного) магическими клятвами, то и нарушить их нельзя, что и способствует живучести подобных шуток.

В конце концов он даже попенял мне тем, что уж не избалованному столь персональным отношением мне жаловаться, когда со мной возится сам маг-наблюдатель, да и Иван тратит времени больше, чем на всех остальных (тех самых, что я так и не видел). Я и не жаловался.

Мое спокойствие не привело к ожидаемому действию, напротив, ощущалось, что маг действительно нервничает и беспокоится все сильнее от моей реакции, вернее ее отсутствия. Бедняга вообразил, что я что-то замыслил и потому такой тихий, стою и улыбаюсь. Во избежание каких-либо неожиданностей, я спросил его прямо:

— Самуил, зачем ты нервничаешь? Я может и не помню многое, но не первый день живу на свете, и отлично представляю реалии. Люди вообще не властны над многим в своей жизни, какими бы могучими магами не были, но ты будто думаешь, что я начну буянить из-за шуток, пускай и грубоватой. Не стану. Да и не представляю я как буянить, что поломать-то? Кровать, ведро, зеркало?

С трудом, но мне удалось если не погасить, то снизить напряженность, овладевшую Самуилом. Тот выдохнул, и, совершенно неожиданно для меня, извинился. Немного помолчав, он добавил, что назвать рабом представителя знати — примерно как самому вызвать стихийное бедствие, с вероятностью близкой к стопроцентной, и никакой текущий официальный статус для буйства не помеха. А ему вовсе не улыбалось разгребать возможные последствия, если вообще будет кому разгребать, поскольку по голой силе я его превосхожу.

Вот это, сказанное как всем очевидное, было и правда неожиданно. Как мало я еще знаю об этом мире. Недостаток знания, наряду с непрощедшим все еще наслаждением от обладания магией, главные причины моего спокойствия, инстинктивного желания плыть по течению, собирая крупички информации. Зарубку в памяти, однако, оставил. Что мое пребывание здесь — наказание, я понял давно и прекрасно. А вот что это еще и унижение — только сейчас.

День 70.

Самуил все же делает выводы, рад заметить, что влияют не только на меня, но и я понемногу воздействую на своих вольных или невольных наставников. Он принес карту мира. Первое что бросилось в глаза — будто она смесь политической карты с географической, приглядевшись понял, что политическая, но, кроме стран, на ней выделены места компактного проживания людей и нелюдей. Второе — представьте мое изумление, когда я понял, что очертания суши почти полностью идентичны очертаниям ее в моем привычном мире. Чем больше я изучал карту, тем больше мне хотелось набить кому-то морду, хотя и чувство юмора нельзя было не отметить.

Россия была размерами как после побед в Русско-Японской и Первой мировых войнах, плюс Гавайские острова и Аляска. Манчжурия наша! Однако. Ого, сколько эльфов проживает на просторах необъятной! Привычная мне Якутия наполовину эльфийская. И чукчи здесь не чукчи, а снежные эльфы. Забавно. Что же Кавказ? Горные эльфы, чудесно. Урал, поволжье — вкрапления эльфийских земель. Кроме людей да эльфов и нет никикого! А мои любимые орки где? Ахахахаха, вот же они. Вся западная Европа, с вкраплениями уже людей. Получается, что Европа заселена орками. А как же америка? Вот уж где мозаика так мозаика! Люди, эльфы, орки, гномы, "резервация кентавров"(!), и много-много черных точек, обозначенных как вампирские кланы, особенно жирные точки на месте Нью-Йорка и Вашингтона. С юмором у Создателя здесь все действительно в порядке, нельзя не признать. Но города никак не обозначены. Почему?

Африка, Южная Америка — эльфов не меньше половины. Сильно. Китай непривычно мал, поскольку Тибет относится к Индии. Населен людьми, но с безлюдными "проплешинами", названными "местами силы".

Австралия... Ах, вот где обещанные драконы. Постойте, но ведь получается, что драконы разумны? Антарктида. Территория свободных демократических пингвинов. Да, я уже что-то понял о Создателе.

Когда я попросил оставить карту мне, Самуил неожиданно заупрямился. Я было удивился, но оказалось, что дело в деньгах. Зачем отдавать, если можно продать, так, видимо рассуждал мой смуглый кучерявый друг. Я и не против, тем более, что помогло немного прояснить финансовый вопрос. Во-первых у меня они (деньги) есть и немало для человека в одной поношенной рубашонке и штанишках. Около семи тысяч серебрянных монет. Хранятся они в некоем "Сберегающем Доме" (Создатель. Я до тебя доберусь.). Забрать их я могу, только зачем? Все что мне нужно принесет Самуил, который по сути мне как опекун и приказчик! От меня требуется лишь правильно сформулировать просьбу, и, если просимое не входит в запрещенное, то будет доставлено мне за мой счет. По конской цене, как понял я уточнение о "незначительной наценке, учитывающей время и место".

Признаюсь, что в тот момент впервые испытал подобие гнева в адрес своего "друга". Я ведь неоднократно интересовался как там проживают мои честно заработанные читерством кровные, и что можно на них приобрести, не получая в ответ ничего конкретного. Пришлось взять паузу, помолчать, досчитать до ста и мысленно пробежаться по прошлым разговорам. Вывод не порадовал. Судя по всему случилась наглядная ошибка взаимонепонимания на разнице культур. Маг, как коренной житель куда более "конкретного" мира, привык "не

понимать" намеков, за которые можно чего-либо лишиться без компенсации, и не реагировал на то, что воспринимал пустословием, максимум — рассуждениями вслух. Я же думал, что произношу понятные и прямые просьбы, а отсутствие реакции оценивал как свое малознание (что оказалось верной мыслью, но не настолько же!) и не настаивал, не проявлял упорства, добавляя еще и косвенное в копилку несерьезности. Да, в такие моменты во мне просыпался "Максим из иного мира", но, поостыв, я нашел определенную пользу и от такой глупой несурезицы, все-таки помогает не забываться, в самом широком смысле.

Так или иначе, а я сердито выговорил Самуилу, что он своим неверием в мой провал памяти ставит меня в глупое положение, и я очень хочу пользоваться своими средствами, пусть с наценкой (говорить что все равно не знаю цен поостерегся, лучше пускай думает, что знаю), но без конкретного ассортимента выбирать сложно, а потому я был бы чрезвычайно признателен любому, кто просветит меня относительно того, что я мог бы приобрести. Самуил оглядел меня неподражаемым взглядом, казалось, что хотел что-то возразить, но просто кивнул.

Вернусь к карте мира. К тому самому "почти", касаемо похожести с привычной мне земной. Все очертания материков и островов были аналогичны тому, что я учил на уроках географии в школе, за одним существенным исключением. Между Австралией и Южной Америкой располагался еще один материк. Большой, крупнее Африки, по форме напоминающий аккуратно подстриженное дерево. Так вот, на этом самом материке не было никаких обозначений. Вообще. Ни стран, ни кто населяет. Просто кусок суши и на этом все.

День 77.

Я несу Правду во имя Справедливости! Отличный день. Сегодня было мое двадцатое первое выступление на Арене, и впервые я видел зрителей, если не считать лиц заинтересованных. Группа мужчин сурового, но поистрепанного вида, принялась всячески подбадривать меня, едва завидев.

— Давай, пацан, порви ее!

— И отодрать не забудь!

— Не будь овцелюбом, парень, натяни ее!

— Порви эту тварь!

— Расчлени ее!

— Жги, щенок, а то овсянка остынет.

Поначалу я опешил. Остановившись, пригляделся к неожиданным советникам. Мужчины неопределенного возраста и занятий. Кто-то выглядел почти как буржуа с картинок о старой доброй Англии, кто-то гордым почти оборванцем при оружии, подобно нищим испанским идалго. Мелькнула догадка, что это друзья или приятели Ивана, возможно сослуживцы, было в них нечто общее, воинственное и простоватое. Внешне. Иван далеко не прост, но неуловимая схожесть в них просматривалась. Да и кто еще мог притащить суда толпу в десятка полтора подобных типов? На одежде некоторых виднелись металлические бляхи, почти у каждого на поясе висел нож, а то и что покрупнее, у одного из рваного сапога торчала палка, растительность на лице тоже внушала, укрепляя меня в своей догадке. Самого же "дядьки" видно не было.

На Арене, как я привык мысленно называть площадку, стояла женщина. Мгновение спустя я осознал свою ошибку. Это была эльфийка. Сочетание силы и хрупкости. Могущества и мудрости мироздания. Материнской доброты, понимания и непреклонности к непослушным. Все это было в ее глазах, пристально глядящих на меня. Не только "дядька",

но и Самуил предупреждали меня по-возможности не смотреть в глаза эльфам, и никогда — эльфийкам.

— Ведьмы они! — Рывкал Иван и грозно сплевывал. — Чихнуть не успеешь, как все — пропал. Загляделся и смягчил удар. А то и похуже — не ударил вовсе. А потом у самого глаза как у барана и "я не мог ударить красоту", или "я видел ту, которая меня понимает". Это если жив остался, а не подох когда эта "красота" твои кишки вокруг дерева намотала! После того как собственный член сожрать заставила.

— Да, — поддакивал маг, — с ними надо быть очень осторожным. Очень. И магия тут не всегда поможет. Собственной магии у них нет, в нашем понимании, но что-то есть. Обман и шарлатанство! Только представь, что это шарлатанство оттачивалось веками, из поколение в поколение! С непривычки показаться может всякое. И что мысли читают, и что доброты ты такой у людей не встречал, и что вот она — человечность, хоть и не люди они. Лжа это все!

— П....ж! — Продолжил Иван. — Никогда, ни при каких обстоятельствах, не признают они в тебе равного. Что равного — права на жизнь у тебя для них нету. Хоть что делай. Был у меня друг, шел однажды, встретил семью этих тварей. Не воинов, не охотников, обычный мирняк. Беда у них стряслась, дочка оступилась, да в болотную трясиину шагнула. Держится, но вытянуть не получается у папаши с мамашей. Так этот дурень помог, вместо того, чтобы и этих в топь покидать! Вытащили с ним вместе! Выискался благодетель! Так они его там и прирезали. А отчего же, спрашивается, не прирезать, если обед сам пришел? Людоеды они. Сами ведь не люди, ну и... Да того не учли, что один он не шел, а с отрядом, только вперед ушел, непоседа. Так их прямо за обедом и накрыли. Ну и к березкам привязали, да... Одно запомни накрепко — в глаза их бабам не смотри. Посмотрел — считай половины сил лишился, дух помутился и погиб. Они нас за равных никогда не признают. Силе подчиняются, только и всего. Но земля это их была, а люди отняли. Такое не прощается и не забывается. Помни, Максим.

Само собой, я наплевал на все благие пожелания, во все глаза разглядывая эльфийку. Интерес был чересчур велик. Ну что сказать. Красивая. Черноволосая, глаза манящие. Похожа на Монику Белуччи в юности. Только лучше, и взгляд взрослее.

Не знаю как долго мы обменивались взглядами. Ее глаза притягивали, и мне нравилось глядеть в них, затем прерываться, разглядывать что-то еще, то же оружие соперницы, лук, даже с расстояния казавшийся шедевром, короткие клинки в ножнах из (я почему-то понял это) человеческой кожи, подобие боло на наборном поясе, но через паузу вновь возвращаться к необыкновенным глазам нелюди. Тепло и покой. Непривычное спокойствие и уверенность. Искренняя симпатия и (неужели?!) любовь — вот что в них было, и все это вместе складывалось в ощущение удивительной радости и счастья, охватывающего меня, лаского окутывающего чувства собственного совершенства и гармонии.

Она засмеялась. "Ого, вот и контрольный в голову", — подумал я, наслаждаясь звуками ее голоса. Теплый, мягкий, глубокий, переливающийся, еще какой-то, мне не нужны были эпитеты, это было чистое удовольствие и я улыбался. Доугих голосов слышно не было даже на периферии слуха, видимо эльфийка "отсекла" их, лишь боковым зрением я видел как беснуется "группа поддержки".

Девушка (не представлял сколько ей лет, но выглядела то она как девушка) плавным, чарующим движением взялась за лук. Наложив на тетиву стрелу, она улыбнулась и посмотрела на меня с такой нежностью, что я совсем превратился в статую. Подозреваю, что

тоже улыбался в тот момент, но не более как кретин.

Стрелы пошли так, как и не мог представить что возможно без магии. В загустевшем воздухе перед моим лицом зависло все содержимое ее колчана, выпущенное секунд за десять. "Три в секунду? — Изумился я, — да как возможно подобное?" И целилась именно в лицо, не в тело. Что бы было с моей головой, достигни она цели?

Красавица была уже совсем близко, и долго раздумывать не приходилось. Девушка все с той же безмятежностью попыталась воткнуть в меня (и опять в голову!) свои стилеты, как я плсе рассмотрел ее клинки. Магическое ускорение, вот что спасло мне жизнь, уйдя вбок, я отвесил ей подзатыльник мечом плашмя, отчего она упала на колени и завалилась на бок. Конфисковав ее то ли боло, то ли лассо, не до того было, чтобы выяснять, я связал ей руки как мог крепко. Вблизи эльфийка казалась еще прекраснее, и впервые мне показалось, что я действительно теряю контроль. Странно, ведь нельзя было смотреть ей в глаза, я осознал это на личном опыте, но почему когда ее глаза закрылись меня повело намного сильнее? "Елена, прости меня, — пробежала мысль, когда я снимал свои штанишки, — но это великая сила любви".

.....

Мужики были вполне довольны бесплатным порнографическим представлением, и без устали отпускали свои шуточные комментарии еще долго после того как все закончилось. Нарисовался Иван, это действительно оказались его друзья, с деловым видом собрал с каждого деньги (!), и вывел. То есть открыл дверь одного из окружающих Арену "домиков" и затолкал в нее всю компанию. Однако. Это что же получается, вот они "ворота", или вход или выход, сделанный под обычную "камеру"? И сразу вслед за ними прошли "искатели Правды" со стороны моей соперницы, трое взрослых эльфов-мужчин и двое подростков. Даже со спины было заметно, что они не только не разгневаны увиденным, но, напротив, полны некой торжественности и будто довольны.

Я так удивился, что даже забыл окликнуть Ивана что за история с деньгами, собранными со зрителей, и не положено ли мне там что-то.

Эльфийка, тем временем, пришла в себя.

Я улыбнулся, вновь видя эти божественные глаза. Омуты, в которых ты твердо знаешь, что водятся черти, но самих чертей не видишь. Ощущение обволакивающего теплого ветра вернулось, и я просто глядел на чудо, наслаждаясь каждым мгновением. Девушка улыбалась.

— Мне кажется, — не то сказала, не то пропела она, — что проникновение все-таки было.

— Вы правы, — отвечал я, — и это было волшебно.

Эльфийка изобразила скепсис на лице, но и это вышло у нее столь чарующе, что я был близок к повторению сделанного.

— Вы меня изнасиловали.

— Вы меня околдовали.

— На глазах у толпы людишек!

— Я видел лишь вас. Вы слишком красивы. Не будь вы смертной, я бы признал вас божеством. Хотя кому я вру, я и без этого вижу в вас нечто божественное. Что-то, что много сильнее меня.

— Вы убьете меня?

— Не знаю. Но если вы не сдвинете ноги хотя бы, то разговор наш прервется на время.

— Проживу немного дольше. Она улыбалась и провоцировала.

— Признаюсь, вы ошеломили меня, и я воспользовался ситуацией, но не могу сказать, что мне хоть немножечко стыдно. Я поступил бы так же, даже знай, что у вас там зубы.

Девушка окрыто засмеялась, совершенно не стеснясь собственной позы.

— Зубы у меня там, где определила природа, но если вы так же добры, как сильны, и сохраните мне жизнь, то вам не стоит их опасаться.

— Я опасаясь не ваших зубов, а вас целиком, — признать очевидное было легко, — но вместе с тем, мне не хотелось бы расставаться с вами, не говоря об убийстве.

— Тогда, мой развратный победитель, я могла бы принести вам присягу слуги, и вам бы не пришлось больше насилловать бедную бесчувственную девушку, разве что вам нравится подобная роль, конечно. Я не против.

— И вы не будете пытаться меня убить? — решив, что ухватил бога за бороду, от внезапного волнения я замер, боясь спугнуть.

— Нет, мой благороднейший господин. Это невозможно. Эльфийка избрала печаль, от чего стала еще прекраснее, хотя это и казалось невозможным, и сразу лукаво и немного беспомощно улыбнулась. — Слово?

— Слово. — Я прохрипел.

— Тогда я, Сафра Игуавон, семьи Бореев, присягаю верно и правдиво служить вам как своему господину, выполняя все ваши приказы, не порочащие чести и достоинства ваши, сроком на... — Она замялась.

— Тридцать лет! — Выпалил я не подумав.

— Тридцать лет, — послушно повторила эльфийка. — Теперь вы, господин мой, можете развязать меня, если желаете, и, видя ваше нетерпение, ваша покорная слуга сможет доказать вам, что ее зубы вовсе не помеха и не опасность для вас.

.....

— Кретин! Дебил! Идиот! Умалишенный! Дурак законченный! Дегенерат! — Иван был в совершенной ярости. Он двигался какими-то полушагами, полурывками вокруг нас с Сафрой, размахивая руками и обзываясь. Порою просто рыча.

— Сафра, милая, ты не знаешь, что хочет мне сказать сей храбрый муж? — Мое настроение не испортил бы и скачущий слон.

— Знаю, господин. Сей храбрый муж негодует от вашей необоротистости. И желает сказать, что вместо клятвы слуги на несчастные тридцать лет, вам стоило потребовать пожизненную клятву рабыни.

Я был ошеломлен.

— А... Что, так можно было?! Ведь рабство запрещено!

— Нужно. — Девушка нежно улыбалась. — Рабство запрещено? Для людей — возможно, хотя вы очень ловко и неуклюже одновременно, обходите собственные законы. Но я не человек, я эльф.

А еще этот доблестный воин негодует от того, что вы допустили несколько расплывчатые формулировки о чести и достоинстве.

— Расплывчатые?

— Да. А еще он очень раздражен тем что вы делали со своей покорной слугой, а он не делал.

Иван побагровел столь сильно, и сделал при этом столь зверскую рожу, что подумалось — или сам помрет, или убьет кого-нибудь. Нас, например. Вместо этого, он прорычал нечто совсем уж нечленораздельное и пошел прочь, к той двери, куда ранее отправлял моих

болельщиков. Вспомнилось о деньгах, но момент показался неподходящим и я не стал ничего говорить.

— Она и сейчас слукавила, мой юный друг, — проскрипел всевидящий Самуил, оказываясь рядом. — Не просто клятву рабыни, а магическую клятву рабыни должно было требовать.

Маг выглядел спокойным, хотя недовольство его тоже ощущалось.

— Магическую? Но ведь у эльфов нет магии (Сафра насмешливо хмыкнула), вы сами говорили, как бы она ее принесла?

— Иван погорячился, — улыбнулся маг, — но в некоторых определениях он, увы, оказался совершенно прав. Вы маг, Максим, вы. И вы должны были составлять клятву. А вышло так, словно наемный работник пришел наниматься со своими представлениями о том как должно быть, и все его требования немедленно удовлетворили. Хотя вам грех жаловаться на недостаток удовлетворения, понимаю, но все же...

— Но пойми и меня, Самуил, — я понял, что круглый дурак, и сам, добровольно лишил себя большего чем получил, и жалко попытался оправдаться, по-мужски все свалив на женщин, — у меня ведь не то что такой красавицы, у меня вообще женщин почти три месяца не было! Вот и поплыл немного... Однако же хваленый эльфийский взгляд на меня не подействовал!

— Да. — Маг все больше погружался в задумчивость. — И это непонятно. Который уже раз непонятно... Слово он и подействовал, и, одновременно, не подействовал. Будто вы не один, а два человека, Максим. Что действует на одного — не действует на второго. Но так не бывает, и вы не сумасшедший... В чем же дело?

— Господина зовут Максим! — констатировала девушка.

— А? Что? Нет! — Встрепенулся Самуил. — Мы называем его Максим лишь потому что он сам так называет себя, ну и надо же как-то называть. Вообще у него нет имени. А пора бы уже.

— Что? — Как это нет имени? Вы ведь сами рассказывали как меня доставили сюда без ничего, но имя было!

— А так, мой юный друг. Мало ли кто куда и чего доставил. На Арене не выступают под собственными именами. Они в прошлом. У всех номера. Имя дается после десятка побед как минимум, иначе и резона нет. Зачем имя покойнику? Вот Сафра назвала настоящее имя при присяге, а так она... Впрочем, уже неважно. Если бы ты, Максим, хоть иногда вслушивался в объявления, то знал бы свой номер 19371488666, но тебе неинтересны не только сути дел, на веса которых ты кладешь свою Правду, но даже и это. Зато интересуешься какой-то совершенной чепухой о сообществе пингвинов. Ну как так?

— Ничего себе номер! Это что же получается, почти 20 миллиардов участвовало на Арене?

— Нет, номера составляются несколько иначе.

— Господину нужно имя! — Ого. Моя коварная слуга умеет топтать ногами в присутствии мужчин!

— Да.. — Из мага будто выпустили воздух, и он сгорбился. — На время жизни на Арене, тем кто дожил до хотя бы десятка побед, как и говорил, дается имя. Оно и является отныне официальным именем, и никакое другое. Выбирать можно самому. У тебя есть имя на примете, Максим?

Я задумался. С одной стороны, мне было все равно, с другой — имя такая вещь, с

которой жить. Сколько жить? Сколько получится. Говорят будто год на Арене — приговор (такс, а если я погибну ранее тридцати лет, то Сафра что — свободна? Раз не рабыня, которая, вероятно досталась бы в собственность... Кстати, а кого?), но я подозреваю, что со мною выйдет исключение. Я здесь как мальчик который выжил после того как помочился в трансформаторную будку. Мальчик который выжил. Мальчик который... А почему нет?

— Гарри. Меня зовут Гарри.

— Ты что, орк?

— Нет. Я не орк. Но меня зовут Гарри.

— Это оркское имя. У нас так собак называют и кошек.

— Я. Сказал. Меня. Зовут. Гарри.

— Да хоть Джон. Тебе решать. Гарри так Гарри.

— Кровавый. — Вдруг произнесла девушка. — Вы извините, господин, воля ваша, но мне бы тоже было бы не очень радостно служить столь милтому, доброму, честному, могучему магу, но с кличкой какого-то пса. Мои зубы могут совершенно непроизвольно вновь стать опасными от одной мысли, что перед ними орган собаки, а потому прошу вас добавить немного воинственности, что вам так идет.

— А у тебя какое имя Арены? И почему если "прошлое имя в прошлом", то при присяге ты произнесла его? Самуил?!

— Ее зовут Медная Куница. Почему — сам узнавай. А прошлое имя назвала, потому что побежденный на арене — мертвец. Живой мертвый. Медная Куница проиграла и умерла. Осталось лишь имя из прошлого. Но ты даровал ей жизнь, потому она вновь Медная Куница. Что опять непонятно?!

— Ты ведь сказал, что имя прошлого тоже уже нет, раз попал на Арену, откуда тогда оно взялось вновь?

Но Самуил только глаза закатил. Ладно, достанем до печенок в другой раз. Пока же надо разъяснить еще один вопрос.

— А где она будет жить? В смысле спать?

— У тебя, Кровавый Гарри, где же еще. Одеяло, и новый матрас, если надо, принесу, то есть сам купишь.

Кровавый Гарри, значит. Отлично.

— Да он же на ногах не стоит! Так я и знал! Заездили, жеребчик, да? Копыта заплетаются? Нет, вы полюбуйтесь, господин маг, на этого идиота! — Иван всем видом изображал возмущение, но выходила у него скорее обреченность пополам со смущением. — И как тренировать этот одуванчик прикажете?

— Завидовать нехорошо! — Максим укоризненно покачал головой, сам действительно слегка пошатываясь. — Где мужская солидарность, мой суровый учитель?

— Солидарность, остолоп, значит согласие. А его в данном случае нет, если ты не заметил. Вот ответь мне: что с тобой сейчас делать?

— А знаешь, Иван, как раз сейчас может и делать? — Самуил ехидно улыбался. — Самое то. Материал тепленький, податливый. Хоть на гончарный круг.

— Да что вы привязались, в самом деле? — Максим решил пообижаться. Не то что молчаливой похвалы, капли сочувствия от этих ханжей не дожидаться! — Маг я, или кто? Сейчас подлечусь и готово.

— А ты попробуй, дитяtko, — "дядька" стал очень ласков, — подлечись.

Максим попробовал. Не вышло. Магия не отозвалась призыву. Он и сам не знал каким образом ей пользуется, легкость получения навыков не способствовала дотошности в изучении. Нет, теорию он знал, вернее "вспомнил", что маг обладает "ядром", которое вроде как "сгусток" чего-то там, что напрямую влияет на окружающий мир через его волю и умение с ним работать, а при необходимости воздействует и на своего носителя. Но поскольку природа ядра оставалась неизучена, то и не вникал в околонуточные теории, имеющиеся в памяти. Все равно никто не знает точно, зачем забивать голову? Он ведь не ученый. Вот быть пользователем ему нравилось. Но и здесь его изучение магии не шло дальше "вспоминания", как объяснил Самуил, что на данном этапе казалось вполне достаточным. И вот вдруг сбой. Максим похолодел.

— Что, отрок, не получается? Иван продолжал изображать доброту и сочувствие. — Удивительно, правда? Вот ты маг, великий воин, ничего толком не умеющий, правда, но великий. Силища — огого! А вот ты не маг, а хрупкий человек, которого ткнешь, он и развалится. Бывает же такое! И, главное, с чего бы это, да?

— Она вернется? — Макс почувствовал себя голым, жалким и беспомощным дураком. Удар был силен, но он старался держаться. — Магия вернется? Это ведь временно?

— А ты поплачь, малохольный, пореви здесь в песочек, полегчает, — "дядька" презрительно сплюнул, — может и магия твоя воротится. От жалости.

— Не менее суток, у тебя полное магическое истощение. — Самуил укоризненно вздохнул. — Ты ведь свой личный рекорд поставил с эльфийкой своей, не так ли?

— Так. Пятнадцать раз. — Максим несмело улыбнулся.

Иван захохотал так, что у него у самого выступили слезы.

— Я и говорю, великий воин, — сквозь смех выдавливая слова трясся "дядька", — ты бы так орков кромсал без магии, цены бы тебе не было. Пятнадцать! Из них раз десять чисто на магии, о чем сам догадаться не сумел, ибо тут думать надо головой, а не членом. С эльфийкой! Да не принеси она тебе присягу слуги, можно было бы тащить ее за уши на допрос по обвинению в покушении на убийство.

— Так что же делать? Максим постепенно приходил в себя, догадываясь по реакции

наставников, что хоть и совершил ошибку, но не слишком фатальную, и все еще можно исправить.

— Ждать, мой юный друг. Ждать. Время лечит. И магия твоя вернется. Вот сколько — сказать не могу. Сутки или больше? Не знаю.

— Сутки? — Тупо повторил Максим.

Маг перехватил поудобнее посох и обвел наконечником контур вокруг него, вновь вздохнул и вынес вердикт:

— Минимум. У тебя полное магическое истощение, повторяю. Вздумай ты продолжить свои достижения, пострадало бы само ядро. А так — опустошение до нуля, не более. Ты ведь не сам остановился, да? — Вдруг улыбнулся Самуил, — это она прекратила?

Максимум покраснел.

— Да, — зло сжимая кулаки, признался парень, — сказала, что больше не выдержит.

Наставники расхохотались.

— Она эльфийка, дурень, эльфийка, — Иван жестикулировал словно объясняя таблицу умножения великовозрастному дитятке, — она и выкачала себе всю твою силу. Магическую. Всю ману, что было возможно до порога повреждения ядра. Она не могла устать потому в принципе.

— Она сейчас здоровее здорового, мой юный друг. Пользоваться магией эльфы не могут, но использовать — почему нет. Понимаешь разницу? — Самуил увидел, что нет, и пояснил: вот ты решил вылечить кому-то порез, например, или ушиб. Ты сам направляешь ману на цель, другой человек не способен взять ее у тебя. А эльф способен. Эльфийки — тем более, а через близость — так, что и не заметишь. Ты и не заметил, Гарри.

— Кровавый, Кровавый Гарри, — опять захохотал Иван, — прошу титуловать полным именем нашего лучшего бойца! А девчонка не промах! Ей-богу, она мне даже начинант нравится. Во-первых легко отделалась там где должна была погибнуть. Затем еще и здоровье поправила так, что лучше и не надо. Кстати, малохольный, чего это она не выходит? Уставшая, да? Ох, хитра. Вот оно — коварство эльфийское. Учись уму. Это ведь только начало, наш доблестный Кровавый Гарри.

— Ну ладно, посмеялись и хватит. Самуил вернул лицу серьезность. — Имеем что имеем. Гарри я о тебе сейчас, с одной стороны это сбой, но с другой, если подумать, очень хороший сбой. Парень совсем утонул в магии, скоро ложку до рта без нее доносить отвыкнешь. Иван, грех не использовать этот день по-полной.

— Ваша правда, то есть как скажете, господин маг. Ну что, малохольный, — обратился он к потерянно стоявшему подопечному, — давай по-новой. Палку в руки и вперед. Меч опасно, — уловив обиду в глазах парня, — порежешься больно, опять господину магу тебя лечить, как убогого. Да и в памяти палка тверже отпечатается.

Максим мысленно ругал себя последними словами и обещался серьезно спросить с коварной слуги, когда выходил в центр площадки. "Дядька" бросил ему палку, только не привычную дубинку, а целый шест, раза в два длиннее.

— Толку мне тебя колотить, — ухмыльнулся Иван, — увеличим дистанцию. Немного. Да и с ловкостью у тебя куда лучше сейчас, магия великая сила. Да и тело вспоминает, вероятно. А вот с точностью проблемы. Презираешь ты силу. Это и будем лечить.

— В каком смысле презираю?

— Швыряешь ее почем зря. Разве это уважение? Расход бестолковый. Как золотым платить где и серебрушки много. А сила не любит неуважения. Но, думаю, не со зла ты, а с

глупости необычайной. Не понимаешь. Сейчас поймешь. Давай, коли меня.

— Колоть?

— Коли, руби, в узел вяжи, делай что хочешь. Задача прежняя — достать меня. И артефакта здесь нет. Заденешь — значит заденешь. Начали.

Максим стиснул зубы и постарался расслабиться. Будь что будет. Да, сделал глупость. Небольшую. Но запомнит он ее крепко. Теперь же нельзя расклеиваться, ведь он помнил как хорошо себя чувствовал, как уверенно. Лишиться этого? "Неужели все дело в магии? Ну уж нет!", — Подумал он, делая первый выпад.

— Да. Не ходил ты, парень, в штыковую, — Иван легко ушел от неуклюжего действия ученика, — а если война?

— Штыковую? — Максим даже замер. — У вас есть ружья?

Иван непонимающе пожал плечами и больно ткнул его под колено. Парень упал.

— Вставай, Гарри, будем оправдывать имя, уж не взыщи. А то халтура одна.

Это был очень долгий день.

Когда Максим ввалился в свою комнату, ему казалось, что прошло уже много, много дней, а не один, как он в ней не был. Сил не было совершенно. Все тело болело. Хотелось лишь одного — спать. И даже говорить о чем-то с эльфийкой уже не было никакого желания. Он устал. Макс тупо добрел до кровати и сел рядом с Сафрой. Чем она занималась весь этот долгий день, можно было только гадать. Даже злости на нее не было.

— Простите меня, господин, — прошептала девушка, и он почувствовал как ее прохладная ладонь ложится поверх его руки, — я не могла поступить иначе.

Максим улыбнулся. "Все же есть в эльфийках что-то удивительно женственное", — подумал он, — "то что заставляет к ним относиться иначе. А еще нелюдь. Нелюдь, которая понимает нас лучше, чем мы сами. И может даже съесть. Так романтично".

— Ничего, милая (он настолько устал, что не заметил как вырвалось это слово), все бывает. Я и сам виноват. Но не думай обо мне плохо, я совсем не сержусь на тебя.

— Не сержусь, — повторила она, — не сержусь. Господин не сердится. Но на что именно не сердится мой господин?

Сафра повернула голову и поймала его взгляд. Максим зачарованно смотрел в ее прекрасные глаза. Ему ощутимо почудилось как будто девушка сделала что-то, отчего стало легче и усталость стала отступать.

— На что же не сердится мой храбрый господин? — Поняв, что не дождетя ответа пропела девушка.

— На то что ты лишила меня магии сегодня, — Максим купался в сиянии ее глаз. — Я не сержусь, — благородно добавил он.

— Но разве это моя вина, господин? — Удивилась эльфийка. — Мне показалось, что и вы приложили для этого немало усилий. Напротив, я постаралась удержать вас от ошибки, как и положено хорошей слуге. Моя совесть чиста, господин.

— Да, и выкачала из меня весь запас маны.

— Но разве не мой господин уверял, что "это все для тебя", когда сравнивал свою верную слугу с разными видами парнокопытных? Я вообще-то не о том.

— А о чем?

— Вы должно быть заметили, что я не риснула покинуть ваше жилище сегодня?

— Еще бы. Разумеется, я заметил.

— И вы, конечно, поняли почему?

— Догадался. Моей верной и коварной слуге стало стыдно?

— Да, — обрадовалась девушка, — именно стыдно правильное слово. Мой господин не только храбр и могуч, но и очень умен.

— Скажи это Ивану. Максим развеселился. Было действительно хорошо так сидеть и болтать ни о чем с прекрасной нелюдью.

— Этому мужлану? Эльфийка сморщила носик. — Если господин прикажет снизойти до общения с этим злым и глупым человеком, то я скажу. Надеюсь, господин мой не будет возражать, чтобы выглядело это достаточно эффектно?

— Не будет. Заранее воображаю этот прекрасный момент.

— Тогда господину достаточно лишь выдать мне разрешение пользоваться вашим именем, и все его желания будут исполнены в лучшем виде, — девушка и без того прекрасная, казалась расцвела еще больше, — я приложу все усилия для поддержания вашей чести и... чести.

— Не проблема. Разрешаю.

Мягкие губы коснулись его лба.

— Вы лучший господин на свете, и я даже рада, что стала вашей. Можете мне довериться, я подберу все только самое лучшее и самое нужное.

— В смысле? — Максим заподозрил неладное.

Эльфийка хлопала глазами.

— Вы ведь сами только что разрешили мне пользоваться вашим именем, а значит и счетом, то есть деньгами. Поверьте, господин мой, я очень ценю подобные жесты. Ночью мне было хорошо, я ликовала от осознания того как хорошо вам, и что я верно исполняю свой долг. Но утром... Утро было ужасным. Это зеркало! Во-первых оно полнит! А во-вторых оно беспощадно указало мне на то как ужасно я одета. Это какой-то позор. От сдыда я закрыла глаза, вот так, — девушка прикрыла лицо рукой, — легла на кровать и сжалась в комочек.

Максим ошеломленно слушал.

— Это был стыд, невыносимый стыд, — продолжала эльфийка, — как я могла показаться, пусть перед даже людьми, вот в этом? Унижать и позорить своего господина? Это было ужасно. Я заплакала всю подушку. Потом...

— Что потом? — Прохрипел Максим. Он не знал что и думать на подобное представление. Издевается она или серьезно? Не может же быть всерьез подобное, когда он сам, ее "обожаемый господин", выглядит как поволжский бурлак? Но взгляд ее был столь чист, наивен и ясен, что парень "поплыл". "Будь что будет", — решил парень, — "сгорел сарай, гори и хата!"

— Потом я поняла, что когда господин вернется, он ведь тоже увидит мой жалкий вид. Что он при этом подумает? Кто эта оборванка (наряд эльфийки казался Максиму очень красивым, дорогим, даже роскошным, функциональным и выглядел как "сносу нет"), что она делает здесь? Ах да, эта та ничтожная, что подняла на меня руку, и которую я, в необъяснимой доброте своей, пощадил. А в благодарность теперь это чучело будет мозолить глаза мне своей убогостью. И я решилась..

— Решилась?

— Да. Будь что будет, но я не нарушу клятвы жизни. Если господин признает меня недостойной своей милости, то я уничтожу эти гадкие тряпки, что на мне, и буду ходить

обнаженной, пусть так. Природа наградила меня некоторой внешностью, так и спрос пускай будет с нее, а не с меня!

День 80.

И снова здравствуй, дорогой дневник! Несколько дней не писал, но право же, было не до этого. Прости. Дни идут очень быстро, и, одновременно, очень долго, так что ни сил, ни времени на писанину нет. Однако же стоит зафиксировать некоторые моменты.

Сафра, она же Медная Куница, она же моя слуга и в целом эльфийка, так вот, это чудо природы развило бурную деятельность, каким-то образом превратившись из "верной и покорной слуги" в моего личного управляющего. Вот что значит практичность, хватка и деловитость!

Она совершенно опустошила все мною заработанное и хранящееся в "сберегательном доме". Поскольку она тоже из приговоренных а Арене (кстати, а за что? Надо спросить.), то покидать отведенные территории не имеет права. Я так думал. Оказалось, что в правилах есть исключения, для нас пока недоступные, впрочем, так как привязаны к срокам. Первый раз "увольнительную" можно получить после четырех месяцев выживания, второй — после полугода, далее ежемесячно! И никто ничего не сказал! Ну вот, покидать надоевшее место покуда запрещено, но ничего не мешает пригласить торговцев прямо сюда! И платить наличностью не нужно, достаточно расписки на определенную сумму, ее заверяет магической печатью Самуил (о, как он был недоволен! Кажется, деньги — слабое место наставника, я и раньше подозревал, но сейчас все стало совершенно ясно.), и в "Сберегательном Доме", если на вашем счету есть средства, выдадут нужную сумму. Тооговцы дерут две или три цены, не сомневаюсь, но какая разница? Сроду не любил шопинг, но здесь, в этой скуке, причем скуке самой противной, когда скучно глазам, появление торговых фургонов (все из той же двери, окончательно сняв вопрос входа и выхода. А я уже было себе порталы навоображал), которые катили симпатичного вида невысокие лошадки, стало даже для меня отличным зрелищем и событием.

Что предлагалось? Да что угодно. Первый торгош посмотрел была на меня скептически, но, увидев эльфийку, ощутимо напрягся, готовый биться за каждый медяк. Медная Куница не подкачала, торгуясь так, что даже Самуил стоял рядом и слушал с большим уважением. Сафра хотела многое. Одежду, украшения, вино, посуду, мебель! Фургон с мебелью потряс меня, стало немного жутковато от столь очевидной наглядности, что моя верная слуга — это "всерьез и надолго".

Отдельно отмечу внешний вид торговцев, как у купцов допетровской эпохи. Толстая и длинная одежда, высокие шапки. Уверенный вид, гордая осанка, красные сапоги, золотые или золоченые пояса, брюшко, хитрые колючие глаза, бороды до земли.

Мы, то есть я, как господин и повелитель, приобрел кровать, дубовый резной стол, три кресла, напольные часы (?!), шкаф для одежды. Паркет добил окончательно.

— Слуга моя, — нерешительно вмешался я, — а кто будет его укладывать?

Но бестия отмахнулась, уверяя своего "заботливейшего и мудрейшего господина", что это не проблема, а пустяк, ибо можно нанять работников у тех же купцов, пока ее господин занят тренировками и прочими мужскими делами, надо лишь им чуточку заплатить. Торговцы дружно закивали. Вообще мне показалось, что интерес у них не ограничивался только прямыми продажами, убедившись, что покупатели платежеспособны, они стали глядеть на нас более задумчиво. О чем может думать торговец? О прибыли. Но в делах

всякое случается, и, как потом подтвердила мои догадки Сафра, совсем не редкость обращение к суду. Разбираться в делах купеческих и врагу не пожелаешь, и суды почти всегда отсылают к суду Арены иски со стороны этой братии, как личные, так и коллективные. Потому интерес не был чем-то странным, ведь деньги гладиаторов — показатель их успешности, или, как здесь говорят, Силы Правды.

Против вина я не возражал, пускай и предпочел бы что покрепче. Эльфийка выбрала ящик какого-то, шепнула, что это лучшее, и тут же скривилась словно съела лимон, принимаясь доказывать продавцу перебор в стоимости "этого пойла для свиней".

Одежда... Как и ожидалось. В глазах рябило от яркости красок всех этих тканей, я ничего не понимал, только смотрел. Надо отдать Сафре должное — она подобрала первым делом два комплекта для меня, похожих на помесь военных мундиров и спортивных костюмов, заставила примерить, и, убедившись, что все нормально, честь обожаемого господина и повелителя спасена, только потом потратила в двадцать раз больше на себя.

Иван на следующий день даже попытался упрекнуть, мол, зачем ты потратил на нее столько деньжищ? Если девать некуда, то мог бы отдать их ему, Ивану.

— Ну так ты же мне х... не сосешь! — Добродушно ответил я. В итоге до конца дня пришлось трижды восстанавливать магией челюсть, а после занятий "дядька" еще очень серьезно сказал, что не стал бы такое делать даже за большие деньги. Подумал и подчеркнул: даже за очень большие!

Так или иначе, но комната приняла жилой вид, эльфийка цедила свое вино и вертелась перед зеркалом в новых тряпках, а я чувствовал себя как кот объевшийся сметаны.

Деньги, правда, закончились. Меня это не волновало совершенно, но, оказалось, что очень беспокоило мою покорную и верную слугу. Ее можно понять, ведь безденежье — урон чести и ущерб достоинству обожаемого господина! А где господин получает деньги? На Арене, где же еще. Но Арена опасное место, где могут не только убить, но и надругаться (она даже не постеснялась привести в доказательство свой собственный пример!), а потому мне было объявлено, что забота о господине — главная задача слуги, а посему отныне и впредь мы будем выступать вместе.

— Наставник, разрешите пару вопросов?

— Валяй.

— Благодарю вас. Первое. Что произойдет, если я не убью противника, а возьму в плен?

И он принесет мне присягу слуги, как Софра?

— То же, что и с ней произошло, — здоровяк пожал широкими плечами, — будет слугой. У тебя все вопросы такие дурацкие?

— Но почему вы не говорили мне это раньше? Я мог бы собрать уже целый отряд!

— А ты не знал?

— Нет.

— Дурак потому что. И я дурак, что забываю о твоей дурусти. Теперь знаешь. Доволен?

— Какие у меня права на слуг? Что я могу, а что не могу относительно их?

— Слуга не раб. Да и нет у нас рабства. Но холоп. Холопство у нас есть.

— А если подробнее?

— Ну что... Холоп он и есть холоп. Можешь приказывать, можешь наказывать. Бить, пороть, в кандалы заковать за непослушание, на хлеб и воду посадить. Убить нельзя. Но наказание, если помрет от побоев, не будет большим. По ситуации все. Как, кто, чего, за что. От конкретной клятвы еще зависит. Ты вон со своей ненормальной такую взял, что она и на тебя может в суд подать запросто.

— Как так?

— А вот так. Думать надо. Но не станет она. Наверное. Видится мне, что расчет у нее на тебя есть. А какой — эльф ее знает. В свое время узнаешь, если доживешь. И, если повезет, даже переживешь.

— А та девченка, что я в бордель сослал сгоряча, она мне кто, тоже холопка?

— Это уже третий вопрос. Нет, не холопка.

— А кто?

— Ох, паря. Вот как с тобой можно серьезно разговаривать, когда ты вопросы словно трехлетний задаешь? Дал бы в морду тебе, да господин маг уверяет, что ты и вправду не знаешь. Какая же она тебе холопка, если она твоя дочь?

— Что?!!

— Чего орешь? Кто же она по-твоему? За ней ведь не было официально никого, ты ее Правду доказал. Отец, стало быть, прав родительских на нее лишился, как и весь их род. Выступала она от себя, но была несовершеннолетняя. Потому тот кто ее Правду отстоял, тот и становится опекуном. Как родитель. Жениться на ней ты отказался, значит как дочь.

— Но я сам ограничен в правах. Я гладиатор!

— Да, не повезло девочке. Но по закону все чисто. И что раз гладиатор? На арене может и свободный выступить, например.

— Как?

— Легко. Не нанимать никого, а лично свою Правду отстоять. Все просто.

— И где она сейчас? В публичном доме?

— Где же ей быть? На приданное копит, как ты сам и указал.

— Я?!

— Ну не я же, — Иван рассердился, — сам послал, а теперь удивляешься. И вообще,

хватит лясы точить. Поднимай копьё и коли давай.

Но Максим был слишком ошеломлен, чтобы немедленно выполнить команду. Он помнил какое неприятие вызвала у него та девченка, но слово "отец" больно резало, вызывая стыд.

— А вернуть ее можно?

Иван заржал.

— Можно, да не нужно. Что ты с ней здесь делать будешь? Растить и воспитывать? Спать с ней тебе нельзя, не по справедливости это. Да и ненавидит тебя она, уверен. Ты ведь ее всего лишил, почитай. Изображать доброго опекуна и ждать ножа в глаз ночами? Зачем искушать напрасно? Так она свое отработает, свое заработает, и, если ты деньги не отберешь, конечно, это можно, это по справедливости, кстати, то придет с приданым, замуж выдашь и забудешь как страшный сон. Эльф твоя тоже вряд ли обрадуется.

Максим задумался. Нападая и защищаясь, он никак не мог отвязаться от чувства неправильности происходящего. В который раз он пообещал себе внимательно, очень внимательно относиться к словам, ибо вокруг него те, для кого слово практически равносильно закону, а иногда и чему-то большему. К такому было привыкнуть сложнее всего. "Это игра, это всего лишь игра" — внутренний адвокат пытался запеть привычную песню, но ожидаемого облегчения не принес. Воспринимать чувствами все как реальность, а разумом как вымысел, становилось с каждым днем все сложнее. Да и что такое реальность и вымысел, думал Максим, я ведь все равно настоящий, что в сказке, что нет. Широким круговым размахом острия он заставил "дядьку" отскочить, затем кувыркнулся вперед и влево, резко разворачиваясь и дергая копьё на себя. Иван с трудом успел подставить собственное, чтобы лезвием ему не пропороло бок.

— Это где же ты так научился, отрок? — Поинтересовался он.

— В кино видел, — буркнул Максим.

Наставник пожал плечами, равнодушно реагируя на непонятное слово, и, крутанув копьё, нанес серию из трех колющих выпадов. Максим дважды отступил, но на третий выпад шагнул вперед, уводя лезвие вверх, и с разворота заряжая древком в челюсть "дядьки". Почти получилось. Иван успел подставить ладонь, но ему пришлось сделать шаг в сторону и отпустить собственное копьё.

— Растешь. Неплохо.

— Учителя хорошие.

— Не зря хлеб едим.

— Кстати, учитель, а где мои деньги?

— Твои деньги? У тебя еще есть деньги?

— Есть. Те что вы собирали тогда со своих друзей. За зрелище. Неужели там нет и моей доли?

— Ты охренел, парень? — От изумления Иван даже замешкался на секунду. Ее хватило Максиму, чтобы коротким движением полоснуть его, отсекая пальцы левой руки. Иван зашипел боли, отскакивая назад. Максим уже делал вид, что обходит со стороны покалеченной руки, "дядька" был вынужден поверить, хоть и предчувствовал подвох. Действительно, парень молниеносным выпадом атаковал опорную ногу под колено. Иван едва не завалился, но устоял. Следующие несколько секунд только огромный опыт и мастерство матерого бойца позволили ему одной рукой отбивать вихрь ударов Максима, но потеря должной подвижности сказала роковым образом. Копьё ученика, направленное с

чудовищной силой, пробило его насквозь вместе с кольчугой, войдя под левую подмышку, и выйдя под правой. Максим выпустил свое копьё из рук, и подхватил копьё наставника. Тот был уже практически мертв, но все еще стоял, словно на упрямстве. Парень отошел на несколько шагов, глядя на содеянное.

— Что, Ваня, репка? — Вырвалось у Максима. Он тяжело дышал, руки начали подрагивать, в голове зашумело. "Не расслабляться!" — шикнул он сам себе, перехватывая копьё поудобнее. Иван бессмысленно глядел перед собой, не в силах пошевелиться даже для того, чтобы упасть. Последнее что он видел, было мелькнувшее лезвие собственного оружия, летящее ему прямо в лицо.

— Что же ты наделал, подонок?

— Не понимаю вас, господин маг. — Максим и не думал скрывать ухмылку.

— Не понимаешь, что убил человека?

— Он разрешил мне. И не раз. Даже настаивал, чтобы я бился в полную силу. Кто я такой, чтобы послушаться?

— Издеваешься. Довольно опрометчиво с твоей стороны.

— Неужели?

— Нарываешься, тварь?

— Что-то вы слишком грубы, учитель. Во-первых, повторю, я сделал лишь то, что мне указали сделать. Если наставник не справился сам, то кто ему доктор? Кстати, разве для вас так сложно осуществить излечение, раз он столь дорог вам?

— Время еще есть. Ты отдашь столько маны, сколько нужно, пусть даже придется изуродовать себе ядро. Ты меня понимаешь, мразь?

— Конечно! — Максим кивнул. Он еще никогда не видел Самуила в таком состоянии. Лицо мага побелело и словно застыло, превратившись в какую-то безжизненную маску. Голос его звучал глухо, негромко, с нотками омерзения и какой-то усталости, будто у человека смертельно уставшего скрывать свое истинное отношение.

— И если он не восстановится, то наказание будет суровым. Поверь мне.

— Верю, господин маг, верю. И вы поверьте — восстановится, непременно восстановится. Буквально встанет и пойдет. Как новенький. Я постараюсь. Правда, есть еще и во-вторых.

— Что? Самуил посмотрел на Максима с выражением невыносимой гадливости, как на что-то совершенно отвратительное.

— Есть во-вторых, учитель, — парень и не думал отворачиваться. Напротив, он чувствовал в себе прилив сил и небывалую решимость, как человек делающий сложный выбор, и уже внутренне знающий какой именно сделает. — Я обязан вам подчиняться. Но не обязан сносить оскорбления.

— Оскорбления? И что? Самуил немного опомнился, но по-прежнему смотрел на парня как на отвратительное насекомое.

— То, мой дорогой наставник, — Максим обрел совершенную безмятежность, которая не очень сочеталась с той торжественностью, что он старался придать голосу — что за вашу грубость, вашу наглость, ваше хамство, вашу завышенную самооценку, ваши слова, взгляды и жесты, я, маг, гладиатор, именуемый Кровавым Гарри, вызываю вас на поединок до конца. И да рассудит нас наша мать Магия.

Самуил опешил. По мере того как Максим говорил, казалось он не верит собственным

ушам. Парень всегда был своенравен, но в меру, по сути — послушен. И вот такое. Он серьезно? "Бунт давят сразу", — подумал маг, — "придется устроить показательную порку. Это нужно для его же блага".

— Поединок? Ты? Меня? Наивный юноша, что вы о себе возомнили? — Сейчас он был подчеркнутым воплощением насмешливой вежливости. — Вы думаете, что я постесняюсь покалечить, а то и прикончить столь ценный материал вроде вас, как вы, видимо, о себе представляете? Так знайте же, что гордыня стубила огромное число подобных вам наглецов. Вы сильны голой силой, и она бьет вам в голову, не иначе, — маг театрально всплеснул руками, — но магия не дубина, магия — искусство. А вы все еще очень далеки от восстановления до вашего прежнего предполагаемого уровня. И бой с вами для меня — легкая прогулка.

— Вот и посмотрим. Максиму действительно было все равно. — Вы лечить-то своего друга собираетесь? А то и впрямь покинет нас Иванушка. Я буду скучать.

— Вливай ману.

— И не подумая. Опустошить себя перед тем как указать вам на ваши заблуждения? Увольте. Потом — может быть. Я ведь не обещал ничего, только подтвердил, что понял вашу мысль. Не более.

— Так это твой план? — В голосе Самуила вновь прорезалось презрение. — Надеетесь, что я буду магически истощен перед поединком? О да, я принимаю ваш вызов, не сомневайтесь. Давно пора преподать вам настоящий урок.

— Преподайте. Это ведь ваша работа.

— Но вы забылись, мой мятежный ученик. Влить ману в покалеченного вами человека не просьба, а приказ. И вы обязаны его выполнить. Это в ваших же интересах. Магия, знаете ли, не любит уклоняющихся от обязанностей, и чем больше человек ею владеет, чем больше она доверилась ему, тем больше не любит.

— Это вы забываетесь, мой глупый учитель. Разве приняв мой вызов вы не выделили нас временно из текущих правил? До конца поединка (и вашего) вы не можете мне ни приказывать, ни указывать.

Самуил похолодел. Он понял.

— Так это она тебя подучила! — Воскликнул маг, осененный догадкой. — Твоя эльфийка! Как же я сразу не сообразил. Действительно старею. Это все целиком ее план?! Да, парень, снимаю все вопросы. С доверившимся нелюди говорить не о чем. И что же она хочет?

— Вас. — При одном упоминании девушки, Максим испытал облегчение и радость. — Вы вот ее не любите, а она довольно высоко вас оценила, как и Ивана. Потому — мы решили, что логично вас обоих взять в свой отряд.

— Отряд? — У Самуила на лбу выступили капли пота, ему казалось, что он бредит, столь немыслимое говорил сейчас вальяжно стоящий перед ним парень. Но реальность не отступала.

— Отряд, — весело подтвердил Максим, — так же как и ее. Я одолею вас, мастер, но постараюсь сохранить вам жизнь в обмен на службу. Как вам такой вариант? Мне до смерти надоело терпеть ваше мнимое превосходство. Сильный подчиняет слабого, а не служит ему, такова жизнь. Вы здесь не от себя, понимаю, вы здесь от государства. Но вы перешли границы дозволенного и любой суд признает мою правоту и право на действие. Так что я вас позаимствую у государства, вы будете мне служить или умрете. А государство... Государство

не обеднеет. Пришлют нового мага, только и всего. Ну что, мой кучерявый недруг, сразимся? Моя Правда против вашей, что может быть проще?

Самуил молчал так долго, что Максиму надоело.

— Вызов сделан и принят, не так ли, мой пока еще учитель? Как все правильно обставить я доверяю вам, даже спорить не собираюсь с вашим великим опытом. Сегодня? Сейчас? Завтра? Мне все равно, я готов.

— Ты пожалеешь, Максим. Это не угроза, лишь факт. А что до правил, они и впрямь не сложные. Я вызову смотрящего за соблюдением Справедливости, он будет здесь через час или два. Сегодня. Тянуть не имеет смысла. Но что ты поставишь на кон? Жизнь — слишком просто. Ты верно думаешь, что рискуешь лишь ей и потому так смел. Юность безбашена, а вам нет еще и тридцати. Пан или пропал. Сколько костей подобных юнцов гниют в земле? Но всякий думает, что уж ему-то повезет. Я даже пожелаю вам удачи. Готовьтесь. И знайте — после того как я размажу вас, хоронить будет нечего. Но будет что забрать. Вашу эльфийку. Не приходило в вашу пустую голову, что она вас обманывает, играет вами, скажите?

— Пусть, женщинам свойственно лукавство. Разве не за это, в том числе, мы их и любим?

Самуил отпрянул. Это уже не лезло ни в какие ворота. Парня надо было спасти, и он мучительно искал выход из ситуации. Мысленно маг ругал себя последними словами за то, что упустил и не заметил изменений в ученике. От последних же слов ему попросту стало страшно, как бывает страшно когда на твоих глазах сильный зверь рвет и пожирает другого человека, а ты лишь беспомощно смотришь на это, не в силах вырвать жертву из пасти, чтобы не рискнуть жизнью самому.

— Вы сошли с ума. Лукавство. Любовь. Женщины. Она эльфийка, Максим, эльфийка. Не женщина. Не человек. Она враг-искуситель. И для меня не будет более наглядного урока, чем вспоминать потом, что она сделала с вами. Вы никогда не сможете знать ее планы, поскольку знание подразумевает понимание, а понять нелюдь — нетривиальная задача, и уж вовсе невозможная, если самому при этом остаться человеком. Вы победите меня, давайте представим на минуту невозможное, пофантазируем. И что же? Ее план исполнится, поздравляю. Но представьте, что вы проиграете, что же тогда? Она станет моей слугой, а не вашей. Моей. По закону. И не думали ли вы, что именно в этом может состоять ее план, мой глупый и наивный ученик? Вы победили — ее план сработал. Вы проиграли — ее план сработал. Очень по-эльфийски.

Максим понял, что пропустил удар.

— А что у вас мне можно будет взять в наследство, если я вас все-таки прикончу?

— Ага. Начали понимать. Поздравляю. Возьмете мой посох, хотя, на вашем месте, я все же думал бы о другом.

— Я думаю о том как и когда вы будете лечить Ивана. Согласитесь, было бы куда логичнее, если бы об этом думали вы.

— Никак и никогда, юноша. Вы не оставили мне выбора. Ему осталось минут десять, дольше все, магия не поможет. Я вынужден принести друга в жертву. В жертву вам, хоть вы и не осознаете. И это не добавит к вам симпатий, когда мы начнем физически решать навязанный вами вопрос.

— Моя вина? — Удивился Максим. — В чем? В том, что друг думает прежде всего о себе, а лишь после о друге? Нет, увольте. Вы можете высмеивать мою глупость сколь хотите преувеличенно, но не вешайте на меня свою трусость.

— Вы прекрасно все понимаете и напрасно пытаетесь меня вывести из себя. Теперь, когда я все понял, для вас это стало достаточно затруднительным. На серьезно больных не обижаются, а вы, Максим, очень больны. Она спалила вас как огонь сухой. И ответит за это, можете мне в этом поверить.

— Знаете, Самуил, в чем ваша проблема? Вы не верите в людей. А это значит — не верите и в себя. Потому проиграете. Вы и сейчас боитесь, ведь ваше "понимание", как и ваше спокойствие — ложь. Боитесь чего? Задумайтесь. Предать друга, если он действительно вам друг, и этой ценой победить — не лучшая идея. Друзья предают, такое бывает. Но друзей не предают. Смотрите.

В порыве странного наития, Максим вытянул руку к неподвижно лежащему телу Ивана и скастовал "восстановление тела", простое, но энергоемкое заклинание. Магия пошла сильным и ровным потоком, напитывая маной почти умершего наставника. Максим любил наглядность. Копья, пронзавшие Ивана, треснули и вышли из него дроблеными обрубками. Само тело задрожало слегка выгибаясь. Максим не ослаблял напора, буквально вколачивая в него ману, добиваясь полного излечения, даже когда понял, что "дядька" уже не умрет. Страшная дыра на лице затянулась на глазах, Иван задышал, руки машинально зашарили по песку, глаза открылись. Последним аккордом Максим погрузил его в сон.

— Чтобы не мешал и не пришлось объяснять, — пояснил он магу, — это ведь ваш друг, потрудитесь взять на себя хоть это. Я же немного отдохну с вашего позволения, как будет все готово — позовете. Максим повернулся и пошел в свою "камеру". Ему казалось очень важным увидеть сейчас эльфийку и посмотреть ей в глаза.

— Ну и дурак! — крикнул ему в спину Самуил. — Круглый дурак. И так не имел шанса, а теперь.... Но спасибо, это развязывает мне руки. Впрочем, может ты еще имеешь что сказать, мой болтливый бывший ученик? — Самуил, надо отдать ему должное, чувствовал себя так, словно гора свалилась с плеч, ну, или часть горы. Даже дышать стало легче. "Иван жив. Хвала Матери. Половина дела сделана. Но как же так я ошибся?"

— Я твою маму в рот е.....л. Только это.

Максим и сам понимал, что поддается под воздействием эльфийки, но не то что не мог, не хотел тому противодействовать. Как и положено качественному подкаблучнику, таковым он себя не считал. Что с того, что она взяла в свои руки все его средства? Не ему же заниматься бытовыми мелочами, не правда ли? Баба должна знать свое место, и очень хорошо, что она его знает и не лезет в мужские дела. Какие именно у него есть "мужские дела", если не считать таковыми тренировки, Максим и сам бы не сказал, но что подруга в них не лезет — был вполне уверен. Тем более она слуга официальная, что часто и охотно подтверждала словом и делом, радуя самолюбие. А траты на шмотки — так то такое. Женское. Разве не стоят эти тряпки ее сияющих манящих глаз?

Когда он вошел в комнату, освещаемую новыми канделябрами (бронза!) с недешевыми свечами, и увидел свою "верную служанку", сидящую поджав ноги на кровати, когда в который уже раз почувствовал как тонет в ее глазах, смотрящих робко и тревожно, словно с затаенной надеждой, раздражение мгновенно улетучилось.

Эльфийка с кошачьей грацией соскользнула на пол (паркет!), одним длинным плавным движением оказываясь рядом с Максимом, и, упав на колени, поцеловала его руку.

— Мой господин, Кровавый Гарри, я все подслушала. Вы самый благородный человек на свете, и я благодарю свою судьбу служить вам, — мелодично пропел ее голос.

Максим засмеялся. Эльфийка упорно звала его "Кровавым Гарри", с непременным придыханием. Сокращение имени в ее исполнении звучало как "Кровавый", что немного смущало, и не будь она столь мила, столь наглядно самоотверженна, то могло и раздражать. Потакание милым слабостям служило дополнительной подпоркой под официальным его положением "главы и хозяина", ничего нового.

— Мне надо отдохнуть, милая, — Максим ласково потрепал ее по голове, — мне надо поспать хотя бы полчаса.

— Я все поняла — улыбнулась Сафра, — вы уснете и будете спать очень глубоко, мой господин. Я вам спою.

Господин довольно кивнул и улегся на кровати не раздеваясь. Эльфийка легко запрыгнула рядом и обвила руками его голову. Пение в ее исполнении нельзя было назвать пением в привычном Максиму смысле. Скорее это было похоже на ласковое воркование неведомыми словами ему над ухом. Но действовало безотказно — не прошло и одной минуты, как парень погрузился действительно в глубокий сон.

Эльфийка продолжала напевать, легонько перебирая пальцами волосы господина. Ровно через полчаса, она дунула Максиму в лицо и тот открыл глаза.

— Мой господин, время.

— А? Что? Уже звали? Проспали? — Максиму казалось, что он спал часов десять.

— Нет, господин. Вы просили разбудить вас через полчаса и вот это время вышло.

Максим подумал как у нее получается делать простейшие вещи с таким удивительным очарованием. Эльфийка едва заметно нахмурилась, легкая тень тревоги пробежала по ее лицу, и, изобразив некую пантомиму внутренней борьбы, обратилась к нему с немым вопросом в глазах.

— Что? — Решил уточнить Максим.

— Я не знаю как сказать вам, господин, о своей дерзости.

— Дерзости?

— Когда вы спали, вы выглядели так прекрасно, господин мой Кровавый Гарри, что я сама не заметила как вплела несколько своих лент в ваши прекрасные волосы. Простите меня.

— Лент? — Удивился Максим, разглядывая изображающую раскаяние девушку. — А это... Не слишком по-женски?

— Что вы, господин! — Она всплеснула руками. — Ленты в волосах признак мужественности! Только самые лучшие из мужчин имеют право носить их.

Максим поднялся и подошел к зеркалу. Ступая но теплому полу, он опять подумал какая молодец эта девушка. Собственный вид не принес никаких неприятных сюрпризов, чего он опасался. В отражении на него смотрел высокий, худой, но уверенный в себе парень с волосами до плеч. Лент оказалось больше десятка, но вплетены они были столь мастерски, что и правда в его виде не было ничего "девчачьего".

— Пускай. — Максим пожал плечами. — Я не против.

— Благодарю вас, мой господин Кровавый Гарри, — служанка вновь оказалась рядом и прильнула к руке. — Кстати, а вы уже продумали свой план на поединок?

— Нет, а нужно?

— Еще бы! Ведь ваш противник маг, и маг опытный. Драться с таким не имея плана — обрекать себя на поражение, что погубит и вас и меня, как вашу верную слугу!

— Ну а что бы ты предложила? — Максим привык, что просто так она не говорит ничего, наверняка уже что-то продумала, и потому спросил прямо.

— Если господин мой позволит своей недостойной слуге... То я бы обратила внимание на не лучшую выносливость противника. Его посох — могучий артефакт. Он бережет ману, концентрирует удары, облегчает атаки. Но он же приучает к тому, что бои длятся быстро. Нельзя дать ему напасть на вас первым, самым сильным ударом. Нападите сами, ошеломите его! После — глухая оборона. Отбивайтесь всем чем можете. Даже не так. Не отбивайте, а сбивайте его атаки, путайте их. Когда почувствуете, что немного проседает — бейте всей силой, не давайте пересобраться.

— Ты мой стратег! — Макс нежно обнял эльфийку и сжал покрепче, так что девушка тихонько пискнула. В принципе план был неплох, своего к тому же не было вовсе, а потому — почему бы и нет?

В дверь трижды настойчиво постучали. Это был вызов. Время пришло. Макс поцеловал девушку в лоб и вышел наружу.

Сперва он даже не узнал площадку, или, вернее, в данный момент Арену. Вся она была обнесена металлической сетью, примерно по грудь высотой, а песок стал непривычно красного цвета. Посреди нее стояли два чем-то похожих мага. В одном из них Максим узнал Самула, имевшего грозный и постаревший вид, другой был незнаком. Догадаться, впрочем, было легко, в крепком мужчине лет сорока на вид, с жилистыми руками, подтянутой фигурой и мрачным взглядом узнавался тот самый "смотрящий", вызванный Самуилом. Посоха у него не было, но от всего его вида тянуло мощью, и будь у них дуэль, а Максим зритель, то не поставил бы на своего наставника и фартинга.

— Ты Кровавый Гарри?

— Я. — С достоинством ответил Максим.

— Маг?

— Увы.

— Почему "увы"?

— Потому что мне нельзя терять концентрацию. А иногда очень хочется.

— Ты вызвал на поединок учителя. Причина?

— Оскорбление. Многократное.

— Извинись.

— Нет.

— Причина?

— Мне нужна его голова, посох и одежда.

— Честь, слава и добыча.

Маг задумался.

— Мне кажется, что он непримирим, — обратился он к Самуилу, — вызов принят?

— Да.

— Причина? Вы не равны по статусу, и в отказе не будет урона чести.

— Я должен его спасти.

— Благородство и долг. Принято. Значит так, — продолжал он обращаясь уже к обоим, — формула стандартная. Две Правды. Правда Ученика, он оскорблен и жаждет доказать, что превосходит учителя. Правда Учителя, воспитать нерадивого ученика. Я мог бы сказать много больше, но вам это не нужно. Разрешено все. Я удаляюсь. Да рассудит вас мать наша Магия.

Он развернулся и пружинящими шагами отошел к окружающей Арену сети.

— Начинайте.

Несколько секунд ничего не происходило, дуэлянты просто смотрели друг на друга, будто прощаясь. Потом Самуил со вздохом взялся за свой посох обеими руками.

— Прости, Максим, — виновато произнес он, — это действительно моя вина. И я же должен все исправить.

Максим плюнул, подправив плевок магией прямо в глаз оппоненту. Угрозы в том не было, и защита пропустила "удар". Этот прием показал ему однажды Иван, который, впрочем, обошелся без всякой магии. Самуил отшатнулся от неожиданности. Максим шагнул на него и изо всех сил ударил ногой по посоху. Тот недовольно загудел, камень в его наверхии засветился ярче, а Самуил, опомнившись, волной спрессованного воздуха отбросил от себя безумного наглеца.

Первый раз в своей жизни, что прошлой, что нынешней, Максим дрался так как сейчас. Возможно, дело было том, что и подобного воодушевления он никогда ранее не испытывал. На кон было поставлено решительно все, он понимал это, но понимание не сковывало, а, напротив, раскрепощало. Если бы он мог остановиться и задуматься, постараться подыскать определение, то указал бы что-то вроде как "последний бой" или "последняя песня", возможно даже "когда я все равно уже умер". Но он не мог остановиться, а потому просто чувствовал радость от собственных действий, наслаждался риском, ловил какое-то наитие, позволяющее угадывать действия противника в самом их начале. В некий момент ему даже показалось, словно он смотрит сам на себя со стороны, отчего его тело действует еще более экономно и четко. Максим уходил от захватов, уклонялся от "узких" атак, или парировал их, разрушая, а от "широких", бьющих по площадям, выставлял защиту тела, накачивая маной так, что оставался невредим. Обилие маны удивляло и радовало его, недавно совсем истощенного, и поражало Самуила. Максим догадался, что без эльфийки здесь не обошлось,

а раз так — значит она действительно верна ему. Эта мысль заставила его рассмеяться от странного счастья, и он даже попробовал перейти в атаку.

Самуил был очень удивлен и озадачен. Ученик показывал уровень боя, которого никак не должен был показать. Не мог же он притворяться столь искусно ранее? Ученик действовал так, словно опытный не только дуэлянт, но и воин прошедший десятки коллективных схваток. Самуил и сам имел большой опыт, но от непрерывного каскада маленьких и неприятных уловок, буквально терялся, тем более что ученику они практически не стоили ничего. Ударив "огненной ладонью", то есть накрыв напалмом территорию в треть площадки, Самуил надеялся, что хотя бы притормозит перемещения юного мага, но тот умудрился показать в ответ изумительную работу с песком, в мгновение соорудив полноценную, в рост, траншею, выходящую за пределы площади действия заклинания, и, выскочив там, явно в насмешку, метнул снежок.

"Он хочет вывести меня из себя, отлично его понимаю. Но что же делать? Убивать неправильно. Паршивец сделал все так, что это станет моим поражением, а не победой. Поймать и показательно отшлепать. Но как поймать его не навредив фатально"?

Вскоре, однако, удивительная прыть Максима навела противника на мысль, что можно и не стесняться, ведь с тем уровнем боя, что доступен ученику, его не прибить и атаками посильнее, а вот заставить расходовать себя посерьезнее — можно. Самуил перестал сдерживаться и на почти полную мощь задействовал характеристики своего посоха. Ученику поплохело практически сразу.

Максим свирепел. От его удивительно волшебного состояния так быстро не осталось и следа! Когда он, следуя плану Сафры, думал уже решительно наступать, считая, что Самуил подвыдохся, так тот стал наносить удары чудовищные.

От воздушного пресса легко отбиться не получалось. Самуил очевидно решил показать, что тоже умеет насмехаться и, раз за разом поднимая посох, гвоздил по всей площади заклинанием из любимой у Максима стихии. Хуже было то, что одновременно с прессом, лишившего его прежней подвижности, маг начал метать ледяные лезвия, способные разрубить ученика пополам. Причем, контролировать их маг не мог, что тоже намекало о завершении шуток.

Максим попытался защититься воздушными воронками, всасывающими и ломающими пресс, в сочетании с переходом в ближний бой. "Лучше придерживаться плохого плана, чем никакого", — подумал он, бросаясь к Самуилу в момент когда давление отступило. Самым простым и надежным, что ему пришло в голову, были те же воздушные мечи, из спрессованного волей и маной воздуха, и которыми можно было разрубить и доспех при умении. Неожиданно для него Самуил не попытался отступить, а принял бой.

Посох порхал в его руках как невесомая тростинка, он легко парировал наскоки ученика, изматывая его, и добиваясь осознания недостатка своего мастерства. Максим осознал. Теперь он понял, почему после палок и мечей Иван перешел на обучение копьями. Это было начало подготовки для владения посохом, то есть подготавливалось то, что он, Максим, его получит! Обида на свою глупость трансформировалась в еще большую ненависть к учителю и акцентуализации на посохе. "Это не я проигрываю, это все чертов посох", — думал Максим распаяясь, — "это просто нечестно, когда один вооружен усилителем магии, а другой нет". Самуил же, понимая и чувствуя состояние противника, прибавил в натиске.

Жесточайшая боль поразила Максима, когда проклятый посох, описав великолепную

восьмерку, раздробил ему левое плечо. Он взревел от боли и ярости, купирюя поврежденное место, понимая уже, что ошибся, что бросок на ближний бой был осознанно спровоцирован Самуилом, чтобы совсем уж наглядно показать ученику кто есть кто. Теперь же его просто избивали. Самуил ускорился до какого-то невероятного уровня, абсолютно лишая Максима шансов достать его. Следующий пропущенный удар раздробил правое колено. Ученик не упал лишь потому, что отказался падать, чудовищным усилием воли устояв на одной ноге. В глазах его, однако, кроме непреклонности было и отчаяние и маг решил, что пришло время начинать переговоры.

— Как вы себя чувствуете, ученик? — Самуил дышал тяжело и часто. Поединок стал серьезным испытанием и для него. — Признаюсь, вы меня по-настоящему удивили, юноша. Да, считал вас намного слабее. Но все же... Все же вы не готовы. Не пора ли нам убрать ложную гордость куда подальше и заняться тем, чем мы и должны, а именно развитием вашей личности, мой юный друг?

Максим молчал, собирая силы для последней атаки. Он был настолько истощен, что даже не соображал, что не маскирует свои замыслы. Самуил невесело усмехнулся и продолжил:

— Да, воли и решимости вам не занимать. Но все же... Неужели мне придется сломать вам что-то еще, чтобы вы признали неудачу? Поймите, я не садист.

— Я твою маму... — Разлепил губы Максим. Закончить фразу ему не дали. Самуил не сердился, но он видел, что таким образом ученик хочет отвлечь его от атаки, и предупредил его, мощным коротким ударом раздробив плечо и правой руки. Та повисла беспомощной плетью. Максим заплакал.

— Ты плачешь. И это хорошо. Нелюдь не плачет никогда. Никто еще не видел слез эльфа, например. Значит ты еще человек, только околдованный. Но колдовство можно развеять. Я помогу. И в третий раз повторяю — в произошедшем моя вина. Но мы все исправим, только доверься мне. Один я не справлюсь, парень. Помоги мне.

Максим молчал.

— Говорят, что признание проблемы есть первый шаг к ее решению. Я признаю. Но признай же и ты, не унижай меня, Максим. Скажи лишь "я признаю поражение" и ничего не закончится, только начнется. Уже через неделю мы будем со смехом вспоминать об этом недоразумении. Ну, Максим?

Тот прошептал что-то неразборчивое.

— Прости, я не расслышал.

— Я не упал. — Громче произнес ученик. Вид его был по-настоящему жалок, даже неприятен, хотелось уйти куда-то от него подальше и выпить воды, но Самуил понимал, что дожимать надо сразу, сейчас, иначе будет неизбежен рецидив.

"Это для твоего же блага, — подумал маг перехватывая поудобнее посох — потом сам мне спасибо скажешь".

Последующий удар раздробил второе колено Максима, и тот упал на спину. Состояние его было кошмарно, магии он практически не ощущал, но была боль, ужасная боль. Самуил же возвышелся над ним как рок, неотвратимая воля, превосходящая его, Максима, волю.

— Ну вот он я! Чего ты хочешь? — Маг возвысил голос. — Что ты можешь? Вот я, стою над тобой переломанным. Ты хотел мой посох? Бери его! — Самуил отшвырнул посох. — Хотел мою голову? Возьми если можешь. Я не прикрыт ничем, на мне нет защиты. Бери. Что же ты? Неужели ты действительно труслив настолько, что не можешь признать очевидное?

Трудно кастовать без рук, понимаю. Трудно магичить, когда вся мана растрочена, я понимаю и это. Что же ты можешь? Чем ты нанесешь мне удар? Как ты нанесешь мне удар? Какой конечностью? Неужели тебе недостаточно боли? Что еще ты хочешь заставить сделать меня, чтобы ты соизволил прислушаться? Твоя жизнь полностью в моих руках, но я не хочу убивать тебя. Я. Действительно. Хочу. Тебе. Помочь. Нужно лишь, чтобы морок спал с глаз твоих. Немножечко разума. Хоть капельку смирения. Неужели это настолько сложно?! Нелюдь воспользовалась твоим одиночеством, твоей неопытностью, твоим желанием любви. И где она, когда тебе так нужна помощь? Неужели ты не знал, что вы могли выйти вдвоем? Или это не пришло тебе в голову, потому что она не сказала? Толку от нее может вышло бы и немного, но сам факт. И здесь ты один, лежишь и мечтаешь о смерти. За что?

Максим молчал. Боль в сломанных костях грызла его, но он почти не замечал ее, подавленный куда большей душевной болью поражения. Что делать он не знал и действительно надеялся лишь умереть сейчас каким-нибудь чудом. Чудо смерти не приходило. Однако, он вдруг почувствовал, что его волосы шевелятся. Ленты, вплетенные эльфийкой, буквально ожили. Маленькими змейками они сползли с его волос за шиворот, под одежду, и продолжили свой путь дальше, проникая уже в штаны, где нашли свою цель, единственную неповрежденную конечность и неучтенную Самуилом. Оплетаясь вокруг, ленты "оживили ее". Невероятно, но Максим ощутил в этом месте не просто наличие, а концентрацию магии, и, что совсем его поразило, так это понимание, что он способен ею управлять.

— Вы ошиблись, учитель, — прошептал Максим, — я не один. И отпустил силу.

Короткий и мощный выплеск маны из члена ученика поразил разглагольствующего учителя прямо в солнечное сплетение. Тот замер, неверяще и широко раскрыл глаза, после чего покачнулся и умер еще не упав на песок.

С посохом возникли проблемы. Он попросту не слушался. Едва Максим восстановился от травм, так сразу потребовал свой трофей. Эльфийка недовольно вздыхала, но подала искомое, которое уже было использовано в качестве вешалки для ее тряпок.

Сперва все было нормально, Максим долго любовался орудием, гладил идеально отполированную поверхность неизвестного ему дерева, заморожено смотрел на огромный продолговатый изумруд, бывший главным накопителем маны, взвешивал посох в руках, осторожно крутил его.

Идилия закончилась при первой попытке колдовать. Самое простенькое заклинание "Свет" привело к неожиданному эффекту. Вместо того, чтобы ярко засиять, разгоняя комнатный полумрак, камень только мигнул пробежавшим по нему зеленый светом и погас. Максим попробовал еще раз. И еще. Посох не то что не усиливал его магию, а только жрал ману не выдавая ничего в ответ.

Тогда Максим усилил подачу маны, делая ее потоковой, чтобы у артефакта не оставалось иного выбора, как выполнить команду. Посох за несколько секунд нагрелся так, что парень выронил его из рук. А вот магия воды получилась, только тоже не совсем как нужно. Вместо того, чтобы аккуратно наполнить стакан прохладной водой, артефакт шарахнул струей как из брандспойнта, снося все находящееся на столе, и задержался так, что удержать его в руках удалось лишь большими усилиями.

Это было неправильно.

Максим задумался. Он уже достаточно привык к существованию магии, чтобы перестать воспринимать ее как абстрактное волшебство. Да и сочетание того что он может с тем что не может наводило на мысли. Привычный материализм мешал вовсе не задумываться, и, понемногу, кое-что у него накопилось. На текущий момент он склонялся к тому, что магия сугубо материальна, нечто вроде высших технологий, пользоваться которыми могут лишь способные ее, эту технологию, проводить. Потому он так и жаждал обладать посохом, артефактом должным усилить его способности как проводника. Но почему-то они не срабатывались. "Нет контакта", — думал Максим, — "почему? Что я делаю не так? И вообще, можно ли пользоваться чужими артефактами? Может здесь стоит подобие пароля, как компьютерах? Но какие-то действия посох ведь совершает, значит аналогия с паролем неверна. Чем отличаются маги друг от друга? Силой. А на чем она основана? Умения, знания... у каждого свое ядро. Ядро!" — он почувствовал, что нащупывает путь к правильному ответу и сосредоточился еще больше.

Спустя некоторое время, он обратился к эльфийке, все это время недовольно устранявшей следы учиненного разгрома.

— Сафра, милая, ты ведь знаешь в чем дело?

— Мой господин невероятно умен.

— Да. Понимаю. Как эвфемизм слова "дурак". И что же ты не подскажешь?

— Кто я такая, чтобы мешать господину заливать водой мои новые платья?

— Не сердись, — Максим рассмеялся видя ее надутый вид, — купим тебе новых тряпок.

— Мой господин невероятно...

— Так что же мне делать, чтобы посох стал слушаться?

Сафра помолчала, что-то прикидывая, потом отвернулась и бросила одно слово:

— Кровь.

— Что — кровь?

— Если мой господин впитает в посох свою кровь, то посох станет послушнее.

— Сколько крови? Куда? На камень или рукоять? В господине пробудилась деловитость.

Эльфийка, изобразив обреченный вздох, подошла к господину, выдергивая из волос булавку. Один укол — и Максим увидел на своем указательном пальце капельку крови.

— И все? — Удивился он, берясь за посох. Там, где место укола соприкоснулось с древком, палец пронзила резкая боль, сходная с ударом тока, но почти сразу прекратилась. Максим отнял руку, никаких следов ранки уже не было. "Ну хорошо, попробуем".

Посох действительно перестал чудить, но радость оказалась недолгой. Артефакт работал, это было хорошо. Работал он плохо и это было нехорошо. По прикидкам Максима, с помощью посоха заклинания выходили приблизительно вдвое сильнее чем без него, что было неплохо, но недостаточно. Макс ожидал усиления на порядок, чего не было и в помине.

— Время, мой господин, время. Магические предметы не обладают разумом, но способны подстраиваться под того кто их использует, — эльфийка поняла недовольство хозяина и поспешила объяснить, — каждый маг уникален, со своим почерком и особенностями, любой артефакт с которым работает маг перенимает его нюансы. Потому, чем больше и дольше маг использует его, тем лучше и проще ему с ним работать. Но если сменить владельца, то артефакт начинает все заного, потому вам кажется, будто он плохо работает. Но это не так. Посох признал вас, принял вашу кровь, и отныне он будет становиться все лучше и удобнее для вас. Со временем вам удастся добиться от него нужных вам характеристик, не сомневайтесь.

— Ну, если так... - отозвался Максим с сомнением, — а откуда ты это знаешь, эльфы все-таки владеют магией?

— Нет, мой господин Кровавый Гарри, у нас нет магического ядра. И сами ни производить, ни собирать ману мы не способны. Но, и это одно из двух наших отличий от людей, мы можем использовать ману собранную кем-то другим, даже природой, и направлять ее куда нам захочется.

— И куда же вы ее любите направлять? — Максим покраснел, вспомнив гибель Самуила. — И каким образом?

— На себя, на вещи, на других. Можно укрепить себе кости, мышцы, стать сильнее, ловчее, улучшить зрение, реакцию. Каждый эльф отличается от других, ведь у всех свой путь. Можно уловить ману и спрятать ее в камень, металл, дерево или ткань. Маленькие артефакты, — Сафра улыбнулась, — у взрослого эльфа их много. Но только маги могут создавать поистине могущественные вещи, маги... а мы лишь питаемся крошками.

— За что же вас так люди не любят?

— За это и не любят. За то что мы лучше людей. Сильнее, дольше живем, справляемся с болезнями, когда людям приходится просить магов, за то что способны использовать магию.

— Но ведь маги тоже лучше людей во всем этом, и много больше.

— Но вы правите людьми, а мы нет. Вас ненавидят, но страх опасно проявлять. А против нас можно.

— А еще вы едите людей, — вспомнил Максим, — это правда?

Эльфийка фыркнула.

— Так проще забрать у человека ману, только и всего.

— Какую еще ману, если у людей ее нет?

— Мана есть у всех людей, мой добрейший и наимудрейший господин, — насмешливо пропела девушка, — только у простого человека ее так мало, что использовать он ее не способен, к тому же и ядра нет. Небольшое количество есть всегда, вокруг сердца.

Это было что-то новое. Максим понял, что нащупал что-то интересное.

— Так значит мана есть у всех людей, — повторил он, — но только у магов есть ядро.

— Разве маги являются людьми?

— А кем же они являются?

— Магами.

— Это все эльфы так считают? — Уточнил улыбаясь Максим. — Или лишь те, кто являются наивернейшими и покорнейшими слугами, и не желающие прислуживать каким-то людишкам?

— Разумеется все.

— Но разница лишь в наличии магического ядра!

— Этого мало? Вообще-то это "лишь" несколько велико, вы не находите, мой наблюдательнейший господин и повелитель?

— Ну...так-то да... Но если в семье обычного человека родится маг, то получается, по-вашему, что родители и дитя разных видов? — Максим блеснул несокрушимой логикой.

Эльфийка замолчала, внимательно разглядывая господина, словно он сам был очень редким и интересным артефактом. Она уже привыкла к странности потери части памяти (маг такой силы что-то не помнит? Невозможно!), но Максим не переставал ее удивлять.

— Простите, господин, — наконец произнесла она необычайно даже для нее нежным голосом, от чего ее могучий повелитель почувствовал прилив крови не к той голове, — но ваша глупейшая и слабоумная слуга оказалась не в состоянии уловить вашу мысль.

— Я говорю, — повторил Максим, сам едва не мурлыкая, — что если в семье обычных людей родится маг, то получится, что он и его родители представители разных видов, если следовать вашей логике. А это противоречит природе.

— Но, мой добрый господин, — несколько неуверенно произнесла эльфийка, — то что вы говорите решительно невозможно. Никогда, никогда не было ничего подобного, ни одного случая. От людей рождаются люди, от магов рождаются маги. Иное совершенно исключено.

Если бы она при этом объявила, что является мужчиной, Максим бы не был ошарашен больше. Это был шок. Несколько минут парень просто "втыкал" в полученную новость. Затем вскочил и, схватившись за голову, стал мерять комнату шагами. Это казалось таким простым и таким неожиданным! Люди и маги — разные виды! Это меняло все накопленные представления об этом мире. Разные виды, и представители одного из них несопоставимо сильнее другого, который, в свою очередь, несравненно более многочислен! И маги правят людьми! Дворянство — другой биологический вид!! Как же относятся к этому люди, которые и эльфов, магически сравнительно слабосильных, ненавидят лютой ненавистью? Голова шла кругом. Максим вдруг понял, что он не один из миллионов муравьев, а что-то большее, потому много более заметное. Да, приятно было осознавать свою исключительность как мага, но знать, что здесь нет места случая, и он попросту не человек — было жутковато.

— А дети, — угрюмо спросил он, дети между людьми и магами возможны?

— Возможны, — эльфийка с любопытством наблюдала за его метаниями, — но для рождения мага необходимо, чтобы оба родителя являлись магами. Полукровка не сможет получить ядро, и будет чем-то странным. Детей у полукровок не бывает уже ни с кем, так что внуков не дожидаться никому.

— Как лигры и тигрольвы, — пробормотал Максим, — так значит разные виды. Но разные виды — разная мораль. Погоди-ка, ты сказала что у людей все же есть мана, — цеплялся за соломинку Максим, — немного, но есть!

— Есть, ну и что? Она и у неразумных животных есть.

— Люди не животные!

— Все считают себя исключительными, — фыркнула эльф, — люди не исключение. Пользы им это не приносит, но воображать о себе не мешает. А по мне так вполне животные. Вкусненькие.

— Ты действительно ела людей? — Максим почувствовал отвращение.

— Да, а почему нет? Нет, договор я не нарушала, — поспешно уточнила девушка, — но ведь бывают особые обстоятельства. Самозащита, например, когда очередная шайка людей решает перебить поселение эльфов, то вероятность быть лишенным маны отпугивает не самых смелых.

— Причем здесь мана? — Максим устало сел в кресло. Ему было нехорошо. Таким ослом он себя давно не чувствовал. Хуже всего было то, что именно сейчас чувство абсолютной реальности этого мира усилилось. Он был даже обижен, как обижается ребенок, которому говорят, что ему уже под тридцать и пора повзрослеть.

— Ну так ману можно снять с человека лишь в первые минуты после его смерти. Люди верят, что они, их сознание, и есть мана, которая после смерти попадает куда-то в лучший мир. Чушь, конечно, но это представление у них очень живуче. Отец говорил, что они так защищаются от осознания своей слабости. А если еще съесть у человека кусочек мяса, то отобранная мана почти ничего не теряет, и ее можно использовать. Слелать амулет удерживающий прическу, например, или еще какую мелочь. На многое одного человека не хватит.

— И у скольких ты "забрала ману"?

— Я ведь воин-охотница, мой благородный господин. На лук ушло около сотни человек, на каждую из стрел по двое, стилеты впитали в себя ману двадцати человек каждый.

— Ты просто жнец смерти какой-то, — пробормотал парень.

— Мы никогда не убиваем без причины, повелитель.

Они помолчали. Максим закрыл глаза и тер виски ладонями, Сафра с любопытством наблюдала, ожидая продолжения.

— Зачем нам голова Самуила? — Внезапно спросил Максим. — Ты умная, и, разумеется уже давно поняла, что у меня некоторые пробелы в памяти. Так объясни. Тогда, при вызове, я повторил все как ты и учила, не задумываясь. Показалось красивой фразой. Но что-то подсказывает, что это было не просто так, верно?

— Мой господин зрит в корень, как и всегда.

— Так где он и зачем?

— Ради денег, мой благороднейший и бескорыстный повелитель.

— Поясни.

— Мы, ой, то есть я хотела сказать Вы, мой могучий господин Кровавый Гарри, не можете быть наследником вашего глупого учителя. Мир ужасно несправедлив, и вы, даром

что маг, по статусу не являетесь дворянином, искренне надеюсь, что временно и справедливость восторжествует, как и всегда в государстве магов! Вы гладиатор, как и ваша верная слуга. А Самуил — дворянин. Потому и родня его вполне способна решить не заметить того факта, что одолели вы его в честном бою, придравшись к каким-то нюансам. И потребовать себе все имущество, включая столь полюбившийся вам посох.

— Мой посох? Да я просто не отдам.

— Вот именно, храбрейший мой господин. И это не говоря о том, что они наверняка наложат свои лапы на все нажитое непосильным трудом вашего учителя. Но голова все меняет. Когда маг соглашается поставить на кон свою голову, и это подтверждено, то уже невозможно оспорить ничего из сказанного при вызове. Тогда желание противника считается волей самого мага. Ведь мы произносим слова головой, не так ли?

— Ээээээ.... Максим опять попал в мертвую зону логики местных, но не стал ничего уточнять и просто кивнул.

— И главное! — Девушка торжествующе подняла палец. — Без головы невозможно вступить в права наследства! А оно там огого какое! Ваш наивный учитель весь пропитался, буквально пах деньгами, поверьте, я чуяла.

— Верю. Но зачем нужна непременно голова покойника, чтобы вступить в права наследства?

Эльфийка даже растерялась.

— Ну...как же... это. как. без головы?

— Ладно, — ее повелитель махнул рукой, — так что там с судьбой конкретной головы Самуила?

— Я все сделала в наилучшем виде! — Обрадовалась возможности похвастаться девушка. — Пока вы, мой бесстрашный и воинственный господин, восстанавливались от ран, ваша надежная слуга отрезала голову (получив разрешение смотрящего, конечно), отварила ее, отскоблила..

— Отварила??!!

— Ну да, ведь так удобнее отскобливать.

— Дальше.

— А дальше убрала в шкаф! — Победно заключила эльфийка.

— И... голова сейчас в шкафу?

Сафра метнулась к указанному месту, Максим опять залюбовался ее удивительной, нечеловеческой (хотя да) грацией и пластичностью. Девушка открыла шкаф, и достала оттуда некий предмет, завернутый в шелк. Размотав тряпку, она с торжественностью протянула двумя руками предмет своему непреклонному господину.

— Да ведь это череп! — Воскликнул Максим. — Голый череп!

— Я хорошо отскоблила, — довольно кивнула девушка, — его родня будет в восторге.

— Ты думаешь? — Максим вспомнил, что он скептик.

— Ну да, конечно! Ничего лишнего. И главное — красиво! Вот же он, полюбуйтесь!

— Да я люблюсь, люблюсь.. — Максим забрал у нее череп и повертел в руках. — И ты думаешь продать его родне?

— Отдать за выкуп, господин.

— В чем разница?

— Отдавший выкуп признает свой отказ от права мести. А то мало ли... Всяко бывает. Таким образом, мой искушенный повелитель, вы разом подтверждаете свои права на ваш

любимый посох, получаете выкуп и родня Самуила не будет вам мстить! Ну или будет, но тогда все наследство достается вам!

— Ловко. И сколько ты думаешь содрать с его родичей?

— Мой добрейший господин, если вы назначите выкуп менее 10 тысяч серебрянных монет, считайте, что вас грабят среди бела дня.

— Десять тысяч? — Изумился Максим. — Так много?

— Он был довольно состоятелен, уверяю вас, господин. Требуйте пятьдесят тысяч, торгуйтесь, отступите до тридцати... Я бы согласилась на двадцать пять, но не меньше. Десять действительно грабеж.

У мудрейшего господина голова шла кругом. Девушке удалось трижды "взорвать ему мозг" в течении одной беседы. "Какая женщина", — подумалось ему.

— Эй, погоди-ка, слуга моя верная, там еще было что-то об одежде? Я посмеялся было, но в свете последних событий уже не уверен в том, что это только смешно.

— Ну...понимаете... - эльфийка замялась, — одежда что, так, тряпочки. А я люблю тряпочки, вот и подумала, что. это. но если хотите, то я конечно, у меня все тут это..

Она сбилась в бормотание и сделала грустное лицо. Максим рассмеялся шельме, и, чувствуя необходимость как-то отблагодарить, жестом показал, что ему все равно и пусть делает что хочет. Секунду спустя эльфийка уже сидела у него на коленях, обвивая руками голову.

— Мой повелитель самый щедрый господин в мире! — Она смеялась. — И я буду неблагодарной кошкой, если не отблагодарю своего повелителя, — зашептала она так, что Максим едва не повторил свой последний подвиг на Арене.

— Да, пока не забыл, — сам тоже машинально перейдя на шепот, спросил он, — а какое второе отличие эльфов от людей?

— Вы не могли не заметить, мой наблюдательный господин, — прошептала девушка, одновременно умудряясь целовать его, — что у меня, и у всех эльфов так же, сердце расположено не справа, а слева в груди.

— Мог! — Запротестовал Максим, — Я все могу!.

День 90.

Справиться с новым наставником кажется практически невозможным. Признаюсь, будь он примером изначально, мне и в бреду не смогла прийти мысль бросить вызов. Этот человек, то есть маг, превосходил меня во всем. Как описать то, что нельзя сравнить? Если с Самуилом мне доводилось прикидывать на больше/меньше, то теперь сравнения, если позволить себе их, покажутся нелепицей. Что с посохом, что без него, что один на один, что трое на одного — результат выходит обескураживающий. Самая простая аналогия — стена. Нет, он не стоял на месте, наоборот, скорости перемещения нового учителя можно только завидовать. Нет, он не берет голой силой, напротив, разнообразие действий, сплетаемое в единую сеть, указывает на могучий интеллект. Но все в сумме создает эффект подавляющего превосходства, несокрушимости, стены, которую не удастся даже оцарапать. И это в защите! При нападении же все еще проще — на вас падает стена и вам приходится принимать роль раздавленного ею жука.

Кстати, он так и не представился. Не считает нужным, или считает меня недостойным, одно из двух. Раздражения, при этом, не вызывает вовсе. Столкнувшись с подобной силой, мне невольно не остается ничего кроме уважения. Ни злости, ни гнева, всему этому нет места. Как будто это не маг, а природное явление, стихия, к которой нельзя относиться как к обычному человеку. Или, вернее, магу. Никак не привыкну.

Ограждения с Арены не снято, но песок вновь привычного желтого цвета. С чем это связано — не знаю.

С Иваном вышло проще ожидаемого. Изначально я готовился к трудному разговору, подбирая разные варианты управления беседой, поскольку он был мне нужен, а в надежности собственной позиции уверенности не было. "Дядька", при всей внешней простоте, оставался загадкой. Несмотря на довольно продолжительное наблюдение, понять его вполне я не мог. Кто он, что он? Какие у него были действительные отношения с Самуилом? Какое действительное прошлое? Семья, дети, увлечения? Ответов не было, и именно их отсутствие, при условии долгих и частых дискуссий, говорило о том, что просто не будет. Вышло же совсем не так, и, как раз, очень просто. Опишу это, пожалуй, поподробнее.

Утро. После импровизированного завтрака, организованного слугой, я, собираясь с мыслями, готовился к выходу, как вдруг дверь запахнулась и Иван попросту ввалился в комнату, сразу сделав ее какой-то маленькой.

Вид его был привычен, этакий увалень, но повидавший жизнь, в неизменной кольчуге поверх холщевой рубахе, с лицом заросшим для сокрытия простоватости, и глазами не способными скрыть наличие у человека образования.

— И где тут мой душегубец? — Зарокотал он, не давая возмутиться бесцеремонностью вторжения (Иван не заходил ко мне с первого дня, ограничиваясь стуком в дверь и громким голосом). — Тут что ли? Уууу, хоромы! Как есть хоромы! Вот что барахло, да в умелых руках (уважительный кивок внимательной эльфийке) делает! Вы даже нужник царский поставили! Как есть трон! И ванна!

Тут он замер, ванна действительно его удивила и притушила балагурство. Новенькая, медная, теплая для глаз, стоившая столько, что мне лучше не знать, по словам Сафры (я и не

знаю!), занявшая целый угол ванна, смотрелась и впрямь красиво.

— Аристократ! Как есть аристократ! — Иван наконец отмер и вернулся в изначальный режим. — Это я люблю, это по-княжески! А вот скажи-ка мне, князюшка мой малохолдный, сколько ты мне платить будешь? — Перешел он к делу.

— Платить?

Иван на меня даже не глядел, красуясь сам собою перед зеркалом.

— Платить, малохолдный, платить. Или ты думал прибить человека, потом оживить его, и он твой? Не на того напал, дитяtko наше неразумное! Не на того, поскольку вольный я, а ты не очень, даром что и маг. Но. Поработать с тобой соглашусь. За долю малую.

— Сколько ты хочешь?

— Говорю же — долю малую. Треть от дохода.

На мою верную слугу напал очень сильный кашель.

— Шучу, шучу, десять процентов, — тут же исправился "дядька", с опаской глядя на задыхающуюся эльфийку. Та показала средний палец.

— Нет, этого мало! — Запротестовал Иван. — Хотя бы пять процентов! И это последнее слово.

На том и порешили. За двадцатую часть от гонораров за "подтверждение Правды" наставник согласился как продолжать тренировки, так и выступать, при необходимости, с нами на Арене. Право отказаться предусмотрели как один раз в месяц, с возможностью накопления, хотя Иван не очень беспокоился на этот счет, уверив, что ему и раза хватит, а без него меня точно прибьют и тема закроется по естественной причине. Мне импонировал его оптимизм, хоть я и не разделял его.

А вот так интересовавшую меня тему с Самуилом, их взаимоотношений, и, главное, как он относится к его смерти, раскрыть не удалось. Череп, валяющийся на полу, привлек его внимание, он легонько поддел его и взял в руки.

— Эх, господин маг, — заявил "дядька" разглядывая пустые глазницы, — а я ведь предупреждал вас быть осторожнее с малохолдным. Он ведь чудик, да еще и везучий (это я везучий?!), где не силой возьмет, там хитростью, где не хитростью, возьмет глупостью. Ну да покойся с миром, старый жмот, верую, выкупят тебя.

И на этом все. Иван чувствовал моменты когда я собирался спросить и усиливал словесный поток своего балагурства так, что я понял — не надо. Не время. Договор, однако, заключили. Даже эльфийка казалась довольна.

День 93.

Явились, наконец, родственники Самуила! Долго же они собирались. Даже Сафра начала волноваться, если я не обманываю себя тем, что начал понемногу читать ее эмоции.

Делегация состояла сразу из пяти магов, увидев которую можно было даже не спрашивать кто они, все пятеро внешне настолько напоминали покойного, что я лишь глазами хлопал от удивления.

С непроницаемыми лицами они поинтересовались, меня ли именуют Кровавым Гарри. Я подтвердил, что да, Гарри, да еще Кровавый — это я. Тогда они спросили у меня ли находится интересующий их череп. Вот так, без имени покойного. И это им я подтвердил. Тогда, заявили они (вообще говорил лишь один, самый визуально старший, но прочие столь солидно кивали, за исключением самого молодого лица из представленных, что можно сказать "говорили все") не будет ли Кровавый Гарри столь любезен отдать им эту безделицу

за символический выкуп, а то в могиле некомплект, и их перфекционизм страдает.

— Пятьдесят тысяч! — Брякнул я по эльфийской науке, чем заслужил долгое молчаливое изучение своей скромной пероны.

Потом они заулыбались (кроме все больше мне не нравящегося молодого), и, с облегчением, сообщили, что поняли мою нечаянную оговорку. Ведь я хотел сказать пять тысяч, не правда ли? Я тоже заулыбался.

В итоге они сдались на тридцати тысячах без рассрочек, идею о которой я отклонил, объясняя спецификой рода занятия. Когда они уходили, их молодой, терпеливо ожидающий конца переговоров, все же выкинул фортель.

— Я не могу идти против Рода, но хочу чтобы ты знал — я был категорически против выкупа, — заявила эта копия Самуила, но лет пятнадцати на вид, — деньги — пыль, а честь бессмертна. Будь моя воля, ты бы уже сдох в мучениях. Увы, моя воля не решает дела Рода. Но знай — ничто не забыто. Я буду следить за всеми твоими выступлениями, и день когда ты сдохнешь станет лучшим днем в моей жизни.

Печально это все.

— А сюда-то зачем приходил? — Только и мог я ответить. — Чтобы высказать мне весь этот детский пафос?

— А посмотреть. — Дерзкий юнец окатил меня презрением в меру способностей и гордо удалился вслед за старшими. Я тоже хочу с ними, думал я глядя на закрывающуюся дверь. Скорее бы в город.

День 94. Начало.

Становлюсь дипломатом. Статус — интересная штука. Бывает, что формально он изменился, а по факту — ничуть, бывает и наоборот. В моем произошли некие перемены, что и пришлось осознать сегодня.

Как происходит выбор бойцов для представления интересов? За деньги, понятное дело. Но как? Не интересовался ранее, пустив все на самотек. Да и зачем было? Мое дело телячье: вышел, всех поубивал, ушел, а соперников пусть "дядька" подбирает. Так все и было, то Иван, а то и Самуил подходили и ставили перед фактом, что так и так, противник такой-то, или такие-то, мой выход тогда-то, будь готов, отказ не принимается. Я и выходил. Даже находясь уже на Арене пропускал мимо ушей рассказы смотрящего о том в чем там суть дела, сосредотачиваясь на собственных ощущениях предвоенного пофигизма.

Но теперь-то я неформальный лидер нашего славного отряда! Формально нет. Как и самого отряда официально нет. Есть лишь сумма вертикальных (с эльфийкой) и горизонтальных (с лично свободным человеком Иваном) договоров и отношений. Новый наставник вообще сам по себе, не компанейский маг.

Закончив разминку (иначе занятия с Иваном и эльфийкой не назвать, в сравнении с последующей дрессировкой от нового мастера мага), мы вдруг увидели, что около входа на Арену топчется пара импозантного вида людей, желая что-то рассказать молчаливому наставнику. Тот равнодушно наблюдал за нашей тренировкой, не поворачивая головы в их сторону. Заметив что мы закончили, он соизволил обратить внимание на вновьприбывших, поглядел на них сверху вниз, мотнул головой в нашу сторону и отвернулся, скрестив руки на груди.

Ясно-понятно. Арена во всей красе. Тренировки тренировками, но как начинает пахивать деньгами, так все в сторону.

Парочка засемила к нам, и я рассмеялся, очень уж комично они выглядели. Лицо у одного демонстрировало холодную надменность, а у второго лакейскую угодливость. Одеты они были в мундиры невероятного кроя, напоминая тех дембелей моей родины, что увлекались украшением формы до того, что выглядели фельдмаршалами. Как им казалось.

— Уважаемый Кровавый Гарри, разрешите представиться, — начал угодливый, обращаясь к Ивану, — я Никита Демянский, седьмой, а это мой брат Даниил, девятый. Вас рекомендовали нам как того, кто ненавидит несправедливость во всех ее проявлениях!

— Терпеть не могу, — закивал "дядька", — только не я Гарри, а он, — указывая на меня, вздохнул Иван

Делегаты не поверили.

— Он? — Мистер Надменность не счел нужным скрывать скептицизм.

— Он? — Лакей растерялся.

— Он, он, — подтвердил Иван, — зверюга каких мало. Я его сам боюсь. — Добавил он громким шепотом.

Делегаты замялись, видимо размышляя не насмежаются ли над ними, но все же повернулись ко мне и угодливый повторил приветствие.

— Сумма? — Мне ничего не оставалось, кроме как соответствовать.

— Двести.

— Это несерьезно, Демянский, — я даже обрадовался, что могу поквитаться пренебрежением. — Я выходил за Правду стоимостью три тысячи лично мне, и даже не почешусь за жалкие две сотни. Извини, Никита.

— Жалкие две сотни тысяч?! — Не произнес, а, буквально прорычал надменный, и я завис.

Стоит сказать пару слов о денежной и ценовой политике Арены. Гладиатор, то есть приговоренный к Арене Справедливости считается как бы госслужащим на особом положении. С одной стороны все организовано государством. С другой — воля результата Арены выше всего, сродни божественной. И гладиатор — проводник этой высшей воли. Потому все содержание идет за госсчет, а деньги победители получают в полном объеме, иначе выйдет будто государство претендует на долю высшей справедливости, что как раз и будет несправедливо! Где собака зарыта? Во-первых в пользу государства идут деньги внесенные теми, кто проиграл. Во-вторых, дело в наследстве. У гладиатора недобровольца, то есть осужденного, нет иной официальной родни кроме именно государства, которое его и отправляет на Арену! Логика проста: приговоренный к Арене автоматически лишается родни, то есть государство наказывает не столько вас, сколько ваш род, указывая то, что он, род, недостойно вас воспитал. Вы теряете имя и получаете номер. И, в милосердии своем, государство берет дитя неразумное на перевоспитание. Дает занятие максимально приближенное к развитию моральных принципов (в теории), ибо где же раскрыть все хорошее, что в вас имеется, как не на Арене? И действительно вас готовят! Но после вашей гибели (неизбежной) государство и является наследником, забирающим все нажитое. Что же с теми, кто вышел на Арену будучи лично свободен, а это считаются все, даже госслужащие не "на особом положении"? Как все тот же Самуил, или, теперь, Иван? Очень просто — на Арену может выйти любой при соблюдении двух правил:

1. Дело действительно касается лично его, и не высосано из пальца.

2. Дело может быть любым, если статус противника выше чем ваш.

Первый пункт призван препятствовать мыслям типа "я крут как вареные яйца, пойду и

пошибаю легких денег с тех кто очевидно слабее, а повод найду". Так вот — не найдешь. А будешь продолжать считать себя самым умным, то Арена выставит бойца для защиты Правды того на кого ты напрыгиваешь, и полюбуется как у тебя это выйдет. Иван сказал, что это работает, и проверки действительно по делу. Логично, зачем государству с кем-то делиться? А если кто дурак, а не хитрый, и лезет на тех, кто не по зубам, то пожалуйста. Никаких препятствий. Чем меньше "дурней останется, тем лучше".

Гладиатор из осужденных отказаться от выступления не может, не имеет поава, при соблюдении условия роста оплаты. То есть, если вам предложили больше, чем вы максимально успели получить, то отказываться нельзя. А вот если меньше — то смотря на сколько. Все что более чем вдвое ниже вашего самого большого гонорара — на ваш выбор. Как хотите.

Людоедская система, но логичная. Гармоничная, я бы сказал.

Потому, услышав предлагаемую сумму, я обомлел. Двести тысяч не лезло ни в какие ворота. Это было слишком, невероятно много, особенно если учесть, что я не мог отказаться и от суммы в пятьдесят раз меньшей.

— Почему не двести двадцать? — Я сделал попытку удержать лицо.

— Потому что сумма городского налога двести тысяч, — охотно пояснил угодливый, — а не двести двадцать.

Я ощутил азарт, защитную реакцию на опасность, и засыпал их вопросами. Они насмешливо отвечали, но мне было все равно. В итоге удалось получить более-менее цельную картину ситуации.

Во-первых, Демянский это не фамилия "дембелей", а город Демянск, и эти уважаемые джентельмены являются чиновниками в славном Демянске.

Во-вторых, город конфликтует с окрестными помещиками-землевладельцами. Суть конфликта в деньгах, разумеется. Они не поделили дорогу, рынки, вернее дни торговли, пошлину у каких-то ворот и что-то еще, список нерешенных вопросов оказался велик, и я не стал запоминать подробно, уяснив главное, что это конфликт городских властей с окрестными феодалами.

В-третьих, сумма равна годовым городским налогам в казну, и это самое интересное. Оказывается, что наше славное государство позволяет городам вносить любые деньги, которые должны идти в казну как сборы, на Арену, и засчитывает их как уплаченный налог!!!

Начинаю ощущать себя анти-Горацием, не перестаю удивляться.

В памяти всплыло что-то из школьных уроков по Истории, о "поддержке центральной королевской власти городов против своеволия феодалов", поразмыслив, пришел к выводу, что и здесь торжествует логика. В случае поражения Правды города государство теряет часть налога, ведь деньги забирает победитель, то есть все собранное городскими властями переходит в руки окрестных лендлордов! В случае победы — государство не теряет ничего, а вот город приобретает многое. Идеальная картина для местечковых патриотов: центральная власть таким образом позволяет расходовать средства словно в местный бюджет, причем в любом варианте, ведь помещики тоже местные. Только мне что-то показалось, почудилось, помещицилось, что кроме поддержки городов центром, здесь еще наличествуют такие интересные штуки как "распил и откат". Глядя на рожи делегатов из Демянского, их равнодушную готовность выложить невероятные деньги, в десятки раз больше необходимого, на их желание "поскорее покончить с делом" единым блоком, не разбивая на

множество отдельных выяснений Правды по каждому пункту, мне было нельзя не прийти к выводу о простейшем сговоре городских властей с окрестными феодалами по поводу дележа этих денег.

Я спросил кого же наймут представители "противоположной Правды" и все стало кристально ясно. Угодливый делегат радостно сообщил, что у противника с деньгами не очень, а потому эти нищелюбы по обыкновению отстаивают свою Правду лично. Превосходно. То есть берем все возможные деньги, нанимаем жертвенного барана, в данном случае меня, против него выходит отряд магов (!), ведь только дворяне владеют землей наряду с государством, и, разумеется, готовит из барана шашлык. Получают выигрыш, часть которого после заносят обратно в город. Кому надо. Гениально.

Попросив немного подождать (нет, я не отказываюсь, поскольку не имею права, конечно я готов! Буду отбивать Правду днем и ночью, но надо обменяться парой слов со своими людьми), я отозвал в сторонку Ивана с эльфийкой, спросив у них что думают по данному делу.

— Пи.....ц. — Иван традиционно покорила емкостью своей мысли.

— Они бывают так милы, эти людишки, — проворковала Сафра, — вы имеете все основания посчитать меня ненормальной, мой благородный господин, но я бы согласилась на это дело, даже имей возможность отказаться. Только представьте себе лица этих мошенников, когда вы одержите победу. Слава Кровавого Гарри взлетит выше дракона.

— Ты говори, да не заговаривайся, — одернул красавицу Иван, — там выйдет штук десять магов и все. Путь Гарри будет завершен. Против лома нет приема. Я, пожалуй, воспользуюсь правом отказа. Видит небо, не думалось, что это случится так скоро. Но в этой ситуации... это верная смерть, и твой "добрейший и благороднейший господин" не оживит меня еще раз, так как сам окажется в числе покойников. А у меня есть для кого пожить еще немного.

— Ого! Ты кажется воображаешь себя в числе живых? — Насмешливо пропела эльфийка.

— А что не так? — Набычился Иван.

— Смотря что для тебя жизнь, Ванечка, сам подумай.

— Не ссорьтесь, — буркнул я, — и без того нет настроения.

— Как пожелает господин, — ехидна и не думала униматься, — ты, Ванечка, подумай о том, что будет с тобой дальше, после твоего гордого отказа от десяти тысяч.

"Дядька" открыл было рот, чтобы ответить, но ничего не произнес, только лишь выпучил глаза и покраснел.

— Вот и я о том, — кивнула девушка с самым безмятежным видом, — ученику проиграл, со службы уволили (вы этого не знали, мой доверчивейший повелитель, но уступивший ученику на первом же занятии увольняется за профнепригодность), потом нанялись за деньги к излечившему вас, но отказались от первого же выступления в связи с опасностью онога... даже не знаю!

— Разве это было первое занятие? — Спросил я, слушая с проклюнувшимся интересом. Что делать я не знал, как одолеть группу магов, да еще, наверняка, сплоченную и не раз выходящую вместе — тем более, но терять Ивана не хотелось.

— На копьях первое.

Иван серьезно помрачнел. Я же вернулся к горожанам, начинающим проявлять признаки нетерпения.

— Скажите, уважаемые, когда оно состоится, выяснение Правды и торжество Справедливости?

— Через два часа, — впервые улыбнулся Надменный, — надеюсь, вам достаточно этого времени для подготовки.

— Еще бы! — Восхищенно подтвердил я. — Гладиатор ведь каков? Встал и готов!

— Прекрасно. Смотрите, не подведите же нас.

— За такие деньги я на вас даже женюсь, если пожелаете.

Шутку не приняли, и поспешно откланялись.

Тем временем Сафра допекла Ивана, он весь вспотел и стоял красный как рак. Я подошел.

— Черт с тобой, малохольный. — Казалось Иван даже рад моему появлению. — Выбор действительно между плохим и очень плохим, права твоя ведьма. Я в деле. Может и помогу завалить кого-нибудь. Вот ведь задница какая.

— Отлично! — Я хлопнул его по плечу. — Все их задницы в твоём полном распоряжении. Надо все же подумать как воевать будем. Как по-вашему вести бой против группы магов?

— Никак, малохольный. Погибнуть поскорее и наименее болезненно, вот и весь план. Я побегу на них с мечом.

— Я осыплю их стрелами, после чего просила бы у моего благороднейшего господина разрешения присоединиться к Ивану.

— Э! погоди, — до меня только сейчас начало доходить, что у эльфийки нет никаких планов на великую победу, — вы что, помирать собрались?!

Сафра подарила мне взгляд полный гордости за своего господина и повелителя, но ее губы подрагивали от с трудом сдерживаемого смеха.

— Нет, мы их порвем. Там магов десять, если не больше. Мой господин ужокошит восьмерых, а мы с Ванюшей дорежем прочих. Делов то!

— Может не десять? Девять или восемь. пять?

— Скорее больше, чем меньше. — Рациональная эльфийка отвергла все мои надежды. — Десять это минимум. Скорее двадцать, а то и тридцать. Поймите меня правильно, господин. Отказаться мы не можем. Значит погибнем. Провинциальные дворяне не сильны, но их много. На такой куш слетятся все, и если есть нам на что действительно надеяться, так на то, что поубивают друг друга за право участия ради последующего дележе.

— Дааааа... — Протянул я. Умирать не хотелось, да и адреналин не сдавал позиции, но сердце чужло серьезность ситуации. — За такие деньги что бы и не прихлопнуть кого-нибудь, я их прекрасно понимаю!

— Сколько? — Прозвучал негромкий голос. Я, вздрогнув, обернулся. Маг, так и не дождавшийся нашей сегодняшней тренировки, стоял скрестив руки и разглядывал нашу троицу смертников.

— Что "сколько", наставник? — Я ощутил как ладонь эльфийки сжала мою.

— Сколько эти твари решили украсть? — Уточнил он все тем же равнодушным тоном.

День 94. Продолжение.

Этот разговор я никогда не забуду.

— Двести тысяч. Серебром.

— Неплохо.

— Вы одобряете?

— Разумеется.

— Но справедливо ли это?

— Это законно. Тем более, что справедливость восторжествует в любом случае, и уже к вечеру. Не без вашего участия.

— Но... — Я недоумевал. — Почему вы тогда назвали их тварями?

— Разве это не так? Наглость и безнаказанность воровства. Даже вы догадались в чем дело. Как же мне называть людей разворовывающих казну, и ленищихся даже придумать что-то менее пошрое, чем подобная схема?

— Вам не нравится примитив?

— Мне многое что не нравится. Но воров не люблю особенно, это правда.

— Так почему вы их одобряете? — Я совсем запутался. Когда мастер маг обратился к нам, внутреннее ликование было трудно сдержать. Вот оно, мелькнула мысль, опять мне везет! Сейчас этот монстр вступит в игру и поотрывает головы всем нашим врагам! Но что-то пошло не туда.

— Мне нравится их открытость. Когда враг прям, это уже не совсем враг. Это наполовину противник. Куда хуже если враг закрыт от вас.

— Так это ваши враги? — Мне не хотелось так просто терять показавшуюся было удачу.

— Да. Как и любого честного подданного его императорского величества.

— Но тогда вы бы могли присоединиться к нам и наказать этих "тварей", как вы выразились! — Я развел руки и обернулся к своей команде за поддержкой. Эльфийка стояла с непроницаемым лицом, а вот Иван закатил глаза к небу, словно я предлагал ему участие в глупом фарсе.

— Мне? Вы с ума сошли, юноша.

— Почему же?

— Потому, что только глупец будет пытаться с подобной грацией гиппопотама переложить свою проблему на чужие плечи. Только ненормальный будет думать, что у него это получится. И только сошедший с ума всерьез решится предлагать кому-либо погибнуть вместо него без причины.

— Да ведь есть причина!! Вот же она! — От непонимания и волнения я даже вскричал. — Вы же сами говорите!

— Я говорю? — Маг успехнулся. Это была первая эмоция отразившаяся на его лице за все время знакомства. — А что я говорю? Что они воры? Это так. Что они твари? Конечно. Это мое мнение. Ну и что? Это повод мне умереть вместе с вами? Тем более, что наша гибель лишь укрепит их в своей правоте.

— Да почему же гибель?! С вашими талантами..

— Ваш, с позволения сказать, "отряд" продержится несколько дольше, только и всего.

— Вы боитесь?!

— Нет.

— Но... Я задыхался. Этому магу и в разговоре удалось привести меня в "небоееспособное" состояние с пугающей легкостью. Казалось, что он видит меня насквозь, и увиденное ему нравится не сильно больше городских воров. Это бесило и не давало сосредоточиться одновременно.

— Тогда зачем вы вообще затеяли весь этот разговор? — С горечью очередного поражения спросил я.

— Из любопытства.

— Вот как. Любопытства?

— Именно. У каждого есть свой предел, после которого человек открывается полностью. Во время выступления вы можете погибнуть очень уж быстро, и я рисковал не рассмотреть все хорошенько.

— Но сейчас рассмотрели?

— Вполне.

— И что же вы там рассмотрели? — Я включил гордость уязвленного самолюбия.

— Вы подлец. И это замечательно.

— Продолжайте. Вам ведь есть что добавить.

— Да. Вы поняли, что вам грозит действительная опасность, и хотите вывернуться из нее. Но, в силу вышеупомянутого мною свойства вашей сущности, вы желаете осуществить это чужими руками, в данном случае моими. Я же нахожусь в уникальном положении, вы считаете меня своим шансом. Последним шансом. Пусть вы переоцениваете мои скромные способности, но ведь вам и нечего больше оценивать, а утопающий хватается и за соломинку, как всем известно. А потому я имею редкую возможность рассмотреть человека, который внезапно ощутил дыхание смерти, и начинает мучительно отрывать от себя куски, лишь бы избежать ее. Предлагая части там, где боится потерять целое. Время идет и куски становятся все больше. Сколько же оторвете вы?

— Не вполне понимаю о каких частях, отрываемых от себя, вы говорите.

— Вам ничего не остается как попытаться меня купить. Это ясно как день. И вы уже думаете что же мне предложить, не правда ли? — Вот это да. Он улыбался.

— И сколько же вы хотите? Пятьдесят тысяч? Сто? Сто пятьдесят?

Маг расхохотался.

— Вы извиваетесь как червяк и живучи как крыса. Сейчас вам показалось самым правильным довериться интуиции и повести дело так, с внешней отстраненностью и некой усталостью, надеясь на то, что куплюсь на ваше мнимое оскорбленное благородство, то есть поверю, что оно у вас есть. Не на того напали юноша.

— Так озвучьте ваши желания, — я пожал плечами, — если они у вас есть, конечно.

— Да-да, все как я и говорю. Озвучу, не вижу проблем. Представьте на минуту, только представьте, что я согласился на ваше безумное предложение. Что же я захочу? Да попросту то, что у вас есть.

Длч начала — деньги. Пусть. Раз уж вы первым делом думаете о них, не вижу ничего предосудительного, чтобы начать с них. Итак, сколько?

— Сто пятьдесят тысяч. — С неудовольствием отметил насколько слабо прозвучал мой голос.

— Ерунда. Несерьезный разговор.

— Двести? — Я нашел в себе силы улыбнуться. — Это все что есть.

Маг вздохнул.

— Нет, юноша, это то, чего у вас нет. У вас нет этих двухсот тысяч, вы предлагаете мне шкуру неубитого медведя. Да, понятно, что в случае поражения и обсуждать будет нечего, потому рассматривается лишь вариант успеха, но сам этот пункт весьма показателен. Вы предлагаете то, чего нет. А я хочу получить то, что есть.

— И что же?

— Да попросту все ваши деньги какие есть. Включая выкуп за голову Самуила, естественно.

— Это грабеж.

— Вы шутите? Это жизнь, награда, спасение, высшая ценность, наконец! И вы будете жаться из-за каких-то денег? Но зачем они вам, то есть зачем они покойнику?

— Вы правы, — отвечал я подумав, — деньги можно заработать еще. Забирайте, не вижу проблем.

— Ага! Значит все ваши деньги что есть, плюс те самые двести тысяч, если мы победим, верно?

— Верно.

— Превосходно. Далее. Я хочу посох.

— Посох? Ну уж нет. С ним я могу драться вдвое, даже втрое сильнее. Он будет просто необходим для победы.

— Не несите чушь. Вы отлично осознаете, что в моих руках он тоже будет бесполезен, и мое усиление вдвое куда как весомее вашего, поскольку вы, при всей вашей природной силе, так и не научились нормально магичить, уж извините за прямоту.

Я молчал. Расставаться с посохом было невыносимо жать, труднее чем с деньгами, но мастер был прав.

— Хорошо, — согласился я, — пусть будет так. Действительно, ваше усиление в предстоящем выступлении артефактом подобных свойств можно рассматривать как инвестицию в победу. Хотя и жаль, скрывать не буду.

— Замечательно. Что еще?

— Еще? — Я даже удивился. — Но у меня больше нет ничего.

— Ну как же нет. А эльфийка?

Отлично помню, что в тот момент похолодел. Теперь я понял.

— И как вы себе это представляете?

— Элементарно. Была твоя, станет моя. Никаких проблем. Или ты думаешь, что она будет против?

— Шел бы ты, дядя, знаешь куда?

Маг совершенно проигнорировал грубость.

— Ну-ну, не кипятись. Я понимаю, молодость, шок, старуха с косой поглядывает. Но что тебе до эльфийки, покойнику?

Я молчал. Гнева не было, вообще все эмоции отступили куда-то на задний план, оставив вместо себя лишь холодную и недобрую отрешенность. Маг, тем временем, продолжал:

— Да и впрямь, что же ты боишься повернуться к ней лицом, да спросить прямо? Неужели боишься, а? А чего боишься? Выберет она меня, это ясно, вся нелюдь чрезвычайно практична. Нечеловечески практична, я бы сказал.

— Маги не люди.

— Тю! Это кто тебе такое сказал? Понимаю... Она и сказала. Нелюдь, что с нее взять.

Ты эти глупости брось, люди мы, хоть и маги. Разница магических потенциалов препятствует совместному потомству, это верно. Но и только. До семи лет ребенок мага ничем не отличается от ребенка не-мага. Да и после... Не надо забывать ни детство, ни юность. Обладание силой, привычка к силе, не должна затмевать разум. Иначе можно и чиновников людей в отдельный вид вывести, дело нехитрое, они даже обрадуются. А нелюдь слушать... Она наговорит! Но еще важнее, парень, это то, чего она не говорит. Скажи мне правду, хоть раз, хоть один раз, использовала ли она такое слово как "любовь" по отношению к своему "господину и повелителю"? А? По глазам вижу, что нет. И вот в этом заключается правда.

Я молчал.

— И правильно! За что ей тебя любить, не задумывался? Ты же ее изнасиловал, благодетель, причем на глазах у людей (и, кстати, ты явно не соображаешь на глазах скольких людей). А после подарил несколько тряпок и умилился собственной добротой, не так ли? Сидел у себя в конуре и наслаждался своими талантами укротителя, так и вижу. Какой я все-таки замечательный парень, думал ты, делаю всех счастливыми. Даже эльфа. Ей ведь только тряпок в жизни недоставало для счастья, да хозяина такого как я, а как обрела, так и расцвела, красавица. Еще и сосет как пылесос, в доказательство своего счастья, старается. Ну так и мне будет сосать не хуже, поверь, или, если хочешь, можем показать. Ей вообще должно быть уже все равно, после того что ты сделал. Каким нужно быть идиотом, чтобы вообразить, что она тебя любит? А ты вообразил. Открою маленький секрет — она тебя не любит, она тебя ненавидит. А когда эльф кого-то ненавидит...

Это было болезненно. Из меня словно выкачали весь воздух, удалили все кости и забрали магию. Как я устоял тогда на ногах — сам не знаю. Слова мастера превратили всю мою защиту в решето. Но я все же немного собрался и смог повернуться к Сафре.

— А ведь он прав. Но извиняться не буду.

Лицо эльфийки было по-прежнему непроницаемо. С таким выражением, как было у нее, можно одинаково успешно резать хлеб или людей.

— И ты, наверное, прав, мастер. Кстати, не прими за дерзость, но теперь мне бы хотелось узнать твое имя. Иначе разговор закончен.

— Михаил.

— Так вот, Михаил. Прав то ты прав, но выбесил ты меня знатно. И не будет тебе ни эльфийки, ни посоха, ни денег пока я жив.

— А потом? Ведь твое "жив" явно не слишком надолго?

— А после... когда меня не будет — тогда бери все. Я официально заявляю, что объявляю тебя, мага именуемого Михаил, своим наследником.

— Эм. Неплохо. Даже красиво. Где-то изящно. Одно вы позабыли, юноша. Все ваше вероятное наследство — собственность государства, и распоряжаться вы им после смерти не можете. То есть все это пустой звук.

— Да и плевать. Ты, Иван, тоже, кстати, прав. Лучше и правда не ходи. Бери свой отвод.

— Да-да, как будто он его не взял из-за вас. Его вы тоже "облагодетельствовали" так, что лучше и не надо. Теперь ему лучше сдохнуть на Арене, ведь отказ повлечет последствия... А вы собрались героически погибнуть, как я погляжу?

— Вам то что? И почему непременно погибнуть? Вы меня выбесили так, что кажется я порву их всех и в одиночку.

— О! Вздумали шутку пошутить. Похвально. Нет, вы неплохо держитесь. Я ожидал куда

худшего. Истерик, топанья ногами, возможно и слез от того, какие все кругом мерзавцы, а не лишь вы один. Нападения на мою скромную персону в приступе суицидальной ярости. А вы молодец. Я сохраню ваш череп для ваших родных. Если они объявятся. После смерти такое бывает.

— Знаете, когда впервые вас увидел, то подумал о вас в ключе положительном. Вот, дескать, хороший человек. После Самуила, мир его праху, который хоть и был в чем-то неплох, но...

— Вы бы лучше помолчали, юноша, о своем преданом учителе. Иначе вы рискуете выйти на свой последний бой в несколько подержаном виде.

— Преданом учителе? — От волнения я расхохотался ему в лицо. — И кто же его предал? Я? Каким образом, позвольте полюбопытствовать?

— Он делал ровно то, что говорил. Он вас спасал, рискуя жизнью, и жаль, что риск не оправдался.

— А поподробнее?

— Не вижу смысла метать бисер. Не в коня корм. Вам не понять. Кстати, а что вы подразумевали под выражением "хороший человек"?

— Не хотите — не надо. Обойдусь. А хороший человек это тот, кто не убивает других людей. Без причины.

— Удобная формулировка. Сами придумали, или подслушали где?

— Идите к черту. Если вы думали посмеяться и испортить мне настроение, то поздравляю, вам удалось. А пока же оставьте нас, нам нужно подготовиться к выступлению.

— "К черту" — это какое-то оскорбление? Будьте осторожны юноша, а то я могу и объяснить вам разницу между смелостью и дерзкой инфантильностью. Но да, не буду вам мешать, удаляюсь. Недалеко. Предложение мое в силе, я хочу ваши деньги, ваш посох и вашу эльфийку. И вещи, что вы купили, тоже. Все на кон! И вот тогда, я, может быть и рискну положением и жизнью. Разве не занятно, что условиями я выдвигаю все то, что мне на самом деле не нужно? Все это нужно вам. Считайте минуты, извивайтесь, решайте.

И он действительно отошел шагов на двадцать, и, стоя спиной, все так же скрестив на груди руки, стал насвистывать какую-то песенку. Я повернулся к своим.

Иван бесцельно ковырял песок носком сапога, Сафра была столь же спокойна, сколь и непроницаема.

— Ну что, бойцы, вы все слышали. Какие будут добавления?

— Так и ты все слышал, малохольный. Выбора у меня нет, я выхожу с тобой.

— Почему у тебя нет выбора?

— Да какая разница, — поморщился "дядька", — не забивай себе голову. Так вышло. Но я не ругаю в том тебя, парень, только себя если и обвинять. Господим маг человек ученый, да только мне хватает и того, что вы действительно многое не понимаете. Так что я не могу с ним согласиться полностью. И не нужно мне это сейчас.

— Ну а ты, слуга моя верная, — слова Ивана прозвучали как поддержка, и я, немного прибодрясь, обратился к эльфийке, — что скажешь? В принципе, я чувствую правоту Михаила, но чувствую и его злость, так что... Как ты скажешь, так и будет.

— Скажу что, мой благороднейший господин? — Захлопала глазами девушка. — Мой повелитель желает, чтобы его верная слуга решала вместо него?

— Я не так выразился, прости, голова идет кругом. Я хочу знать в каком ты сейчас положении. Есть ли у тебя выбор, вариант избежать участия во всем этом? Если да, то я

ГОТОВ ПОМОЧЬ.

— Выбор есть всегда, мой добрейший повелитель, — Сафра нежно и печально улыбнулась, — но, если я останусь зрителем и в живых, то мне будет хуже чем умереть. Но вы не должны спрашивать, мой благородный господин Кровавый Гарри, вам достаточно приказать.

— А что ты хочешь, чтобы я приказал? Смотри, вон стоит маг посильнее меня. И высказался он вполне недвусмысленно. Хочешь к нему?

— Мой господин спрашивает хочу ли я стать слугой господина мага Михаила?

— Да. Господин спрашивает именно это.

— Нет, мой добрый повелитель, ваша послушная слуга не хочет этого.

— Почему? — С трудом я скрыл внутреннее ликование.

— Потому что служить магу, пусть даже такому могущественному, для эльфа нестерпимо. Это наибольшее унижение, которое только возможно представить. То что пожелаешь далеко не всякому врагу. Служить магу — впасть в полное, совершенное ничтожество. Любой эльф предпочтет смерть служению.

Мне показалось, что песок Арены уходит из под ног.

— Но бывает ли такое, — слова подбирались медленно и с трудом, — что эльф все же оказывается в услужении магу, предпочтя жизнь смерти?

— Бывает, мой благороднейший господин, случается и такое. Когда эльф в чем-то провинился столь сильно, что его требуется наказать самым суровым, как сказали бы у вас, бесчеловечным образом. И когда эльф сам понимает, что смерть для него, сколь угодно мучительная и долгая — недостаточное наказание.

Казалось, что я понимаю рыб выброшенных на берег. Это был разгром. На какое-то время я даже потерялся, и осознал себя в комнате, стрящим посредине и нервно сжимающим посох. Сейчас я видел убогое помещение, чрезмерно заваленное всяческим хламом, еще недавно служившим доказательством... чего-то там. Ничего из этого мне не было нужно, да и просто видеть все это было неприятно. Я вышел. На Арене ничего не поменялось. Маг все стоял и насвистывал что-то веселое, Иван же с эльфийкой продолжали молча ждать. Ждать. Чего? Что их поубивают?

Все было не так. Поваяло чем-то забытым, знакомым чувством. Прислушавшись к себе, я узнал его. Это было отвращение. Не хотелось ни к кому прикасаться и ни с кем не говорить, особенно с самим собой. Я и встал сам по себе, поодаль. Будь что будет. И посох я не отдам. Опершись на него, я нечаянно коснулся головой камня наверху, и резко отдернулся, едва не выронив посох. Камень оказался наэлектризован и будто "ударил током". Удивительно, но в голове как посвежело. Мне понравилось. Я дотронулся до камня рукой — никакого эффекта. Притянув к себе посох, я еще раз прикоснулся к камню головой. Ударило действительно словно током. Интересно. Но какая разница? Мне очень бы не помешало встряхнуться, подумал я, устанавливая посох прямо перед собой и всем лбом прижимаясь к магическому камню. Больно не было, но мир вокруг померк.

Видения.

— Не спать, Соболев! Не спать! Тревога!

Кто-то тряс его, и Максим открыл глаза. Лицо человека его будившего показалось знакомым, мгновение спустя он узнал его, это был новый командир второй роты их сводного отряда, Дмитрий Собакин, рода древнего, но не знатного. Отношения между молодыми (Максим был старше всего на год) сложились неплохие. Собакин был идеалистом старины, и воспринимал его за старшего не только по возрасту, но и происхождению, несмотря на формальное равенство армейского положения.

— В чем дело, Дмитрий? — Спросил он вскакивая. — Какая, в задницу, тревога?! Кто, где, чего?

— Орки решились на ритуал. Нам всем конец. Прислушайся, ничего не чувствуешь?

Максим быстро огляделся. Бойцы его роты все были уже на ногах, суетливо выстраиваясь в подобие строя прямо в кустарнике, где спали. Люди зло ругались разбирая оружие. Его помощник, Андрей Земцов, лично держал ротный стяг, угрюмо дожидаясь конца построения.

— Ритуал? — Неверяще переспросил Максим.

— Да, да! Неужели не чувствуешь? Меня уже начинает "вести". Вот гады.

Максим сосредоточился. Дело и впрямь было неладно. Что-то тянуло из него магию, почти незаметно, тоненькой струйкой. Неужели ритуал? Он повторил это вслух.

— Конечно, конечно! — Дмитрий говорил быстро и возбужденно, стараясь при этом не слишком повышать голос, чтобы не нервировать людей. — Ритуал, однозначно. Все сходится. Я обходил посты когда почувствовал. Слово за сердце кто-то взял. Думал мерещится. А потом ноги заплетаться стали, что за дела? Проверил себя — магия уходит. И спокойно так, никакой тревоги. Точно он! Попали мы. Да и сам подумай, — быстро зашептал он, видя, что товарищ еще не верит до конца, — что бы ты делал на их месте? Эти леса для них священны, и никакие договора этого не отменят. Они и лезут.

Максим продолжал колебаться. Верить в ритуал не хотелось, хоть он и знал непримиримость орков и их готовность идти до конца. Более того, он чувствовал всем своим существом, что товарищ прав, но хотелось оттянуть страшное признание хоть немного, хоть на несколько минут, пока он не поймет, что собрался с духом. Ритуал — это слишком серьезно, чтобы принять этот факт легко. Вероятнее всего они погибнут до единого. Надо что-то делать.

— Вот тебе и провели разведку! — Максим раздраженно сплюнул. Умирать не хотелось, но не это сейчас беспокоило. Избежать паники — вот задача. В конце-концов смерть неизбежна. А для боевого мага даже естественно встречать ее неожиданно. Не нравилось непонимание.

— Что же они прячут в этом лесу, если решились на такое?

Оркам тоже непоздоровится. Как только командование поймет что здесь произошло, так лес будет выжжен до последнего деревца. Жаль белочек. Но себя жальче. Максима вызвали вечером в штаб и поручили силами двух рот переправиться через Хельгу, чтобы поверхностно прочесать лес. По слухам там появились орки старших типов, а поскольку лес

относился к серой нейтральной зоне, то слухи следовало проверить. Вряд ли кто серьезно поверил в то, что донесли лазутчики, у страха глаза велики, да и что делать там оркам подобного ранга? Сигнал, однако же, был, и следовало отреагировать. Рутинная практика. Да и молодняк полезно выгуливать время от времени, а то засидятся. Дело было уже позднее, а потому Максим и не спешил, воображая, что неторопливость командира придает ему вес и вселяет в солдат уважение. Переправа завершилась уже затемно, отряд расположился на ночевку прямо у реки, взобравшись на довольно крутой и обрывистый берег, кое-как устроившись в густом кустарнике, который был здесь везде. В полусотне метрах начинался лес, и Максим решил отложить его изучение до утра. В опасность, то есть присутствие старших орков, он не верил, это как обнаружить в дозоре фельдмаршала, и просто лег спать, поручив первую вахту молодому магу, командиру приданной второй роты. И внезапно такое! Ритуал! В голове не укладывалось.

— Есть предложения? — Обратился он к Собакину.

— Ты же старший, ты и думай, — с видимой беззаботностью отозвался тот. Максим отметил, что он хорошо держался, хотя не понимал серьезность происходящего.

— Старший я, но проснулся первый ты. То есть даже и не ложился, — буркнул он в ответ, — значит соображать должен лучше. Какие мысли по ситуации?

— Мысли... Во-первых, мы чего-то не знаем. Но что-то известно, или можем предположить. Известно: лес как лес, из "священных дубовых лесов" орков, оказался на границе после прошлой войны, капищ не обнаружено, почему и не тронули. Серая зона. Неизвестно: что там забыли старшие орки, если наши шпики не напутали, а мне кажется что нет, и с каждой секундой все больше. Хотим мы или нет, а проверять придется. Возвращение невозможно. Мы будем выпиты досуха в любом случае, ритуал не прервать, а пока будем ходить туда-сюда, весь полк вырежут. Тебе хорошо с твоим объемом ядра, небось бы заметил неладное только утром, а мне уже и сейчас кисло.

Максим вздрогнул от этой мысли. Действительно, не пойдя он на незначительное, но нарушение устава, то есть не откажись от несения первой вахты лично, как должно сильнейшему магу, то вряд ли бы заметил что-то, списав на общий дискомфорт. И утром оказался бы единственным, кто еще может магичить, да в сильно ослабленном состоянии. Он кивнул и повернулся к своей роте, уже окончившей построение (Максим бы назвал это пробуждением). Слева от нее так же молча стояли люди Собакина.

— Боевая тревога. В лесу что-то действительно неладно, и спать у нас, как оказалось, времени нет. Выступаем немедленно. Повзводно, на более мелкие группы не дробиться. Интервалы между взводами двадцать метров. Щиты наготове, возможны обстрелы. В лесу орки (при этих словах люди зашумели), а ну тихо! При малейшей опасности — закрывайтесь в черепаху. Амулеты наготове. Отбиваться всеми копытами, самим вперед не рваться, товарищей не бросать. Мы с командиром второй роты будем атаковать и прикрывать одновременно. Ваша задача — отвлекать внимание и постараться выжить. Вопросы есть?

— Сколько там орков? — Выкрикнул молодой черноусый парень с секирой.

— Тебе хватит. Важно то, что они там есть. А быть не должно. Это нарушение договора, посещение нейтральной зоны возможно лишь под наблюдением наших сил. Орки в лесу — нарушители. А значит, будут драться отчаянно. Ветераны могут вам порассказывать на что способен орк, которого загнали в угол. Но отложим рассказы до возвращения в лагерь. Наша задача разведать и посмотреть что к чему. Не более. В любом случае, уже утром в лес войдут основные силы полка и зачистят все что шевелится. Мы должны лишь продержаться

немного.

— А почему нам не дождаться утра и не зайти вместе со всеми? — Спросил один из унтер-офицеров, кряжистый седеющий воин, помнивший еще осаду Гюнтербурга.

— Потому, что если мы вернемся с пустыми руками, то будем выглядеть как испугавшиеся собственной тени. Скажут, что вам почудилось, и две с половиной сотни мужиков с двумя магами убоялись ночных шумов безобидного леса. И орки могут успеть уйти, что лишь подтвердит. Мы идем на охоту, и загоним дичь. Еще вопросы? Вопросов нет. Выдвигаемся.

Максим врал, и врал отчаянно. Он прекрасно понимал, что ведет людей на заклятие, но говорить правду не мог, не имел права. Он знал, верил, что скажи он все как есть, то есть, что полк не доживет до утра, и некому будет идти на помощь, никто бы все равно не отказался (впрочем, пожелай кто, ему бы и не дали) от выполнения долга, но вести в последний бой людей знающих что они обречены не хотел.

Отряды молча вошли в лес. Идти было несложно, священные оркские леса вообще удобны для перемещения даже для конницы. Огромные вековые дубы, из которых они состояли, не давали достаточно развиваться другим растениям, и, при желании, по ним и ночью можно было даже бегать.

Люди шли сосредоточенно, стараясь не шуметь. Максим не лез вперед, с тревогой фиксируя, что отток маны от него усиливается. Прервать это он не мог, да и никто бы не смог. В чем и заключалась, собственно, опасность оркского ритуала, их древнейшего оружия, много раз "забытого", "стертого из памяти", "полностью утраченного" по итогам очередного поражения от магов, но неизменно применяемого в случае новой войны. "Но сейчас войны нет. Как же они решились, — думал Максим, аккуратно шагая мимо силуэтов могучих деревьев, — как посмели? Но, быть может, это и есть начало новой войны? От прошлой минуло всего три года, от позапрошлой тридцать девять лет. И орки были разгромлены. Не могли же они восстановить силы так скоро? Впрочем, скоро узнаю. Или нет. Как повезет, если не странно рассуждать о везении в подобной ситуации. Надеюсь, это будет хотя бы небесполезно. Бедный отец, я подвел тебя, хоть в том и нет моей вины."

Единственное на что он надеялся, так это успеть до взрыва и нанести пару-тройку последних ударов. Ритуал был страшным оружием. С его помощью оркам удавалось наносить тяжелые потери, да и то, что, несмотря на все поражения, их до сих пор не уничтожили как вид — его "заслуга". Как бы ни было, но опасность Последнего Ритуала останавливала магов, и заставляла, скрипя зубами, подписывать мир.

Ритуал. Страшное в своей неотвратимости и силе действие. Он тянул ману со всех живых, опустошая до нуля. И если простым людям это было еще ничего, лишь наваливалась усталость и раздражительность, то магам это была смерть, поскольку, опустошив запас маны мага, действие не прекращалось, выпивая само магическое ядро, разрушая и уничтожая его, что вело к долгой мучительной смерти. Вообще для магов слова ритуал и смерть были синонимами. Вовремя заметить, успеть нарушить ритуал, прервать? Это он и хотел, ради этого они с Собакиным и повели людей, понимая бесполезность для себя лично. Орки не умели сохранить собранную таким образом ману, лишь удерживали сколь можно дольше, после чего "отпускали", и магический взрыв добивал тех, кого еще не выкачали до дна. Максим видел территории после действия ритуала, был на них. Все то же, что и кругом, только словно трудно дышать и чувство ужаса мешает идти.

Радиус действия зависел от подготовки места и масштаба исполнения и ничего больше.

Потому все капища (о, да, ритуал страшен не только своим действием, но и исполнением) уничтожались вместе с лесами, в которых обнаруживались. Маги противопоставили этому массивность действий и артефакты. То что орки сами не владеют хоть сколько-то магией было спасением. Сразу после начала очередных боевых действий, спецгруппы магов запускали шары из голой маны с привязанной сигналкой, и туда, где какой-либо из шаров переставал передавать сигналы оповещения, сразу наносился концентрированный удар, усиленный артефактами. Это работало, орки несли потери, а главное, открывались проходы в их системе защиты. Плохо было то, что для минимизации потерь среди магов, приходилось рассредотачивать их среди людей, оставляя лишь особые спецгруппы, которые берегли. Любой маг-гвардеец, попадая в армию, автоматически получал под начало минимум роту людей. Полк имел в штате около двух десятков магов, не более, часто менее десятка, отчего противник получал возможность не только сдохнуть, но и прихватить побольше людей с собой.

— Я все, пуст до доньшка. — Голос Дмитрия вывел Максима из задумчивости. Он внимательно посмотрел на бледное лицо товарища, все покрытое бисеринками пота, и все же уточнил:

— Ты уверен?

— Уверен, — Дмитрий криво усмехнулся, — поверь, я не паникер. Только не паникую я. Страх нет абсолютно. Ядро уже начали жрать. Мне конец. Передай моим потом, что так и так, мол, смертью храбрых. А лучше не придумывай ничего. Тебе поверят.

— Мне? Потом? — Изумился Максим. Друг мой, но рядом с тобой и практически в той же ситуации. Не будет никакого "потом", увь. Моему бы кто передал по-людски и без пафоса.

— Не скажи, — Дмитрий облизнул пересыхающие губы и упрямо мотнул головой, — ты везучий. Говорят даже, что родовые дары, которые Соболевы скрывают, включают небывалое везение.

Максим хрюкнул и прикусил кулак зубами, чтобы не расхохотаться. Глядя на него, товарищ тоже улыбнулся, немного смущаясь, но все же продолжил свое:

— А ты знаешь почему именно тебя направили в разведку? Я был в тот момент при штабе, так наш полковник прямо и сказал, а не послать ли тебя, они, то есть вы, Соболевы, везучие невероятно. "Этому непременно должно повезти, — так и сказал, — обязательно найдет что-нибудь! А если ничего не найдет, то считай тоже повезло! Всегда везет, во порода какая!"

— Да уж, везение невероятное, — Максим развеселился, вспомнив "везение" своего деда, которому оторвало обе ноги и руку, а все кто с ним был погибли, — попасть под ритуал в пустяковом деле, когда войны нет, и идти на смерть, да поспешать, иначе и ударить даже раз не успеешь — прекрасное везение. Эталон из гоблинской палаты мер и весов.

— Как бы там ни было, а я твердо знаю, что если у кого и есть хоть какие-то шансы выжить, так это у тебя. Или я хочу в это верить.

— Хорошо. Передам лично. Но сам понимаешь, обещать не могу.

— Долго еще, как думаешь? — Дмитрий решил сменить тему. — Я скоро свалюсь, не хотелось бы так, перед всеми.

— Держись. — Максим не знал что ответить, он и сам уже был очень уставшим. Мана отбиралась все быстрее, словно из тела выпускали кровь, усиливалась апатия.

— Держусь. Даже продержался. Вот они. — Дмитрий нашел в себе силы собраться. —

Теперь прощай, Соболев. Ты иди сколько сможешь, я возьму на себя людей.

Не дожидаясь ответа, Дмитрий закричал:

— К бою! Щиты сомкнуть! Строй черепаха!

Орки напали молча. Огромные и страшные, как тени ночного леса, они появлялись словно из ниоткуда, вселяя ужас даже в бывалых бойцов. Люди загалдели, поддерживая себя шумом оружия, щиты гулко стучались друг о друга, "черепаха" ощетибилась.

"Меня хватит на три, от силы четыре удара, — думал Максим, уходя бегом вперед и в сторону, — на этом все. Прощайте. Собакин, надеюсь на тебя, люди не должны знать, что командир их бросил. Как и того, что выбора у него нет".

Дмитрий старался как мог, найдя в себе последние резервы, его громкий голос, отдающий команды, звучал все дальше позади, перекрывая шум боя, и Максим заставил себя перестать думать о нем и людях. Все они уже умерли, так же как и он. Но у него своя цель. Дойти до места ритуала. Любой ценой, пусть это и нелепо звучит.

— Это раз! — Прошептал Максим, выхватывая офицерский жезл. Несмотря на усталость, он ранее никогда не чувствовал себя настолько мобилизованным. Чутье, интуиция обострились до предела. Это позволило первым засечь группу из девяти орков, собравшихся под очередным дубом.

— Прощайте, ребята. — Максим ударил секущей волной через жезл. Семерых орков разрубило пополам, а оставшихся он просто захватил "воздушными петлями", чтобы не дать кричать, после чего свернул шеи, резко дернув на себя.

Время. Максим побежал вперед изо всех сил, стараясь не думать, полностью доверившись интуиции. Она и заставила его резко остановиться, кувырком уходя вправо. Там, где он только что бежал, в землю воткнулось копьё, или, скорее, кол, если судить человеческой меркой.

"Сверху!" — понял молодой офицер, и, не думая больше скрываться, встал в полный рост.

— Это два! — Максим всегда был хорош со стихией огня, почему и не использовал жезл когда запустил серию файерболов в кроны трех соседних дубов. Деревья вспыхнули как большие факелы, магический огонь потушить вообще сложно, так тут еще и в исполнении врожденного мастера стихии. Горящие тела корчащихся и воющих от боли орков посыпались вниз. Максим злорадно насчитал шестерых.

Цель была уже рядом, наличие дозорных на дубах указывало на это. Молодой офицер вздохнул, собираясь с последними силами. Нужен был лишь удар, один единственный удар, и ритуал будет испорчен. Да, ему это не поможет, как и оставшимся в лесу, но полк за речкой, хотя бы его часть, сможет спастись, пусть даже потеряв магов. Охотничий азарт развеял апатию, Максим ощутил дикую, страшную ненависть ко всем оркам, тем более приятную, что он уже ничего не боялся и не было нужды ни бороться с отчаянием, ни загонять страх и жалость к себе куда-то поглубже. Возможно, впервые в жизни, он почувствовал себя абсолютно свободным. Он засмеялся счастливым детским смехом, и пошел "куда глаза глядят", зная, что ноги сами приведут куда надо. Потому он не только не удивился, увидев себя на краю широкой поляны, над которой будто висела полная кровавая Луна, но и был совершенно готов. Здесь находилось капище.

Посредине были воткнуты в землю двенадцать крестов, составляющих круг, шесть обычных, на людей, и шесть огромных, на орков, чередуясь через один. Максим удивился, он никогда, разумеется, лично не наблюдал ритуал, но думал, что в жертву приносят только

людей. У каждого крестя находилось по огромному орку, с их неизменными копьями. В центре круга горел яркий костер, у него стояло четверо людей, поднявших руки к ночному небу.

— Нет, не людей, — поправил себя Максим, — это и есть настоящие орки. Старшие орки.

Видения. Продолжение.

Максим мягко шел не скрываясь. Он знал, что его заметили, и не желал быть приведенным под угрозой. Еще он знал, сам не зная откуда, что очень нужен этим оркам, и знание это каким-то образом ставило его выше их всех, не позволяя чувствовать себя обычным жертвенным бараном.

Всю ману, все крохи, что еще оставались не выпиты, он загонял в жезл, символ статуса и оружие офицера, используя его как накопитель.

Орки, стоящие у столбов, со стороны которых он подходил, повернулись, внимательно рассматривая его, но не делая ничего, не проявляя ни малейшей агрессивности. Когда он совсем приблизился, ближайший орк просто отошел в сторону, открывая проход в центр ритуального круга. Максим не колебался. Так же спокойно он прошел мимо распятого человека и, подходя к главной четверке, стоящей в центре, коротким движением бросил жезл им под ноги, демонстративно разоружаясь. Теперь он был пуст совершенно, и будь даже жезл наполнен под завязку, не смог бы им воспользоваться. Зачем это он сделал, Максим и сам не знал.

— Ну и? — Офицер, уже попрощавшийся с жизнью, и не думал проявлять слабость перед врагом.

Старшие орки внешне ничем не отличались от людей, что удивило Максима. Теорию он знал, что самые сильные и опасные орки вовсе не те всем привычные гиганты, а особи размером с человека, но сам ранее не видел их ни разу столь близко, а потому с интересом разглядывал их.

"Вот они, — думал он, — мои враги. Мои убийцы. Страх и ужас Европы, истребители эльфов, кошмар людей и угроза для магов. А выглядят как безобидные крестьяне. Внешность обманчива. Кстати, о внешности, из чего их плащи, из кожи? О, да, и я даже догадываюсь чьей. Ну и что эти уроды здесь затеяли?"

В сердце кольнуло, и Максим понял, что все, его отряд истреблен полностью, живых не осталось. Злости не было, когда храбрый человек отрешается от жизни, и готовится к встрече с Белой Госпожой как к чему-то решенному, он, так случается, становится выше подобных чувств. Лишь легкая нетерпеливость, от нежелания лишиться этого чем-то возвышающего чувства, подталкивала на провокации.

— Ну так и что же? Что вы здесь затеяли, упыри? — Офицер нагло плюнул на землю, надеясь, что тут для орков священо абсолютно все.

— До чего наглый молодой человек.

— Четкий, дерзкий...

— И это в присутствии женщины!

— Что с ними делает мундир?

Орки опустили руки и заговорили разом. Максим с удивлением заметил, что один из врагов действительно женщина. Красивая женщина. С идеальными чертами лица. Блондинка. Трое других были с виду юношами, внешность обманчива, но то чувство понимания, пришедшее к нему в лесу, сейчас только усилилось, став большим, чем обычная интуиция, и он не только видел, но и знал, что стоящие перед ним враги действительно молоды, младше его самого.

Удивляло, что в их взглядах не было злобы, ненависти, ничего недоброго, наоборот, орки разглядывали его словно старого приятеля.

— Ну здравствуй, кузен. — вышедший слегка вперед орк продолжил их импровизированную беседу, судя по всему, сразу с козырей. Офицер даже бровью не повел. Враг он и есть враг. Враг переломит с тобой хлеб, а потом заставит смотреть как убивает твоих детей. Максим спокойно встретил его взгляд.

— Так что вы здесь хотите, упыри? — Не принял доверительности Максим.

— Нам нужна твоя помощь, Соболев, только и всего.

— Знаешь мою фамилию? Неплохо. Но это уже все равно, не так ли?

— Нет, что ты! — Орк по-прежнему тепло улыбался. — Это совсем не все равно.

— Мы ждали именно тебя. — Вмешалась блондинка.

— Любопытно. Но не более.

— Не делайте вид, что вам абсолютно неинтересно, мы все ведь знаем, что это не так. Вы бросили своих солдат на верную гибель ради того, чтобы сказать "мне все равно"? Да, останься вы с ними, и результат был бы тем же, но вы оставили их, лишили офицера, прошли сквозь рощу, не бескровно, заметьте, и все для того, чтобы включить режим солдафона? Вам не идет.

— И зачем же я пришел по-вашему?

— Нарушить ход ритуала, разумеется. — Охотно подхватил "кузен". — Это естественно для вас, как мага и офицера. Инстинкт и долг. Вам и самому неясно, что из этого сильнее, но нам, со стороны все виднее. Инстинкт. Инстинкт вел вас, Максим, инстинкт привел вас, и вы ждете его подсказки, ведь сами вы понятия не имеете как совершить задуманное.

Максим презрительно усмехнулся, пряча мелькнувшее смущение. Орки говорили правду, он действительно это знал. Но зачем?

— Инстинкт — грубое слово, уравнивающее с примитивными животными. Но это полбеды, оно еще и ложное в данном случае. Вас вел не инстинкт, Соболев. Вас вела Магия. Она довела вас, успокоилась, и превратилась в наблюдателя. Потому вы и "не знаете" что вам делать, но стоит произойти неким событиям, как она поведет вас вновь, в этом нет сомнений. И это именно то, что нам и нужно от вас.

— Если вы впрямь желаете, чтобы я понимал вас, извольте изъясняться понятнее. — Процедил Максим, не думая следовать чужим правилам игры.

— Вам придется понимать мои слова в том виде, в котором они произносятся, дорогой кузен, они вполне доступны для этого. Ситуация такова, что объяснить вам придется многое, например то, что мы приглашаем вас принять участие в ритуале. Время пока есть, ведь он еще не начался, кузен.

— Не начался? Что же это? — Максим насмешливо указал на распятых. Сейчас он разглядел, что положение людей на крестах и орков разное. Люди, были мертвы, убиты... нет, даже не убиты, а лишены жизни долгим и мучительным способом. Из них фактически слили почти всю кровь через определенные надрезы на ногах, и под каждым стояло ведро с крышкой. Орки же просто висели, обнаженные, но живые и неповрежденные, привязанные, а не прибитые к своим крестам.

— Это? Это, дорогой кузен, заготовка ингредиентов. Здесь нет ничего кроме материала, ничего, что нельзя трогать. Так что, если хотите, вы можете не только плевать, но и помочиться в костер. Чувствуйте себя как дома.

— Небывалое гостеприимство со стороны орка. Польщен. Впечатлен. Горд. — Максим

начал раздражаться и не думал это скрывать. — Осталось предложить угоститься человеческой и образ станет совсем как из детских сказок. Каконичный.

— Человечиной... Вы знаете, кузен, мы ведь не питаемся людьми. Не путайте нас с эльфами.

— Неужели? Впрочем, не буду. Сравнение вас с эльфами, упыри, будет беспардонной и незаслуженной лестью.

— А вы знаете, почему мы не питаемся людьми? — Орк, казалось, был само терпение, не замечая оскорблений и никак не выказывая и тени неудовольствие.

— Потому что вы пьете только кровь, как хорьки, да? — Рассмеялся маг.

— Знаете что я чувствую? Вот вы, кузен, просите грубость, и надеетесь на нее. Однако, могу лишь огорчить вас. Не надейтесь. Дело не в том, что я или мои друзья отличаемся терпением и кротостью, не тем, что кто-либо из нас привык выслушивать подобное и оставлять безнаказанным, вовсе нет. Дело в том, дорогой кузен, что единственное чувство, испытываемое от беседы с вами — наслаждение. Истинное наслаждение. И я не променяю его на нелепую пикировку, уверен, что мои друзья тоже. И я прощаю вам все разом и заранее. Говорите что вам угодно, я навсегда оставлю это в памяти, и буду вспоминать как лучший момент своей жизни. Вы неразумны, кузен, но недостаток чужого разума не вызовет гнева создателя, лишь понимание и тягу к работе. К просвещению. Вы не ответили, то есть ответ ваш неверен. Мы не пьем кровь людей в качестве пищи. При проведении ритуалов — да. Немного. Но почему мы не едим людей, как эльфы? Подумайте, Соболев, вы умны, нам известно это. И еще нам известно все что вы, именующие себя магами, думаете о нас, все ваши рассказы, от упомянутых вами детских сказок, и до параграфов воинского устава. Все это создает образ, но не отвечает на вопросы. Неужели вы их не задаете себе, хотя бы размышляя о том, как перебить нас всех до единого? Мы ведь для вас как звери, разумные звери. Потому более опасные. А зверство обязывает... и все-таки тогда почему?

— А вы разве не едите? — Усомнился Максим. — Да, не припомню конкретных случаев, ну и что? Ваши дела похуже людоедства. На фоне ваших поступков, назовем это так, быть или не быть съеденным — сущая мелочь.

— Мелочь? Вот уж действительно мелочь! Однако, в этой мелочи, как вы выразились, заключается нечто более важное. То что ускользает от вас, кузен, а правды вам никто не сказал, конечно. Не буду вас томить. Мы не едим людей по той простой причине, мой недогадливый кузен, что мы сами — люди.

Это утверждение, произнесенное с таким апломбом... Максим не знал, что может так смеяться. С минуту, долгую минуту он ошеломленно смотрел на орка, всего исполненного внутренней торжественности, переводил взгляд на остальную троицу, стоявшую с видом абсолютной убежденности правоты, пока не смог, наконец, согнуться в приступе сильнейшего хохота.

Орки терпеливо ждали пока маг придет в себя.

Когда Максим вновь обрел способность говорить, он чувствовал сильнейшее облегчение. Все оказалось не так страшно, как сперва показалось. Здесь только горсть умалишенных орков, и пусть для него разница невелика, было приятно думать, что это не война, теперь он знал это наверняка.

— Вам известно, мой генильный упырь-кузен, что смех продлевает жизнь? При других обстоятельствах, я бы даже поблагодарил вас, ибо вы накинули мне лишний год, не меньше.

— Могу добавить вам еще один, сказав, что называя вас "кузен", я не юродствую, а

говорю то что есть буквально. Вы мой кузен, поскольку родственник. Дальний. Но и очень близкий одновременно. Вот ведь как бывает, господин офицер.

— Продолжайте, я не откажусь и от третьего года. Да, вы меня удивили. Поразили. Ошеломили. Что угодно думал услышать, но такое. Орки — люди. Это великолепно. Может и эльфы — вампиры? Вы не стесняйтксь, я с удовольствием выслушаю.

— Рад, что желания наши совпадают, кузен. Выслушаете. В этом была заключена первая часть моей задачи, чтобы вы выслушали. Время есть, ритуал, принять участие в котором я надеюсь вас убедить, начнется с первыми лучами солнца. Как символ начала новой жизни. Кстати, вы заметили, что ваше ядро не разрушается более?

— Заметил.

— Это потому, что вы вошли в круг. Он звал вас. Стоит вам сделать шаг за пределы его — и мана снова потечет из вас.

— Клетка. Понятно.

— Вы не просто так здесь, кузен. Гретхен, — орк кивнул на блондинку, — сказала правду. Мы ждали именно вас, Соболев. Раскол наш зашел слишком далеко. Пришло время, или нет — не знаю. Все это только слова. Одно знаю вполне точно — я попытаюсь. Безумие войн между своими должно уйти в прошлое. И потому мы с вами здесь.

— О, так вы еще и пацифист. Упырь-пацифист! Мне начинает казаться, что я попросту сплю, сейчас меня разбудят, и..

— Совершенно верно. Именно, что спите. Но я пробужу вас. Позвольте все же зайти издалека, да, меня тоже снедает нетерпенье, но дело очень уж важное, и в нем не может быть мелочей. Простите за слишком общий вопрос, но скажите, а что вообще вам, Максиму Юрьевичу Соболеву, известно о тех, кого вы зовете орками? Прошу вас.

— Легко. Это те, кто перебили моих людей нынче в лесу, те, кто выпустили кровь из полдюжины людей, из которых трое были женщины, здесь на крестах, те, кого мы раздавили три года назад, и те, что не уймутся пока не будут истреблены до единого.

— Прекрасный ответ, кузен. Но, как и все подобные ответы, он несет в себе предпочтения отвечающего, то есть выбор с какого момента отсчитывать события. Обыкновенно — с удобного для его точки зрения. Мой долг, дорогой кузен, дополнить ваш ответ, чтобы вы не умерли в неведении ненароком.

— Хотите прочесть мне лекцию от сотворения мира?

— Нет. Это было бы затруднительно, поскольку подобная древность мне неведома. Всего лишь от сотворения орков.

— Воображаю. Но извольте.

— С удовольствием. Как я уже говорил вам, орки — это люди. Не смейтесь, вы ведь тоже человек. Маги — люди. Или вы настолько увлеклись своими бесценными эльфами, что приняли их взгляд за свой?

— Маги не совсем люди. Сложно считать себя человеком, столь сильно отличаясь от них. О некой общности спорить не буду, но магия меняет все. И не передается полукровкам.

— Да-да, в этом и была причина раскола. Продолжу вас удивлять, вы ведь знаете кто мы в рангах тех, кого вы зовете орками?

— Старшие орки. — Максима стала забавлять эта ситуация. Склонность к черному юмору находила своеобразное удовольствие от абстрактной беседы рядом с висящими трупами.

— Мы маги, Максим. Такие же как ты. И люди. Как ты и все прочие люди.

Офицер очень наглядно зевнул.

— Наш род носил фамилию Лисины, — орк начал торопиться, — нас было трое, три самых сильных, могущественных рода. Орловы, Лисины, и вы, Соболевы. Не знал? Еще бы Вы почти уничтожены, остались ты да отец. И то — младшая ветвь. А ведь были огромным, могучим родом.

— Младшая ветвь? — Максим окончательно уверился, что орк сошел с ума. Историю своего рода он, как и любой маг, знал отлично. Она была старая, но были рода подревнее. Сильная, но были и сильнее. Ничего подобного рассказываемому "кузеню" родовая история не содержала.

— Все было так, как я говорю. Орел, Лис и Соболев решали все. Но троих равных хозяев быть не может. Трое — немножечко многовато. Должен быть лишь один. Так считали Орловы, и да, если ты не знаешь прошлого собственной семьи, то, вероятно, тебе известна фамилия вашего царствующего дома?

— Известна, ну и что это доказывает? Орловы тоже не сказать, что невероятно сильны. Да и с древностью там есть вопросы.

— Они желают, чтобы так считали. Оставшись без конкурентов, то есть нас, но об этом позже, Орловы сами себя загнали в ситуацию необходимости контроля втрое большего, силами втрое меньшими. Начавшееся противостояние с нами еще сильнее осложнило им жизнь. Поняв, что не удержат все, Орловы выбрали быть первыми среди равных.

— А вы?

— С нами сложнее. Наш предок был идеалистом, и смею надеяться, мы не совсем растеряли эту черту за прошедшее время. В том и состояла и состоит суть конфликта с Орловыми, что моему предку не нужна была власть. Полные противоположности. Орлов мечтал о короне. Орлов предлагал поделить подвластные территории на три части, где каждый бы делал что заблагорассудится. Европа, Русь и Сибирь. Все что было тогда, да и сегодня, населено людьми.

Нам досталась Европа. Орловым — Русь. Вам — Сибирь.

— Интересная сказочка.

— Она только начинается. Орлов ведь не просто так предлагал дележ. Неужели тот кто бредил властью, своей личной, абсолютной властью, делился бы с кем-нибудь по доброте душевной? О, нет, у него, у его рода, словом — у них был план. Я не могу здесь говорить вполне определенно, со стопроцентной уверенностью, ибо наши архивы уничтожены в одной из войн, где ваши неведомо, до царских закромов не добраться... Но не на то ли дан человеку ум, чтобы проникать в нечто, с виду запутанное? Я сопоставил все что сумел собрать о том периоде, все обрывки информации, научился читать между строк, смотреть на то что вышло, а не на то, что изначально декларировалось. Буквально все, любую статистику времени, вычленял нестыковки, выделял "белые пятна", читал мемуары, сравнивал, считал, искал. Смею надеяться, что я лучше всех смог понять как тогда развивались события. Помогло то, что одной странной ночью меня осенило. Я проснулся, вскочил и бегал держась за голову, оглушенный ясностью собственного понимания. Даже кричал. А далее было легко. Все найденное отныне, все добавки, любые новые данные, все, решительно все идеально дополняло увиденную картину. Ни единого исключения. Отныне ничего не запутывало, только распутывало, открывало новые грани, добавляло красок тем временам. Великим и чудовищным временам. Знаете, попутно я понял какими гигантами были личности той эпохи, по сравнению с которыми мы словно черви. Даже Орлов, главный злодей века —

невероятно сильная и многогранная личность. Даже... Об этом можно говорить долго, очень долго, и я надеюсь, что мы с вами получим на это время. Скажите, вам разве не интересно узнать то же, что узнал я?

"Да это истинный фанатик, — подумал Максим, — пусть изливает свои бредни, иначе лопнет и забрызгает мундир".

— Интересно? Пожалуй, да. И что же вы там накопили, юный детектив-конспиролог?

— Немало накопал, немало, мой недоверчивый кузен. Во-первых, не могу не признать, что главной причиной появления и осуществления у Орловых замысла дележа, была личность моего предка, Лисина. Я уже говорил, что он не стремился к власти, но к чему же он стремился? Предок мой был личностью необыкновенной, как и все они. А может это нам сейчас так кажется, а для тех времен все они были вполне заурядны? Не важно это. Важны их стремления, помыслы, а у пращура была одна мысль — стереть грань между людьми и магами, вернуть все в старину совсем глубокую, в Золотой Век Магии, когда магами были все люди, вы понимаете?

— Признаюсь, не религиозен. На уроках Закона Божия я, обыкновенно, спал.

Орк улыбнулся.

— И я не религиозен, кузен. Но предок мой смотрел на мир иначе, и что нам кажется выдумкой для утешения людей, для него, человека религиозного, верующего, и верующего истово, все описанное в Книге было реальностью. От Сотворения Мира и далее. И он мечтал вернуть магию всем, уничтожить неравенство, стереть рабство (тогда оно процветало, напомним) с лица земли, вернуть людям честь и достоинство, чтобы никто не мог угнетать другого просто по желанию и от полной безнаказанности.

— Ваш предок был изрядный фантазер. Даже удивительно, что с подобными замашками его не канонизировали.

— Да, он был бы достоин. Но вера — не всегда лучший советник. Он не знал, просто в силу времени, не мог знать то, что знаем мы благодаря ученым. Он верил в истину Книги. А спали вы на занятиях или нет, но общую теорию помнить должны, ведь она окружает вас повсеместно, и, несмотря на все оцивилизовывание, прочно вбита в нормах морали вашего общества. Что магия была у всех, что люди лишены ее возможностей за грехи, и лишь безгрешные и их потомки остались магами. А потому — все деяния магов богоугодны. Ученье удобно. Делай что хочешь, благодать господняя с тобой, а кому не нравится, тот пусть подумает за какие такие грехи ему это, да прощения еще просит. А пращур мой... он задыхался от всеобщей окружающей несправедливости и скотства. Тем более он видел какой нравственный вред вседозволенность и бескрайняя сила наносит самим магам. И мысль вернуть все встарь засела в нем крепко.

— Не могу не заметить, что и вы, если не ошибаюсь, задумали нечто схожее. — Максим не удержался от шпильки, хотя рассказ странного орка понемногу заинтересовал его.

— Польщен, но вы не правы. Главное мое отличие от предка состоит в том, что он смотрел в прошлое, тогда как я смотрю в будущее. Но об этом потом, вернемся к пращурам.

— Звучит словно зловещий оптимизм.

— Он был великий ученый для своего времени, но, увы, тогда попросту не знали о наличии магического ядра и его значении. Считалось, что магия просто есть, и одни могут ею пользоваться, избранные Матерью, а другие не могут. Мой пращур искал в чем же конкретное различие! И, как водится у людей столь же упорных, сколь и одаренных — нашел его! Вы удивитесь, Максим Юрьевич, но открытию наличия энергоканалов мир

обязан именно ему.

— Вот как.

— Именно. Он ухватился за свое открытие как голодающий за тарелку с едой, провел тысячи экспериментов, установил совершенно точную корреляцию между возможностями магичить и развитостью энергоканалов, и, увы, сделал неверный вывод.

Он посчитал, что нужно развить и расширить энергоканалы людям, после чего они естественным образом вернутся к Магии.

— А... сколько... вы простите, но...

— Я понял ваш вопрос. Свыше пяти тысяч. Столько людей погибло при его опытах. Сущая мелочь в сравнении с миллионами, которых мучают просто так. Не находите?

— Нет. Не нахожу.

— Люди — рабы магов. Которые те же люди.

— Рабы так не воюют как люди.

— С чего вы взяли? Заидеологизированный раб очень боеспособен. А если он еще воображает себя свободным, то врагам его хозяев и вовсе не поздоровится.

— Теория. Раб, искренне считающий себя свободным человеком, уже не раб, а свободный человек, вы не находите?

— Практика. Даже поверхностный осмотр общества Руси, его структуры, взаимоотношений, прав и обязанностей, даже беря за скобки столь неподражаемую вещь как ваша Арена Справедливости, вот положив руку на сердце, вы и правда считаете, что ваши люди — не рабы?

Максим неприятно осклабился. Разговоры о несправедливости в обществе были нередки в среде офицеров. Особенно молодых. Было немало споров, ссор, даже дуэлей. Проектов, идей, предложений. Но все это была внутренняя кухня, что-то свое, личное, и делиться этим с чужаком, более того — врагом, было не по нутру. Вбитое с колыбели воспитание отвечало высокомерным "не ваше дело, любезнейший", потому Максим резко одернул орка, предложив тому разглагольствовать о чем-то другом, своем предке, например, раз тот ему столь угоден.

— Да, разумеется, — ничуть не рассердился тот на отповедь, — о нем я и говорю. Если коротко, то пращур мой пришел к логичному выводу о необходимости улучшения людской породы, людских тел, дабы энергоканалы стали достаточны. Он искал, он нашел, он трудился, он работал, тратил все время на собственную идею, и добился определенного результата, представьте себе. Вам эти результаты превосходно известны. Понимаете?

Максим понял.

— Так вы хотите сказать, что орки..

— Да! Да! Да! Он не сумел, из-за изначальной ошибочности суждений, сделать из людей магов, но он сумел создать сверхлюдей. Более сильных, более здоровых, более умных, куда более свободолюбивых, более даже крупных. Вы их зовете орками.

Максим не знал как комментировать подобное. Враг, тем временем, продолжал:

— Вернемся к замыслу Орлова. Тот разделил владения весьма ловко! Себе оставив самый развитой центр, разделил чисто географически своих конкурентов, а таковыми он считал всех, кто мог с ним тягаться в силе магии. И Европа и Сибирь в те годы были населены больше эльфами, чем людьми, в Сибири их и сегодня свыше трети, в расчете на то, что Лис и Соболь приведут территории к ногтю, "окультурят" их, после чего все будет поглощено Орловыми, которые, тем временем, за счет конфликтов с новообразованными

соседями, приведут к порядку и общему знаменателю саму Русь. И его план почти удался!

Преобразовав всю былую вольницу в централизованное государство, Орлов обратил, наконец, внимание и на соседей, им самим созданных. Первым делом — на запад, на земли Лиса. Это казалось легкой целью...

Орлов считал моего пращура дураком, оторванного от жизни. Он был умен, этот Орлов, он даже верно предсказывал, что Лис доиграется, что Магия не любит шуток. Представьте себе: мой предок сумел создать сверхлюдей, но одновременно лишился ядра. Такова была плата. И, соответственно, лишился магии. Жертва ядра, пусть и невольная, стала ценой успеха. Как он смог жить дальше после этого — не знаю, и никто не знает. Других примеров выживания после потери ядра история не знает.

Орлов ликовал, удача сама шла в руки. Лис сам себя лишил силы, казалось ему, лишился магии. Кто он теперь? Безумный создатель горстки мутантов? С таким и говорить нечего, не смог удержать свои земли! Маги вообще тогда ликовали, никто ведь не понимал почему всего двум родам, пусть и таким как наши с их вассалами, достались столь громадные территории, но теперь они поняли и восторгались мудрой прозорливостью Орловых, и уже делили Европу на вотчины. Воевать было попросту не с кем, легкая прогулка. Эльфы что, эльфы не противники, а даже союзники. Мутанты начали их геноцид, ужас, ужас, скорее же спасем несчастных людоедов! И представьте себе какое изумление охватило тогда магическую Русь, когда прогулка обернулась разгромом и тяжелейшим поражением! Эта война, самая первая, начисто вымарана из вашей истории.

— И много у вас таких вот "побед", никому кроме вас неизвестных?

— Врать не буду, всего одна.

— Негусто.

— Мы еще живы. И, несмотря на все поражения, становимся только сильнее. Вы утешаетесь картами, на которых помечено какие земли и когда вы у нас отобрали, но это всего лишь видимость. Пружина сжимается все сильнее, и близок час, когда она разогнется. У вас не останется даже Сибири. В принципе, все готово уже сейчас.

— Ну так вперед и с песнями. Что вас останавливает?

— Кто. Вы.

— Я?! С удовольствием, конечно, но каким образом?

— Ах, — враг театрально замахал руками, — не лично вы, Максим. Соболевы.

— Отец?! — Еще больше удивился офицер. Рассказ не произвел на него особого впечатления, но что-то такое в нем было, и он пообещал себе подумать об этом. Потом. После смерти, например.

— Вы великий род. Вы были, есть и будете, что бы не происходило. Вас ведет сама Магия. Как вела моего предка, как ведет, что уж себя обманывать, и Орловых. В этом отличие трех самых сильных и древних.

— Вы, должно быть, не поняли, но наш род, хоть и славен, не является ни одним из самых древних, ни одним из самых сильных.

— Вы ошибаетесь. Очень крупно. И я не могу, не имею права открыть вам глаза вполне, это должен сделать лишь ваш глава Рода и ваш отец по-совместительству. Ему вы поверите?

— Безусловно. А вам — нет, не взыщите. Что же вам делать?

— Вам известна суть ритуала?

— Нет.

— Это смешно, но верю. Орловы всегда Орловы. Так вот, если кратко, то ритуал качает

магию отовсюду в радиусе определенном массой жертвоприношения.

— А, это. Это известно.

— Но как это происходит? Очень просто: с жертвы сливают кровь, проводник магии, стараясь сделать это возможно медленнее. Магия — сама природа, она стремится восполнить потери. А свободные люди (для вас все те же орки) за счет энергоканалов, развитых до уровня мага, резко усиливают переток, занимают место некой трубки... Как же вам объяснить... Словом, удастся немного "обмануть магию", которая начинает тянуться отовсюду, чтобы заполнить кажущееся опустошение будто бы полноценных магов, и чем больше свободных людей участвуют в ритуале, тем он мощнее. То что вы видите — еще скромно. А жертвы что, жертвы нужны лишь для того, чтобы запустить насос, образно выражаясь. Круг — наиболее эффективная схема, тогда магия идет по спирали, и на выходе даже мы, лишившиеся ядра, можем немного ощутить эту силу и поддержать ее. До поры. Если перегнуть — магия вырвется и произойдет взрыв. Обычно так и происходит, когда война, потому у вас могут быть не совсем верные данные. После взрыва местность истощается в магическом плане. Вся накопленная масса рывком стремится вернуться прежним путем, мы сами это не до конца понимаем почему именно так, и выходит выжигание всего и вся от переизбытка. Местность после долго восстанавливается, в магическом плане.

— Кстати, а почему из меня перестала течь мана, когда я вошел в круг?

— Потому что здесь специально сделали течение маны через внешний контур, — улыбнулся "кузен", — обычно никто не заморачивается с подобным, вам оказана честь.

— И зачем я вам? — Мало что понявший из объяснений офицер сощурился. "Если твой предок был такой же клоун, то извини, "кузен", я за присягу и Орловых", — подумал он.

— Вы должны... Нет. Мы хотим просить вас принять участие в новом ритуале. Сделать небывалое. Закончить работу моего предка. Вы сможете создать магическое ядро для нового человека.

— Я? Сделать из орков магов? Да легко! Но каким образом? И зачем?

— Вы, кузен, способны повторить то же самое, что и мой предок. Только он, из-за неверного понимания, не знал что именно делать, но вам мы подскажем.

— Так что же именно? Да и вы говорили, что сами без понятия как и чего там натворил ваш гений?

— Вы удержите, притормозите обратный ток маны, когда мы отпустим собранную массу. А говорил я, что неизвестно как именно он создал новых людей, это верно. Непонятно каким образом трансформировались тела! Однако же, как он добился роста и укрепления энергопотоков секретом не является. Да в любой семье магов так тренируют детей. Дается нагрузка с прокачкой маны, объем которой чуть выше текущей нормы, но немного, они и растут, вынуждаемые пропускать больше маны. Вам ли не знать? Обычная тренировка.

— Угу. Только чуть-чуть и, главное, не переборщить. Что будет в случае чрезмерности мне тоже прекрасно ведомо. Вы же предлагаете самоубийство, я вас правильно понимаю?

— Нет, нет. Вы останетесь живы, в этом нет сомнений! Но жизнь станет другой, это правда. Мой предок удерживал обратный поток маны столь долго, что потерял, разрушил собственное ядро. Но добился своего, энергоканалы первых Новых Людей развились достаточно, чтобы вы видели тех кого видите. Дал полноценную жизнь новому виду. Стал если и не на одной ступени с Создателем, заявлять такое было бы слишком, но смог приблизиться вплотную, что для обычного человека предел возможного. Он достиг его. Я

хочу предложить вам занять не меньшее место в истории. Стать не обыкновенным продолжателем его дела, эта немудреная участь досталась нам, его потомкам, а продолжателем дела.

— Помочь вам создать орков-магов, и, заодно самому лишиться ядра, я вас правильно понимаю?

— Да нет же! Вы не только не погибните, вы сохраните ядро. Мой предок действовал вслепую, вы же... Мы все рассчитали. Почему и первый настоящий ритуал будет небольшой. За эти столетия ритуалы сбора маны изучены и исчислены. В данном случае мы удержим ману до первых лучей Солнца, что уже совсем скоро. А дальше — она рванет назад. И ваша задача тормозить эту мощь, которая пойдет через первых избранных, — "кузен" указал на висящих на крестах орков, — стать первым барьером, а они пустят ее по кругу, сбрасывая излишек, но нужную часть замкнут, наматывая подобно веретену. В итоге у них должны образоваться магические ядра, пусть слабенькие, пускай даже подобие, но свои. Это если кратко, не вижу необходимости загружать вас подробностями, их слишком много.

— Вы предлагаете мне удержать водопад руками?

— Не удержать, рассечь, притормозить столько, сколько сможете. Не более того.

— Вы предлагаете мне участие в эксперименте по созданию орков-магов?

— Да. И что в этом плохого?

— Вы с ума сошли.

— Вы можете отказаться, это ваше право, кузен.

— Разумеется, я откажусь. Создать врагакратно сильнее чем был? Кому угодно предлагайте это, но не мне. Вам нужно добровольное согласие, ведь потому вы так стараетесь? Вы не получите его. Это невозможно. Можете убивать.

— Убить вас? — Орк грустно и тепло улыбнулся. — Ни в коем случае.

— Тогда что?

— Максим Юрьевич, то что вы здесь — результат спецоперации. Мы ведь не сборище диких племен, а государство. Не усмехайтесь, ваша Русь признает это во всех договорах. И возможности наши не столь малы, чтобы не суметь организовать нужную встречу в нужном месте. Мы и организовали. Неужели вы думаете, что все это ради того, чтобы вас ликвидировать в случае отказа от сотрудничества? Ритуал будет завершен в любом случае, вопрос лишь как именно.

Вы согласитесь — хорошо. Вы отказываетесь, а это было изначально куда более вероятно, не принимайте нас за сумасшедших глупцов, и тогда мы завершаем так, как привыкли. К вам не будет претензий. С нашей стороны.

— И я смогу уйти?

— Разумеется. После обратного выплеска маны. Пока же для вас опасно выходить из круга. Кстати, как вы думаете объяснить небывалое своему начальству? Что ваши люди, ваш полк погиб, а вы целы и невредимы?

— О, наконец-то! Старый добрый шантаж! — Максим тоже заулыбался. — Очень просто, я расскажу все как есть и Магия подтвердит, что я не лгу.

— Да, разумеется. Вы расскажете, что проклятые орки устроили ритуал, угробили имперский полк, и все ради того, чтобы рассказать вам о вашем происхождении, ведь, по их словам, вы родовиты как император. Более того, они и ритуал провели не совсем обычно, так что даже ядро ваше не пострадало, очень заботливо. Вы это сделаете, кузен?

— Да, при подобной подаче звучит своеобразно, — офицер снисходительно оглядел

орков, — но мне будет достаточно сказать другое. И поклясться магией.

— Что же именно, позвольте полюбопытствовать?

— Нет уж, сперва вы договаривайте. В целом, я и так понимаю. Вы отпускаете меня, я прихожу к своим, так и так, вот перед вами феномен — выжил после ритуала, в котором все погибли. Дивитесь. Все и дивятся, да только не верят. Клятва магией — дело хорошее, но что-то здесь ведь не то, не бывает такого! И шепотки, шепотки, косые взгляды. А потом и несправедливость не за горами! Награды не будет, неудобно, раз все погибли, но это еще ладно. Затем здесь обошли, здесь подвинули, тут "забыли", и вот он, Максим Соболев, уже зубами поскрипывает, да вас припоминает. Может и правы вы, а? Он ведь гордый дурачок, как и все военные, с самолюбием. Зачем давить, когда сам созреет? Мы ведь ему об уникальности лапши навешали, избранный, особый, сама Мать Магия его ведет. Вот и приведет его к нам, а те, на той стороне, нам в этом помогут. Так? — И офицер еще раз презрительно сплюнул под ноги "кузена".

На лице у того промелькнула тень, но едва заметно. Он по-прежнему держал выражение того, кому открылась некая тайна, которая делает своего обладателя выше вот этого всего окружающего.

— Нельзя заставить человека считать иначе, чем он желает, — мягко согласился он, — потому и пытаться не буду. Считайте. Вы правы во многом, да, но не сложно видеть то, что от вас и не пытаются скрыть. Да, я надеюсь, что после вы вспомните здесь сказанное, прокрутите все в голове и задумаетесь.

— К чему тогда вся эта клоунада со "скорее, нет времени"?

— Все относящееся ко времени — относительно. Вы были натянуты как тетива, поддерживать вас в этом состоянии требовалось для того, чтобы вы все-таки выслушали, а не стремились натворить глупостей. Вас разоружили, откачав ману, но человек способен на всякое, когда уверен в неизбежности скорой смерти. Затем, было важно показать вам ритуал изнутри, какое бы отвращение это у вас не вызвало. Впрочем, ряд ваших магических практик ничем не лучше. И, в отличие от людей именующих себя магами, мы всегда приносим в жертву и своих. Эти шестеро на крестах скоро погибнут, только лишь мана будет отпущена. Ничего не поделать.

Но вы, Максим, подумайте о другом, об общем. — Внезапно вышла вперед блондинка. Сейчас она казалась еще прекраснее. — Неужели справедливо, что маной могут пользоваться лишь немногие? Ее много, она необъятна, но дается лишь горсти людей. И как они используют ее? Во благо людей? Или для удовлетворения собственных прихотей, почти всегда низменных? Да, людей лечат, помогают, следят, чтобы не было голода, но это бездушная забота пастухов за стадом овец. И все зависит только от настроения и желания магов. Это правильно? Да, если мир так устроен. Но правильно ли это, если возможно все изменить? — Она говорила пылко и горячо, почти вплотную приблизившись к лицу Максима. Опомнившись, смутилась отступив, и виновато посмотрев на главного орка.

— Прости, Генрих.

— Ничего, Гертруда. Наш гость все будет решать сам. Все зависит уже не от нас, остается лишь ждать. Магия ведет его, хоть он сам и не верит в это, но я, лишенный магии, верю в нашу Мать, и знаю, что она не сможет терпеть несправедливость вечно. Нам нужны именно вы, Максим, а не абстрактный маг... Впрочем, я повторяюсь. Однако же, пора начинать... мана скоро потребует выхода. У вас, Соболев, сегодня день чудес. Вы увидите "взрыв" ритуала, и вновь останетесь живы. Как и мы, впрочем. А новые люди погибнут, увы.

Вы готовы? Желаете что-то сказать? Говорите, но поскорее, времени сейчас нет совсем.

— Да я одного понять не могу, — в некоторой задумчивости протянул офицер, — если вы так почитаете Магию и так много о ней знаете, то как вы могли не учесть то, что известно любому магу с детства? Я ведь все думал, что это какая-то изошренность, часть некоего замысла, почему и не спешил вам подыгрывать. Но вот теперь перестал понимать.

— Что вы имеете в виду, кузен?

— Только то, что вот вы откачали у меня ману до нуля. А после перестали откачивать, по вашим словам, чтобы "не повредить ядро", так?

— Да, да, именно. И что же? Скорее!

— Но если ману перестать откачивать, то ядро начнет немедленно производить ее самостоятельно. Для этого не нужно собирать ее непременно извне, хоть так и проще, но..

— Вы хотите сказать..

— Что на Святой Руси много неправильного, но это не повод для того, чтобы отдать все оркам!

Максим призвал жезл, тот мгновенно прыгнул в руку, и офицер нанес удар всем чем мог.

День 94. Окончание.

Не знаю сколь долго продолжались мои видения, но противник уже вышел на Арену. Я не мог сразу отрешиться от увиденного, и потому смотрел на них как досадную помеху, мешающую оценить хороший фильм по свежим впечатлениям.

Надо было, однако, что-то решать, и пришлось сосредоточиться. Убийц (а как еще назвать этих магов?) было много. Я насчитал двадцать восемь единиц этой маленькой магической армии. Странноватым казался их возрастной состав. Шестеро были уже в возрасте, внешне похожие друг на друга толстошеии усачи, полноватые, одетые плохо, но с претензией. На вид — гонористая польская шляхта, изрядно поиздержавшаяся, любящая выпить так, что уже не способная скрыть этот факт. Все остальные — совсем молодняк, пятнадцати или шестнадцати лет, еще дети. Или вчерашние дети. И это сплоченный опытный боевой состав? Во всяком случае, я иначе представлял себе магов-помещиков, да еще способных вертеть городскими чиновниками, пользующихся прямой поддержкой государя. Подумалось, что здесь явно что-то не так.

Задумался еще и о том, нужно ли мне расчеловечивать противника, ведь что значит "убийцы"? А я кто? Солист ансамбля "мальчиков-зайчиков"? Убийца и есть. Так чего нагнетать? Будь они все связанные и стой на пути перед чем-нибудь хоть сколько-то для меня важным, порешил бы я их всех? Никаких сомнений. А возникни они, сомнения, замнись я немного, так это выглядело бы еще хуже, как поглумиться желаю, когда сам уже все решил, и отлично знаю итог. А значит и не нужно юродствовать ни перед собой, ни перед ними. Помню ли я, что все это нереальность, игра? Игра ли это? В памяти что-то всплывает, есть такое, но сам я давно не принимаю эту жизнь за игру, эксперимент "разум против чувств" обернулся сокрушительной победой последних. Нет, я помню свою прошлую жизнь, но почти уже не чувствую ее. Помню, что воспринимал все это новое как абстракцию, а что теперь?

И кто я теперь? Человек не может знать многое, так устроена жизнь, да и не нужно ему это, но что ему действительно необходимо, так это твердо знать кто он. Это якорь, жизнь без якоря — болтание по воле волн. Знание это — его, человека, главный секрет. Или не секрет, как пожелает. Кто-то легко может сказать себе и другим: я — врач, или я — музыкант, может быть я — военный, да кто угодно, дело вообще не в роде занятия, и не всегда совпадает с ним. Потому, многие и не ответят, или ответят нечестно, если стесняются, смущаются, предпочитают не афишировать. Да и глупо, например, проработав лет двадцать бухгалтером, говорить, что скульптор, только не очень состоявшийся как скульптор, а вот с бухгалтерией неплохо получается, потому и пришлось... Но для себя знать надо кто ты.

А вот кто я? Максим Юрьевич Соболев — кто вы? Вселенец в тело мага, обалдевший от новых возможностей, впадающий оттого в детство, с трудом пытающийся заставить себя отнестись к тому серьезно, чтобы не быть обезьяной с гранатой? И как, получается? Не очень, Максим Юрьевич, обезьяна и есть.

Или я тот офицер, из видений, судя по всему, бывший владелец этого тела? Вряд ли. Тот человек был лучше, много лучше меня, хотя бы тем, что твердо знал кто он и шел по пути воина как его понимал. Есть ли во мне хоть частица его? Хотелось бы, но зачем лгать самому себе, Максим Юрьевич? Вы можете ему лишь подражать, пока опасность не

переведет вас в режим "выжить любой ценой". Режим крысы, как справедливо назвал вас наставник. Вы ему еще предлагали поставить свою жизнь на безнадежный кон, ради этой крысы. Что, стыдно? Так это хорошо, что стыдно, могло быть хуже. Может я все-таки принял немножечко от того доблестного, в этом нет сомнений, офицера? А что так мало принял в таком случае? Слабоватый симбиоз.

Или я Кровавый Гарри, прости господи? Юмор эльфийки оказался жесток, теперь я это понимал. Она дала мне именно то имя, которое я заслуживал. Это была даже не насмешка, а констатация пустоты, подчеркнутая и проглоченная пафосом того, кому "все равно" и "нормально, по-приколу", ведь только пустышка мог согласиться примерить на себя и принять подобное именование. Забавно, кто же из нас глотал, она или вы, Максим Юрьевич?

Кровавый Гарри — никто, Иван, родства не помнящий, тупой гладиатор, биомусор, возомнивший себя капитаном Немо.

В груди было больно, я думал, что это хорошо, что больно. Значит взрослою. Младенец за три месяца дорос до подростка. Искать ли оправдание еще и в этом? Некогда, ведь смерть близка, сейчас я ее чувствовал, почти как физическое присутствие. Раньше такого не было. Вылечат, повезет, а то и не повезет здесь, так вернусь в прошлое, в привычный мир. Увижу Елену. Теперь — нет ощущения возможного "потом".

Действо начинало разворачиваться. Маги не спешили, и я почему-то стремился запечатлеть в памяти их образы покрепче. Зачем? Сам не знаю. Завязалась беседа.

— Этот, что ли, Кровавый Гарри? — с недоумением произнес самый упитанный юнец, в поношеном засаленом кителе, чудом не трещавшим по швам при движениях этого борова.

— Да, не похож, — отозвался один из взрослых, — а мы уж себе напридумывали... Но мы его сделаем похожим.

Стая засмеялась немудреной шутке.

— Кровавый Гарри — перед вами, — подтвердил я с достоинством, — и я вас представлял иначе. Какие-то вы облезлые. Шайка, а не войско. По объявлению набирали?

— Да я тебя один урою! — Крикнул худенький взъерошенный паренек со злыми глазами.

— Штанишки не испачкай, полудурок. — Я только пожал плечами. Стоило ли переругиваться с этим сбродом?

— Да он никак легкой смерти просит! — Загоготал долговязый парень, видимо из рода подпевал. — Да не вопрос, конченный, ты только посох отложи, дабы не попортить ненароком, ценная вещь, это таких как ты с доплатой берут, а посох денег стоит. Так мы тебя не больно прикончим. Штаны испачкать не успеешь.

— Да хрен с ним, с посохом! — Вмешался еще один, постарше. Вид его был не то что упитанный, а просто жирный. — Я лично за то, чтобы погонять придурка. Это что же, ради подобного дерьма нас тут всех собрали? Хватило бы и пары-тройки, ей-богу. Вот противник, рассказать кому, так засмеют. Человек с мечом, эльфийская шляха и недоделанный маг!

— Специалист по дерьму произнес свое веское слово! Подскажи-ка, сколько ты его сожрал, что раскабанел центнера на полтора в свои годы? Для мага выглядеть свиньей — серьезное достижение. Уважаю. — не удержался я от шпильки. Пора было начинать.

— А посох что, — продолжил я речь, — могу и отложить.

Отшвырнув посох на песок, я скастовал файербол, направляя его прямо в жирдя. Все маги, как один, вскинули ладони, выставляя единый щит. Попробуй, пробей! Внезапно

файербол вытянулся в огненную иглу, как сквозь бумагу проходя защиту, и вонзаясь в выбранную цель. Толстяк мгновенно превратился в ярко пылающий костер, из которого раздался душераздирающий вой.

— Сюрприз. — Мне было на самом деле приятно, видеть изумленные недоверчивые лица магов — приятно вдвойне. — Жареная свинина вредна, если верить докторам, но большего мне предложить вам нечего. Желаете еще, или подать вам вторую перемену блюд?

Посох вернулся в мои руки, что и спасло от немедленной расплаты. Вопли заживо горящего (он упал и катался по арене) еще не стихли, как на меня обрушились десятки заклинаний. Еще раз отметил, что это был действительно сплоченный отряд, среди града попыток достать меня не было ни одного повтора. Парировать такое нереально даже с арткафтом, и я логично закрылся в глухой кокон. Нужно было переждать некоторое время, демонстративная казнь шалолая стоила мне процентов девяносто от маны, по сути это был удар самоубийцы, но во мне что-то изменилось под воздействием последних видений.

Ввинтив посох в песок, я закружил ману вокруг изумруда, кокон быстро увеличивался в размерах, дойдя до того, что коснулся руки, держащей артефакт. Мана пошла в тело как вода в губку, за несколько секунд восполнив все потери. Удивляться не было времени, да и чему? Откуда я знаю, что делаю? Не впервой. Тело действовало словно само, но не как в те разы, когда я "раздваивался и наблюдал со стороны", а как читерство нового уровня, без "раздвоений". Длинный шаг, выводящий из зоны атаки, ускорение на уровне "был здесь — стал тут", и огненная плеть, срывающая головы сразу двум противникам. Мана ополовинилась, и вновь пополнилась через кокон вызываемый посохом.

Где он берет ману? Из ничего не появляется что-то, откуда же он ее забирает? После, прокручивая в памяти события, я понял, что единственным источником столь быстрого и солидного пополнения могли быть только противостоящие мне маги. Но как возможно подобное? Память, "освобожденная" Самуилом не подсказывала ничего, по-прежнему выдавая знания что делать телу, но совершенно не объясняя как это работает. Собственная логика откровенно буксовала. Маг способен забирать ману у противника? Или только с помощью специального артефакта? Законно ли это, если вспомнить ритуал орков? Да что я вообще знаю? Почему маги противника не используют артефакты, какое-либо оружие, амулеты? Вопросы, вопросы, много вопросов, а ответов все нет.

Возвращусь к тому побоищу, что мы устроили. Восстановив объем маны третий раз, и выплеснув его через разрывающий удар воздушной волны, от которого разбросало части тел еще трех противников, я понял, что, может быть, сегодня не умру. Более того — умрут они.

Их было еще более двадцати, но странности продолжали множиться. Во-первых, Иван, мой славный "дядька", снес головы сразу двум юнцам, воспользовавшись тем, что о нем все забыли, и тем, что их отшвырнуло взрывной волной к его ногам. Дядька был незамедлительно убит, маг просто поднял его телекинезом, довольно сложной штукой для магических дуэлей, но очень действенной против людей, и шмякнул оземь. Переломало бывшего наставника знатно, звук от удара был тот еще.

Затем и эльфийка напомнила о своем существовании, превратив в ежа (с помощью стрел) проходящего в себя еще одного мага, из тех что постарше. Ее от мести я прикрыл, выставив щит против счетверенного удара молниями. Сам был удивлен, но щит выстоял.

Посох нагрелся в руках, но я знал, что ничего с ним не случится. Только в это время я сообразил, что и работает сей артефакт не как раньше. Намного, намного сильнее и чище, вообще ощущение силы захлестывало и немного опьяняло. Не могу сказать наверняка, но

очень похоже, что это и было десятикратным усилением (и заметным ускорением) против изначального двукратного. Что же, стоило приложить его к голове и вот такой эффект? Опять вопросы.

Посох стал частью меня, чем-то очень дорогим и близким, порхал в руках будто сам по себе, изумруд сиял тепло и зловеще. Отвлеченно подумалось, что было бы интересно сейчас, с такой его работой, выйти против нового наставника, отчего едва не пропустил удар от оставшихся магов, обругал себя нехорошим словом, и вернулся к сражению, если можно было так назвать происходящее.

Маги отчаялись и не скрывали того. Сжимаясь в кучу, они разбились попарно, держа друг друга за руки, пытаясь поразить меня. Вот еще вопрос, зачем они взялись за руки? Синхронизация удара? Усиление?

Я поднял небольшую песчаную бурю перед ними, закрывая обзор, а сам, уже откровенно распаляясь, скастовал удар снизу. Песчаными кольями. Раздались крики, на которые Сафра опустошила колчан, стреляя на звук так, как умеют только эльфы.

Эльфы... Вспомнив свой позорный поединок против Самуила, я поднял посох и нанес удар воздушным прессом. Эффект вышел не совсем ожидаемым, так как пресс полностью развеял мои предыдущие заклинания, очистив обзор.

В живых оставалось семеро магов. Всего семеро. Остальные валялись изломанными куклами, с оторванными конечностями, переломанными костями, некоторые лишённые голов, сгоревшие, застреленные, разорванные, пробитые насквозь. Меня даже не мутило, обилие маны, восстанавливающей свои запасы через посох, делало самочувствие настолько хорошим, приподнятым, что веселье бездушной жестокости казалось единственно логично.

"А не взять ли их в плен?" — Думал я глядя на живых, чей вид внушал презрение даже больше покойников. "Почему нет? Будет у меня карманная армия оборванных магов, если окажется возможным подчинить их. Свободные все же, да еще местная знать. Облезлая. Приодеть — дело несложное. Но зачем они мне? Ужас в глазах их не делает чести. Смогут ли они забыть его? И смогу ли я забыть? Он хорош для рабов, но не для воинов. Брать их как питаться обедками".

Посох как будто услышал мои мысли и запротестовал, едва не вырываясь из рук, и я почувствовал его требование завершить начатое. Артефакт с собственной волей? Нет, я не стану удивляться! Улыбнувшись ему, как другу, я нежно погладил древко. — Успокойся, — шепнул я ему, — не переживай так сильно. Ты прав, я знаю. И все я сделаю как надо.

Но та же мысль, о возможном пленении с трудом державшихся на ногах магов, а выглядели они и впрямь пришиблено, пришла не только мне, вмешалась эльфийка.

— Мой господин, не убивайте их! — Воскликнула она умоляющим тоном. — Позвольте мне поговорить с ними, прошу вас, быть может они согласятся на плен, видя столь великую вашу мощь!

Стало смешно. Мою мощь. Я победил их как детей. Не без труда, но победа далась поразительно легко. А ведь все, решительно все, и я в том числе, были убеждены, что шансов нет даже на то, чтобы хорошенько оцарапать противника, не говоря уже о выживании. Что же случилось? Случился посох. Не только он повлиял на мою голову, но и моя голова на него, иначе объяснить чудесное превращение обыкновенного усилителя с сверхоружием не получалось. Может поэтому Самуил так любил на него опираться, почти касаясь головой камня? Но даже в его руках артефакт не показывал того, что сейчас.

Эльфийке я просто кивнул, мол, давай, действуй. Та, радостно и хищно улыбаясь,

подошла к остаткам разбитой банды благородных разбойников. Посох вновь задрожал.

— Мой господин, великий маг Кровавый Гарри, (за кого она все-таки меня держит?) предлагает вам жизнь в обмен на бессрочную клятву слуги. Что скажете, убогие?

Убогие высказали проклятие. Эльфийка совершенно не смутилась.

— Тогда вы подохнете здесь и сейчас, только и всего. Такие ущербные как вы мало кому нужны, вам предлагают милость, а вы?

Хм. Мне она казалась более дипломатичной.

— Ты ведь желаешь, чтобы я их убил, Сафра, — негромко произнес я, но она услышала, — так зачем ты подводишь меня к этому так примитивно? Тебе не идет, дитя лесов.

— Мой господин мудр и наблюдателен, — опустив голову, повинулась эльфийка, — меня возмутило как они насмехались над вами, повелитель. И не скрою, вашей верной слуге было бы приятно видеть как господин мой смеется последним!

О, вот и дипломатия. Я подошел к телу Ивана. "Дядька" был знатно расплюсчен. Кости треснули по всему телу, открытые переломы рук, ног, вмятая в тело кольчуга, самое неприглядное — раздробленная как орех голова, мозг из которой казался вытекшим лужицей. Такое не восстановить. Или?

Семь раз я опустошал себя до доньшка, и семь раз восполнял ману. Это дало ответы на часть вопросов. Во-первых, Ивана удалось восстановить. Не видел бы сам — не поверил бы. Не знаю почему, но от действия восстанавливающих заклинаний, у меня начинает щемить сердце. От разрушающих — ничуть. Ну да, ломать не строить. Когда на место встал выбитый глаз, я даже поежился. На шестой порции Иван пришел в сознание. Невероятно. После седьмой — сел на арене, дико озираясь.

— Нашел время спать, — я был смущен и потому грубоват к "своему", а что Иван свой — я так решил и более не сомневался. — Встань и иди.

— Куда идти? — дядька все сидел, пытаюсь обратиться. — Я что, жив? Мы что, победили?!

— Наш господин невероятно добр и дважды слелал невозможное, Ванюша, сперва..

— Да куда не надо идти, — прервал я эльфийку, — просто фраза такая. Запомнилась. Сиди, если хочешь.

Во-вторых, подтвердилась версия, что посох "наматывал" ману от ближайших источников, от магов. К концу Иванова исцеления они тоже сидели, не в силах не то что магичить, но и стоять на ногах. Интересное кино. Все-таки стоит попытаться выйти выйти против нового наставника не только для получения магических затрепчин. Но как возможно такое, ведь способный отнимать ману врага непобедим? Что-то неладное с этим боем, очень неладное. Понять бы еще, что именно.

— Я прошу вас о милости, мой благороднейший и добрейший господин и повелитель.

— Какой же, моя верная коварная слуга?

— Позвольте мне прикончить жти бесполезные бурдюки с костями, чтобы мой господин не марал рук. — Сафра указала на полуживую семерку магов.

Мне стало интересно. Я кивнул. Эльфийка улубнулась благодарным оскалом во все свои тридцать два, или сколько там у них, зуба. Начав напевать что-то, она плавно подошла к остаткам разбитой армии, выхватив кинжал. Поставив первую жертву на колени, быстрым движением перерезала горло совсем молодому парню. Хлынула кровь, Сафра поддерживала его за шею, и кровь залила ей левую руку по локоть. Затем, она повторила действие еще

шесть раз. Я наблюдал казнь не вмешиваясь. Люди вели себя по-разному, как и всегда. Один сам стал на колени, даже что-то промычал, другой пытался убежать, но был убит с особым видимым удовольствием для эльфийки. Она лизнула его кровь со своей руки. Третий пытался драться кулаками, четвертый помнил, что он маг, и делал тщетные попытки кастовать.

Когда все было завершено, эльфийка выглядела слегка возбужденной в сексуальном смысле. Глаза помутнели, у нее это был верный признак, грудь вздымалась. Ей очень нравилось содеяное. Кто я такой, чтобы быть против? У эльфов свои причуды, у магов — свои. Потому я только и сказал, любуясь красавицей:

— Кстати, Сафра, давно хотел у тебя спросить. Что означает твое имя?

— Сафра значит Звезда, мой благороднейший и щедрейший повелитель.

— Звезда? Это хорошо. Это очень хорошо, милая Сафра, это лучше, чем я мог ожидать.

Ее я ударил прямым пламенем, без прерываний, изо всей силы, в очередной раз опустошая себя до доньшка, и усилив действие посохом. Выложил все что мог.

Сафра вспыхнула как спичка, успев окинуть меня неверящим взглядом. Я держал поток гудящего магического пламени так долго, что почувствовал неприятное покалывание в районе ядра, лишь после этого оборвав действие. Эльфийка, вернее то, что от нее осталось, а именно закопченный скелет, все прочее сгорела напрочь, по-прежнему "стояла", если можно так выразиться.

— Был неправ, прости меня, пожалуйста. — Сказал я скелету. — Гори, гори, моя звезда.

День 121. Город.

Наконец-то я вышел за заветную дверь! Город оказался... Впрочем, обо всем по порядку. Пользуясь тем, что ко мне вернулось настроение привычной доброжелательности, перенесу на бумагу и краткое описание тех дней, когда я и думать не мог ни о чем, кроме как поскорее бы выйти отсюда. Хоть немного, пусть на день, но выйти. Последнее время это стало навязчивой идеей, мыслью, не желающей отпустить и на полчаса. Неделю, а может и дней десять, все мои мысли вертелись вокруг одного слова — "когда?". Когда я выйду за пределы опостылевшей площадки? Надоевшей камеры, или, вернее, склада, поскольку называть свое помещение комнатой, я, после убийства эльфийской твари, не могу.

Огромный куш, полученный за размазывание по песку магов, выкуп за их головы (небольшой). Договариваться пришли трое девушек, почти девочек, выглядевших столь непрезентабельно, хоть и мило, что я не стал требовать много, поняв, что их непрезентабельность не фикция), серия сравнительно небольших выступлений за Правду купцов, в сумме принесшая все же тысяч тридцать (небольших! Жирею..), все это вернуло мое привычное равнодушие к деньгам.

Мне было душно. Вышвыривать, или сжигать все что могло напомнить о Сафре я не стал. Хотел, но передумал, оставил как напоминание о собственной глупости, и в качестве дани определенному мазохизму. Но это же и не позволяло долго проводить время в комнате, к тому же, без эльфийки, все это совершенно непостижимым образом превратилось разом в гору хлама.

Тренировки стали интереснее дней на пять, и только. Посох прокачивал меня, а я развивал, или раскрывал возможности артефакта. Наставник обрел свою прежнюю неразговорчивость, с тем же равнодушием относясь к новым возможностям ученика. Результаты были невелики, если судить по счету, и мне ни разу не удавалось более-менее прилично задеть учителя, но содержание поменялось. Более не было непробиваемой стены, на которую я мог лишь скулить как собака на бетонный забор, подвластная сила возросла многократно, и "забор" бы не устоял, но вместо него оказалась вязкая, тягучая жидкость, и мне вновь недоставало мастерства.

Кстати, о силе. Она росла, и росла скоро, что было непонятным. Я спрашивал Михаила почему так, тот лишь отрывисто бросал, чтобы я не нес чуши, и не задавал вопросов, на которые могу ответить сам.

Могу? Кажется, что и он сильно переоценивает меня, а казался рациональным прагматиком! Пусть, мне же лучше. Но отчего растет сила? Ведь и без помощи посоха получалось все заметно сильнее, чище, быстрее. А уж с посохом — чувство силы опьяняло до ложного всемогущества, так что я был искренне благодарен учителю за то, что не дает мне зазнаться, не давая мне побеждать себя. Но и не избивал он меня ни разу! Во время тренировок можно делать что угодно, мана для лечения в таких случаях разрешена до уровня полного восстановления подопытных подопечных, чем Михаил перестал пользоваться сразу с того памятного дня. Ибо незачем стало. Он переигрывал меня, тонкость наставника превосходила его силу, и мне ничего не оставалось, как признать свое магическое невежество. В сравнении. Потом я сообразил, что без побоев переношу свои неудачи тяжелее.

Отношение ко мне, если и изменилось, то ничем не выразалось, и заметить ничего не получалось.

— Что же вы, учитель, — пробовал я поязвить, — страшали, пугали, смерть пророчили, а на деле что вышло? Что и одна "крыса" с посохом раскатала бы всех этих горе-воjak в блин, не испытывав особенных проблем?

— А ты разве не понял? — Михаил обозначил удивление на лице так, что стало понятно — он и не удивлен, и ему наплевать. — Ну и дурак.

— Не понял что, наставник? Что вы меня водите за нос? Что вы меня малость недооценивали? Что вы мизантроп?

Насмешливость прошла впустую, Михаил игнорировал любые попытки разговаривать его. Пищу для размышлений дал, как ни удивительно, Иван. "Дядька", а ныне мой слуга, то есть вассал принесший клятву, неожиданно вмешался при очередном словесном наскоке на учителя, выкрикнув:

— Да, еклмн! Это же были не те маги, что должны были выйти, малохольный, ну как ты не соображаешь, а?

Воин отказался участвовать в наших тренировках, заявив, что не по Сеньке шапка, но каждое утро появлялся на Арене, усаживался с краю, скрестив ноги, и наблюдал. Или скучал. Жил он, как свободный, где-то за пределами комплекса, чему я уже страшно завидовал.

— Не те? — Я даже остановил каст, отчего посох недовольно завибрировал.

— Ну да. Не те. Ты действительно думал, что смог победить отряд знати? — Иван развеселился, хлопая себя по бедру. — Во даешь, малохольный! Это ведь шваль, отбросы, видно было и младенцу.

Действительно. Вид у них был что надо. И с такими вот договаривались городские павлины? Но где тогда "настоящие" маги, и почему они не вышли сами? О чем и спросил.

— А это уже ваши магические дела, сюзерен, что и почему. Откуда же мне знать? Отказались, значит. По каким причинам — сам соображай.

Я и соображал, только сообразить ничего не мог. Они, эти маги, думали, что справится эта шайка? Она бы и справилась, не получи я резкий рост магических сил и (почти) симбиоза с артефактом. Но зачем? Если все это ради денег, то как можно доверять столь крупную сумму каким-то оборванцам и слабым, я наконец-то хоть это понял, магам? А риск? Того же урона чести, если на то пошло, пусть деньги не важны, хоть и странно, но вызов всегда официален. Их честь, их Правда проиграла. И отношения с городскими вряд ли романтизирует. Поставить на кон крупную сумму, свою Правду, неизбежно прязанную к правам, отношения с администрацией, зачем?!

— Правильный ответ можно получить только задав правильный вопрос, — учитель все-таки не выдержал моей бестолковости, — а правильный вопрос тут не зачем, а почему.

— Почему?! — Но он уже вернулся к своей флегматичной отрешенности.

— За эльфийку спасибо, кстати.

Поддеть не удалось и этим. Мистер равнодушие не испытывал никаких чувств ни ко мне, ни к покойной эльфийке, вообще ни к чему. Эталон выдержки!

И вот город! Не обошлось без небольшой заминки. Когда я собрался (новый костюм и чистая обувь, морда лица выбрита до синевы, настроение бодрое) и вышел, то ожидающий вассал загоготал указывая на посох:

— Хахахахаха, ты с ним собрался, что ли?

— Ну да, а что такого? С оружием нельзя? А ты как ходишь?

— Ыыыы, — всхлипывал Иван, — ты серьезно?

— Да а чем дело? — Я понял, что вновь где-то глупо ошибся, но быть шутком тоже надоедает. — Так объясни сюзерену его промах, чего ржать?

— Ну это как... даже не знаю с чем сравнить! Ты, малохольный, себе представь девицу дивной красоты, голую, с мешком золота, ночью в злачном районе?

— Это я-то красивый?

— Да не ты, баран, посох твой, посох!! За ним очередь выстроится.

— В смысле? Такая редкость?

— Не тупи, малохольный. Редкость! Таких вообще всего три.

— А...

— Те, что ты видел — дешевые подоби́я. Дешевые не в смысле цены, а по возможностям. Ты правда думаешь, что подобные вещи в торговых лавках продаются? Вижу, что думаешь. Идиот. Это явно родовой артефакт. Посох — средоточие силы, ключ и замок одновременно. Библиотека и лаборатория. Ворота и тупик, путь и ущелье. Как тебе объяснить?

— Да как есть, так и объясняй. Что ты обзываешься, знаешь ведь, что я не помню ничего толком?!

— Свежо предание, да верится с трудом. Не помнит он. А посох родовой почему слушается, а? Он Самуила так не слушался! Думаешь, я на тебя каждое утро смотреть прихожу? Нет, я люблю юмор, правда, но посох куда интереснее, поверь.

— Родовой?! — Ухватился я за эвфемизм понятия "рояль". — Это посох моего рода?!

— Понятия не имею. Не обязательно. Что он тебя Так слушается — диво дивное, верно. Но не обязательно родовой. А потому все кто обладают силой и верой в себя, а это лучшие маги города, нашего города, не убогого Демянска какого, все пожелают его у тебя забрать.

— Так я не отдам.

— Костями лягут, себя развеют, но отберут.

— Его видело немало людей, те же купцы. Почему никто не знает о нем, не пришел за ним?

— Знают, конечно. Все кому надо знают, многие из тех кому не надо — тоже.

— И в чем проблема выйти на Арену и забрать? Ну, если могут? Как это устроено, вызов, так и так, мол, есть некий девайс, обладать которым мне очень хочется, ну очень, а прав на него у меня никаких. А потому — Правда моя не может мириться с подобной Несправедливостью...

— Так то на Арене! Тут государство может понять (и поймет) как покушение на его собственность, оно же твой опекун и наследник!

— А.

— А в городе совсем другое. Можно и Правдой не рисковать. Тут царь не вмешается, ибо с твоей стороны дерзость будет, малохольный, с твоей. Вот я, дескать, крутой как драконьи яйца, вот артефакт редкостный, попробуй отбери! Я ведь не абы кто, а цельный гладиатор, боец за Справедливость, фу-ты ну-ты, подходи! Тебя грохнут тупо из принципа. За хамство. Неуважение. Окорбление. И будет это уже не как алчность поганая, а как поставить свинью в стойло, раз ей в хлеву неуютно!

— Понятно. Оставлю его здесь. Жаль, конечно, но нет ни малейшего желания портить себе выходной.

— Правильно.

— Самуил тоже не брал его в город?

— Разумеется, никогда не брал.

Так мы и пошли. Настроение было чудесным, хотелось срывать цветочки с клумб и дарить людям, целовать девушек, переводить бабушек через дорогу и кормить уток. Иван окинул меня по-хозяйски критичным взглядом, кивнул, и отворил дверь. За ней была комната, размером как и моя, только без обстановки и проходная. Иван прошел к противоположной двери, открыл и ее, кивком приглашая меня возглавить шествие. Так я вышел в город.

Показалось, что я оглох и немного зарябило в глазах. Мы вышли на многолюдную площадь, по которой гуляли, бродили, стояли, спешили по делам много людей. Очень много. Я замер. Посмотрел под ноги — брусчатка. Метрах в пятидесяти перед нами располагался большой фонтан, окруженный лавками, облепленными людьми. Мужчины, женщины, дети, в одеждах самых немыслимых раскрасок и фасонов. За фонтаном площадь продолжалась до домов высотой в семь-восемь этажей, похожие по архитектуре на "сталинки", только украшенные лепниной, между которыми лучами расходилось несколько улиц.

— Пойдем, присядем. — Иван толкнул меня локтем, выводя из ступора. Мы прошли к лавкам, где мой вассал бесцеремонно согнал стайку мальчишек, раздетых черт знает во что, и уселся сам.

— Присаживайся, в ногах Правды нет.

— Присаживаюсь.

Сделал это я очень вовремя, так как одновременно с этим увидел откуда мы вышли. Все что я видел изнутри — песок, ограда, ряд комнатушек с дверьми, чистое небо, солнце. С этой же стороны, моему взору представилось циклопическое здание, в пять этажей, да каких. Да какое здание...

— Это ведь Колизей, — пересохшим горлом прохрипел я.

— Ага. Он самый. А ты думал, что в цирке выступаешь?

— Порою кажется, что да.

— Ахаха. Да, малохольный, что-то в твоих словах есть. Но так не хочешь выступить в цирке — не будь клоуном, только и всего. Скоморохом не будь.

— Ты не поверишь, я стараюсь как могу.

— Знаешь, — Иван задумчиво почесал бороду, — я тебе верю. Нельзя так дурака валять как ты это делаешь. Нарочно захочешь — не получится. Но и понять как оно так — не выходит. Так что я просто не удивляюсь, а что тебе надо — сам решай. Мое дело телячье.

— Ты мне на несколько вопросов ответь лучше, теленок.

— Валяй.

Я огляделся еще раз. Площадь внушала, фонтан, брызги от которого долетали до нас и освежали — внушал. Дома вокруг площади — внушали. Количество людей, их наряды, будто вобравшие в себя моды и стили от фараонов египетских и до джентельменов викторианской англлии — возвращали чувство нереальности. Колизей шокировал.

— Ну так скажи мне, теленок, где я?

— В городе.

— А как зовется этот город?

— Солнцедар. У тебя все вопросы такие будут? Первую букву азбуки сказать?

— Нет. Но скажи, сколько в азбуке букв?

— Сорок. Ты точно не издеваешься? Смотри, я хоть и слуга, и клятву принес, но...

— Точно. Издеваюсь я совершенно иначе.

— Благодарю, сюзерен, утешил.

— Не за что. Почему люди так странно одеты?

— К каком смысле странно?

— Ну, например, вот! — И я указал ему на семью из двух взрослых и двух детей.

Мужчина был облачен в доспех японского самурая, а женщина в платье времен галантного века. Так это называлось в моем прошлом мире, во всяком случае. С детей спрос меньше, но наряды арлекина и индейского вождя диссонировали друг с другом. Местным было все равно, никто не обращал внимания, поскольку в подобном бардаке нарядов находились решительно все.

— А что в них такого?

— Ничено, если не считать, что их наряды совсем разных стилей, которые совершенно не подходят друг другу. Не гармонично.

— О, здорово! Теперь ты рассуждаешь как дворянин, но все равно задаешь детские вопросы.

— И все-таки?

— Да нормальная одежда, в чем проблема? Каждый видит в себе то, что хочет видеть. И подчеркивает это. В чем плохо?

— Я не сказал, что прям плохо. Но выглядит как хаотичный слет реконструкторов.

— Не знаю кто это, но ты говоришь так, словно это что-то плохое. Люди одеваются как хотят. Они ведь не маги.

— А маги так не одеваются? Хоть что-то хорошее.

— Маги, как и все прочие, одеваются как хотят. Только они не хотят.

— Ммм... ладно. Проехали. А это что? — Я указал на Колизей.

— В каком смысле?

— В смысле постройки. Ее масштаба. Почему я не вижу ничего подобного изнутри? И не слышу?

— Иногда мне кажется, что ты, Максим Юрьевич, и не маг вовсе. Два плюс два сколько будет?

— Четыре.

— Ну вот. Знаешь. А почему вода мокрая спросить не хочешь?

— Не хочу.

— Я еще ладно, привык. Вернее, для меня ты как игрушка непонятная, птица говорящая, сюзерен. Но Михаила от подобных вопросов тебе лучше убережь. В своих собственных интересах. Хотя по этому вопросу даже он намекал, что ты ненормальный, который будто не соображает.

— Так почему?

— Что почему?! — Взорвался Иван громким сердитым шепотом. — Потому что ты гладиатор, тебя за ногу, ты и не должен ничего видеть или слышать на Арене сверх необходимого! Это тебя должны видеть и слышать! А тебе зачем?

— Погоди... какова вместимость Колизея?

— Шестьдесят тысяч, если для людей.

Я похолодел и поблагодарил мысленно Ивана, что сижу, а не стою. Ноги стали

ватными, и скажи мне кто сейчас "встать", то я не смог бы это сделать.

— И что же, зрители ходят на выступления?

— Само собой, а еще они дышат.

— Не насмехайся. Представь, будто я инвалид, а? Тебе же проще будет. И отвечай отстраненно, договорились? Мне правда нужно.

— Ладно, сюзерен. Извини, малохольный. — Иван вздохнул и кивнул.

— Тогда, — я вытер пот со лба, — продолжим. Зрители ходят на выступления?

— Ну.

— И видят все, что происходит на Арене?

— Конечно.

— И тренировки?

— Нет, только выступления.

— Уже легче. Но не очень. И на мои выступления ходят тоже?

— Разумеется. Еще как! — Иван даже улыбнулся.

— Что означает "еще как" в цифрах? Полный стадион?

— Ну нет, малохольный, — рассмеялся Иван, — не дорос ты еще до такого. Но десять тысяч на тех голодранцах, ну, против которых налоги поставили, ты собрал.

— Вот как.

Открытие было неприятным, и это мягко сказано. В жизни вообще неприятно замечать не сразу свидетелей чего-либо, а тут все как-то так, словно с меня сняли штаны в людном месте и все смотрят. Штаны...

— Иван, а когда я взял Сафру в слуги, то..

— Да, это было выступление, которое сделало тебя популярным.

Я застонал, закрывая глаза. Значит, меня видели и без штанишек. Ничего такого, но не без моего же ведома! И кто видел? Незнакомцы еще куда ни шло, но знакомые... А разве у меня здесь есть знакомые? Есть. Или были, как считать. У настоящего, или первого владельца тела. Сослуживцы, возлюбленная, отец... об этом лучше вовсе не думать.

— Охренеть, — только и произнес я, — а те люди, что ты приводил, они кто? И зачем деньги с них брал? Не проще им было билеты купить?

— Сослуживцы, — усмехаясь, отвечал воин, — они не были стороной конфликта, но к той нелюди свои счета имелись. Хотели видеть все ближе. И, главное, чтобы нелюдь видела то, что они видят. Я и провел под видом потенциальных заказчиков, закон не нарушен! Так, слегка обойден.

— Все интереснее и интереснее.

Мы помолчали. Постепенно я отходил от шока, и теперь хотелось движения. Много движения, тело прямо зудело. "Ладно, — сказал себе я, — непременно додавлю эту детинушку и выдавлю из него все, что он знает, но не считает нужным пояснять, даже если вместе с этим придется выдавить ему кишки без помощи маны. Обязательно. А сейчас нельзя терять времени, его не так много".

— Куда пойдём? — Я поднялся с лавки. — Город не ждет.

— Да куда хочешь. Можем в кабаки, можем в бордель, можем по магазинам, хоть я это и не люблю. Даже в цирк можно, если хочешь.

— А просто погулять нельзя?

— Можно. Только сразу предупреждаю — на людей не бросаться. На магов тем более!

— Да зачем же мне бросаться на кого-либо? Только из самообороны если.

— Вот из "самообороны" и не вздумай! Тут не Арена! Кто первый нанес оскорбление действием, тот и неправ. Держи себя в руках, на провокации не поддавайся. Мне лично проблем не надо.

— Провокации?

— Учишь своего болванчика как застегивать штаны? Поздно уже. — Насмешливый голос не предвещал ничего хорошего.

— Учю. А тебе что за печаль? — Иван спокойно посмотрел в глаза к остановившемуся около нас человеку. Чуть выше его, но стройнее, примерно одного с Иваном возраста, в костюме странного кроя, похожем на халат. Дерзкий, равнодушный, глаза доброго педофила. Экспонат!

— А тебе чего надобно, дяденька? Шел бы ты куда шел, человек хороший. — Я решил сразу показать, что волноваться нечего и держать себя в руках мне не составит труда.

— Ну так, Кровавый Гарри, давно слежу за твоими успехами, — наглец и не подумал следовать совету, — едва не стал твой поклонником. На выступления хожу. И еще мне эльфийка твоя нравилась очень. Вот я и думал, что пойдете вы в город, а я немного знаю внутреннюю кухню Арены, так и попрошу у тебя эту кобылу на часок или два. За монетку.

— Но эльфийки нет больше, увы, но она нас покинула. — Включил я режим "холод и достоинство".

— Да, знаю. Видел. Лучше бы ты ее еще раз трахнул, а потом уже сжег. Что поделать.

— У вас все, уважаемый?

— Мне еще посох твой нравится. Чтож не взял-то с собой, а? Красивый посох, с интересным набалдашником. Я потому и простил тебе ту нелюдь. Зачем ему она, подумал я, у него ведь посох есть. С интересным набалдашником. Часто долбишься, небось, а?

— Парень, идм отсюда. Пока ноги твои не в твоей же ж***, и ты можешь ходить, а?

— Стоп, стоп, стоп! — Иван поднял руки, разводя нас. — Это то, о чем я и говорил, дурний ты. На провокации не поддаваться! Знакомьтесь, это Валера, мой друг и дальний родственник, — представил он наглеца, — а это Максим, мой сюзерен и работодатель. Я попросил Валеру составить нам компанию, а то один не услежу за тобой, малохольный, как пить дать. Как он тебе, кстати? — повернулся он к Валере.

— В обоз, в последний воз. Убитым и раненым стрелы подносить. — Валера сплюнул на брусчатку. — Только ради тебя, Иван.

— Ну и хорошо. И не думай даже спорить, — накинулся он на меня, — за тобой и четырех глаз мало! Или — сам ходи, гуляй.

— А если я прикажу?

— Выполню, — Иван вновь разулыбался, — но так, что лучше бы и не выполнял.

— Понятно все с вами. Я не против. Так куда мы пойдём?

— В банк. Для начала.

Город. Продолжение.

— Ты собираешься все это съесть?

— Нет. Я собираюсь все это сожрать, и горе тому, кто встанет у меня на пути.

— Борщ, щи, уха, окрошка и суп из черепахи — только на первое?

— Дяденька, — попросил я навязавшегося спутника, — шли бы вы откуда пришли.

Иначе, не взъщите, за себя не ручаюсь.

Валера хотел было ответить что-то язвительное, но, посмотрев в мои глаза, передумал. Усмехнулся, и сел рядом, придвинул себе ближнюю тарелку и вооружился ложкой. Вот это правильно! Вот это он молодец!

Борщ и уха показались мне пищей богов. От прочих супов отвлекли официанты, методично заставлявшие стол моим героическим заказом. Ветчина, колбасы, соленые огурцы, соленые грибы, сковороды белых грибов в сметане, лисичек с картофелем, икра красная, икра черная, квашеная капуста, малосоленая форель и семга, бок осетра холодного копчения, оливки и маслины, нежнейшие хлебцы со сливочным маслом, все на что указала в меню моя дрожащая рука — все это выстраивалось перед нами авангардом второй перемены блюд.

Фужеры, рюмки, графины, бутылки разной степени пузатости — это великолепие грозно смотрелось, подчеркивая торжество момента.

Жаркое и птица... О, да. Мечта. Никогда бы не подумал, что еда способна оказывать на меня подобное воздействие! В жизни не был гурманом, ел всегда что дают, но тут что-то накатило. Заворожено глядел я на кабанью голову, двух молочных поросят, трех гусей (один гусь — много, два гуся — мало, три — в самый раз), фаршированного ягненка, лосиные губы, каплуна и пулярок, рябчиков в сметане, телячьи мозги, оленину, белое мясо жареной рыси, зайчатину и разварные лапы медведя.

Я старался есть все, отхватывая по куску то там, то здесь. Рядом мощно двигал челюстями Иван, в отличии от своего сослуживца, не выказавший ни малейшего удивления моей увлеченностью, только кивал одобрительно, когда я никак не мог остановиться при заказе.

— Заказ княжеский, не спору, — не выдержал Валера, — но нас всего трое человек, а не тридцать. Куда денешь все что останется?

— Попрошу с собой завернуть.

— Так ты не унесешь столько.

— А слуга мне на что?

Иван закашлялся, поднял на меня свои осоловевшие глаза, но, вместо возражений, вновь одобрительно кивнул.

— Это правильно. Всяко лучше чем покойников таскать. Если так и дальше пойдет, малохольный, то я даже перестану тебя называть малохольным.

Воодушевленный неожиданной поддержкой, я налег на яства с утроенным усердием. Не засекал времени, но уплетали мы все это не менее двух часов, даже Валера, хоть и ворчал, но едоком оказался знатным, ничуть не отставая от нас.

Осталось, конечно, действительно много, а ведь я даже не добрался до десерта. Мне было удивительно, но персонал вел себя так, словно все это в порядке вещей, и нам не

только упаковали все в полотняные, белоснежные как и скатерти, салфетки с вышитыми вензелями заведения, но и погрузили все в тележку, как продукты в супермаркетах. Обошлось все в двадцать восемь монет серебра. Немало, но, если подумать, и не слишком много.

Иван толкал тележку перед собой, жмурясь как сытый кот, что-то добродушно бурча о "правильных малохолдных", я привыкал к некоторым изменениям центра тяжести, а Валерий (сожравший не меньше других) вернул себе напыщенную язвительность человека видавшего виды.

— И куда дальше? Что пожелает ваша светлость? Может заглянем в Свиной Ряд, выберете себе десятка два окороков, а то что-то мало всего здесь, не отошать бы вам?

— Валера...

— Хотя, зачем окороков? Носить их еще — вот радость! Купить сразу штук тридцать поросят или взрослых кабанов, чего сами изволите. И пусть они бегут своими ножками. Удобно! Если прикупить еще барашков, да заглянуть на Птичий Двор, то выйдет полноценное шествие. Люди, вид которых вас удивил и удивляет, все эти жалкие модники, вся эта шваль испытает на самих себе твой реванш!

— Валера, тебе не удастся испортить мне настроение.

— Испортить настроение? О, неужели тебе вздумалось, что я хочу испортить настроение хоть кому-то?! Тем более вам! Я всего лишь развиваю мысль о дальнейших действиях на основе увиденного. Жратвы — телега, бухла — полно, но вдруг не хватит, а?

— День только начался. Что бы ты делал, будь у тебя один единственный день отдыха, впервые за четыре месяца? Чем зубоскалить-то. Предлагай варианты, а мы рассмотрим.

— А я что делаю? Только и предлагаю. Ты пойми, Гарри, отдых он для каждого свой. Кому картины посмотреть в галерее, кого от оперы за уши не оттащить, третьему баб подавай, четвертый жрет как не в себя, пятый книжку умную читает, шестой..

— Погоди, погоди. Что там про баб? Где, какие, сколько? Подать их сюда!

— Эка тебя развозит, малохолдный (ты уж прости, но когда Иван раздает прозвища, они обычно прилипают намертво), развозит... а ведь выпили немного. Уверен насчет баб?

— У-у-уверен!!

— С твоей мощной дело нехитрое. Если ты не любитель экзотики по принципу "подешевле", а хочешь кого попримечнее, то есть несколько заведений. Рано для них еще, впрочем, хоть формально они круглосуточные. Можно зайти на часок-другой. Или ты там тоже решишь заказать разом все что шевелится?

— Я, Валера, человек культурный, как вы могли это уже бы заметить, знаю как подвязывать салфетку, и потому сделаю вид, что не слышал столь глупое замечание. Ну так где? Пошли.

— Эй, — заволновался Иван, — а это вот все, что, с собой к девкам непотребным тащить? Сожрут ведь!

— Они что, голодают? — не понял я.

— Они бл***, малохолдный, — не сожрут, так понаядкусывают.

— Мою еду?!

— Ладно, не пугай его, пошли. Здесь недалеко. Но дорого. Центр города, должны понимать. И вот еще что, Гарри, еда ладно, ты кошель береги, мало ли.

Кошелек мой, или кошель, как говорили здесь, был приобретен в банке, который мы посетили первым делом. Скажу пару слов и о нем. Если коротко — разочаровал.

Вернувшееся ощущение попадания в сказку рисовало картины "банка" чем-то похожим на изображенное в фильмах о похождениях мистера Поттера, и я предвкушал не менее шикарный визуальный ряд с холмами денег. Увы — облом. Фасад еще ничего, но внутри тесно, темно, ощущение ветхости. Работники вида "белый воротничок классический" уставшего вида. Всего четыре приемных стола. На каждом небольшой мраморный шар. Кладешь на него руку, он начинает светиться красноватым светом, и все. Даже говорить ничего не нужно о том кто ты и что ты. Называешь сумму (я взял пятьсот монет) и тебе ее приносят. Никакой бумажной волокиты, что хорошо, конечно, но чего-то словно нехватает. Тут я и спросил про кошелек, когда увидел сколько это — пятьсот монет. Девять киллограмм серебра, между прочим.

— А если золотом? Я могу взять золотом? — спросил я вопросительно ожидающего сотрудника.

— Нет, ваш счет в серебре, но вы можете обменять на золото. Курс по весу один к пятнадцати. Банковский процент при обмене — три процента. Будете менять?

— Да как я понесу все это иначе?

— Кошель купи, малохолдный, делов-то. — Пророкотал сзади Иван.

Кошель стоил всего одну серебрянную монету, и обмен отменился, когда я узрел как этот кошель занятно выглядит. По сути это специальный пояс, обвязываемый поверх одежды, закрепляющийся с двух сторон, и вполне удобно распределяющий вес содержимого. Некая "колбаска" набитая серебром получилась. Чтобы достать деньги, нужно отстегнуть один край, открыть небольшой кармашек и высыпать сколько нужно, иногда помогая тряской своего тела. Так себе конструкция в плане удобства, но мне почему-то понравилось. Идиотизм, но смешной. Почему нет? И вес распределился вполне комфортно.

Наш чичероне сам толком не знал куда ведет, но и не думал в том признаваться. Отлично его понимаю, после импровизированного банкета он наверняка решил, что и плотские утехи достанутся всем, ну и искал место подороже, где и сам еще не был. Интересно, какая средняя зарплата на Святой Руси? Узнаю потом. А пока — веди нас, Сусанин, веди, в топь порока и болота разврата. Он и вел. Я не волновался, улицы прямые, авось не заблудимся. Люди по-прежнему пестрили в глазах своими нарядами, но, под влиянием алкоголя, уже не вызывали неприятия. Ко мне вернулись природные либерализм и доброта.

— Слышь, уважаемая, — обратился наглец к разбитного вида мамаше, торгующей восхитительно пахнущими пирожками с лотка, — где тут опиум для народа?

Я заржал, услышав фразу, но "уважаемая" видимо, дала ориентир, и Валера уверенно повел нас куда-то во дворы. Узнаю тебя, матушка Русь! Стоило свернуть с почти идеально чистых улиц, как мы оказались в куда менее чистом месте, чтобы не сказать загаженном, с кучами мусора у стен и лужами в грязи (куда делась брусчатка?) под ногами.

— А нормально пройти никак?

— Не ной, малохолдный, почти пришли.

— Надеюсь.

— Ты только это, давай без юмора пока. Нас еще пропустить должны, могут не понять некоторых шуток, так что лучше вообще молчи.

— В смысле — пропустить должны? А могут не пропустить?

— Нас там никто не знает, к новичкам отношение логично настороженное. Вдруг мы их стражи или вроде того?

— Стражи?! Погоди, — меня осенило, — это что, незаконно?!

— Эээээ...ты не знал? С какой из лун ты свалился, Гарри? — Валера даже остановился, с любопытством глядя на меня.

— Да не ходил я по борделям, откуда мне знать?!

— Но что проституция запрещена законодательно сложно не знать!

— Давай, давай, шевели лаптями, — вмешался Иван, — пока тележка не застряла по самое днище. Нашли тему! Срамные дома испокон веку были, есть и будут. Из запрещают и разрешают, разрешают и запрещают, вот еще помнить что там сегодня! Оформлено иначе, а суть та же, только и всего.

Мы добрались до какого-то черного хода, определенного Валерой как нужный адрес, и постучались.

— Кто там? — Раздался женский голос.

— Девушки, а вы работаете? — Пока я мучительно заставлял себя ничего ей не ответить, Валера принялся налаживать контакт.

— Мы не работаем, мы отдыхаем! — Несколько неуверенно заявил тот же голос.

— Ой, а можно с вами? Нам тоже очень нужно отдохнуть!

— Сколько вас?

— Трое.

— Подождите минуту.

Минут десять мы топтались, пока я не начал сердиться.

— Слышь, Сусанин, ты куда нас привел? — Че здесь за хрень?

— Открываю. — Вновь прозвучал голос. Раздался звук открываемой двери и мы ввалились в нее.

— Заходите, располагайтесь. — Обладательницей голоса оказалась довольно милая женщина лет сорока, с крашенными в рыжий волосами и халате малинового цвета с помпонами. — Девочки сейчас выйдут.

Элитное заведение изнутри смотрелось и впрямь неплохо. Барная стойка, красные диваны и кресла, бронзовые канделябры с зажженными свечами, натюрморты между занавешных окон, вазы со свежими цветами по углам, огромное зеркало на весь потолок, а посреди всего этого мы с тележкой всякой всячины. Иван с Валерой осторожно уселись, поерзав, я же заметил, что им неловко, но держат вид, молодцы.

Вошли девушки, сразу десять. Все совершенно обнаженные, никакого нижнего белья. Признаюсь — я почувствовал волнение куда большее, чем ожидал.

— И сколько за час? — как можно безучастнее задал я логичный вопрос.

— Семь серебряных в час.

— Неплохо, — я обернулся на своих спутников и осекся, забыв что хотел сказать. Оба они покраснели как вареные раки. Наставник мой произвольно сжал свои пудовые кулаки, во все глаза уставясь на предложенные прелести. Валера с трудом дышал, выпрямившись сидя на диване как струна. Некоторое время я любовался ими.

— Ну что, выбрали? — Подгоняла рыжая.

— Да, разумеется. Мы берем всех. На два часа.

Я подошел к мужикам.

— Иван, Валера, вы чего? Не теряйтесь. Все ваше. Угощаю.

Они не сразу поверили. Впервые видел у Ивана взгляд сразу и недоверия и полный надежды. Валера растерял свою дерзость и просто хватал воздух ртом, как рыба

выброшенная на берег. Хм. 7 монет для них разве много? За второго не поручусь, но ведь Иван срубил кучу денег на заказе Демянска, для него это должно казаться мелочью, как и для меня? Однако же вот, имеем двух великовозрастных детинушек, с немалым жизненным опытом, которые ведут себя словно какие-то девственники из дневной школы. Да, я знаю, что красота страшная сила, но чтобы вот так?

— Давайте, давайте, — подбодрил я их, смеясь, — вперед и с песнями. Пятеро на каждого! Время идет.

— А вы? — вмешалась рыжая.

— Я подожду их, ничего. Должен ведь кто-то охранять тележку, мы тут набрали с собой немного, нечаяно...

— Да, я только что хотела вам сказать, что со своей едой и напитками нельзя. Если вы желаете то или другое, я принесу вам меню, при заведении прекрасный ресторан.

— Бутылку воды простой, пожалуйста. Что же вы?! — Еще раз обратился я к мужикам, по-прежнему пребывающих в благоговейном ступоре. — Время идет.

Как же они сорвались! Что-то мыча, глотая слова, они каким-то образом поделили девушек и двумя вереницами удалились в комнаты. Я расплатился. Денег жалко не было совершенно, я бы и больше заплатил за подобное зрелище. Сказал бы мне кто еще месяц назад, что доведется мне лицезреть своего сурового "дядьку" в роли мальчишки встретившего голую Монику Белуччи, причем сразу в десяти экземплярах, и трясущегося от страха, что это сон, а не реальность — не поверил бы. Не смог бы поверить. Да и второй, Валера, не лучше. Удивили мужики, удивили. Кстати, о Мониках Белуччи образца Солнцедара, не знаю уж какого года:

— Скажите, уважаемая, — предельно вежливо обратился я к рыжей администраторше, — а какие-нибудь менее слоноподобные девушки у вас в заведении имеются?

— Не поняла вас? — Получив в свои руки деньги, она стала чрезвычайно любезна.

— Похудее нет никого, спрашиваю? Это ведь ходячие желе. Как они в двери проходят только?

— Вам не нравятся наши девушки? — Вытаращила глаза рыжая. — Но это лучшее, что есть в городе! Мы и еще одно аналогичное заведение, только у нас лучшие.

— А почему они весят по тонне каждая, вы считаете, что чем больше, тем лучше?

— Не понимаю вас. Вы хотите девушек по низким ценам? Но у нас только высшее качество.

— Я хочу тех, кто выглядят как обычные люди, вот как вы, например. Я о комплекции. Хотя вы тоже ничего. А это... думал вы издеваетесь, или, вернее, издевается тот кто привел меня сюда. Вы их специально откармливаете?

— Конечно. Все девушки на строгой диете.

Возвращение на благоустроенную улицу состоялось лишь через два с половиною часа. Сперва пришлось продлевать время моих "гостей". Я скучал и сердился, когда администраторша заявила, что "господа" просят меня не прерывать отдых столь рано, как истекший час. Нагло вато, подумал я, но, заглянув в комнату к Ивану, остолбенел и поскорее захлопнул дверь, после чего молча выложил еще семьдесят монет.

Затем, эти два одуванчика (очень уж их качало) долго собирались, прощались с местными одалисками, от чего я едва не опустошил желудок прямо там на ковер, обещались

зайти еще непременно, и, наконец, наша странная компания вывалилась из дома порока.

Коляску отдавать Ивану я отказался, и меланхолично толкал ее перед собой, раздумывая как бы вернуть проходящий день в приемлимое мне русло. Искать новый вертеп — отметалось сразу. Довольно. Идея не заморачиваться, не пытаться охватить необъятное, не искать сам не знаю чего, а примитивно потратить долгожданный выходной на простые удовольствия, такие как поесть, выпить, снять шлях, побродить и поглазеть на что-нибудь, прошвырнуться по магазинам, дала явный сбой. Что же оставалось? Половина времени уже позади, и на что оно ушло? Глупо. И выгляжу я глупо с этой коляской. Побродить и поглазеть разве что осталось, но жизненный опыт подсказывает, раз планы пошли наперекосяк, то и будут идти столь же скверно. Такие мысли были в моей голове, когда я вдруг заметил, что веселье моих спутников несколько переходит границы. А конкретно Валерий, все менее вызывающий у меня симпатию, обрел свою прежнюю словоохотливость одновременно с желанием поддеть.

— Не, ну серьезно, Гарри, у тебя может на женщин не стоит? На тему посоха я пошутил, извини, но, право же, в чем тогда дело?

— А есть какое-то дело?

— Интересно! На нелюдь убогую как зверь накинулся, говорят, а тут от первых красавиц шарахаешься. Странно это. Чего ожидать непонятно, на кого твой осетр в другой раз укажет?

— Я не люблю жирух. Так понятно? Нравятся — на здоровье, а меня увольте.

— То есть женщины тебе нравятся?

— Нравятся. Но не такие.

— Чудны дела твои, Всевышний, но пусть. То есть девки привозные, краше которых во всей волости не сыскать, тебе не по сердцу, а всякие уродины нормально?

— Почему уродины? Просто нормальные женщины. Как везде. Вокруг нас сейчас, например.

— Так тут нормальных баб и нету, край наш в этом плане неудачный.

— Мне нормально.

— Ну ладно, успокоил, Гарри, спасибо. А то я волноваться было стал, что ты специально так все устроил, чтобы потом с нас плату натурой потребовать.

— Валера, ты дурак?

— Я попросил бы обойтись без оскорблений. Все-таки я вольный человек, а ты гладиатор, пусть знаменитость и богач. И сам подумай, вот ты тащишь нас в бордель, рвешься, а потом раз — и в глухой отказ. А вы "угощайтесь", мол. Оплатил все. Спасибо еще раз, конечно. Но выглядит несколько странно, что думать прикажешь? Вдруг тебе и правда мужские задницы нравятся. Моя, например, а?

— Отвали от меня, ладно? Настроения и без тебя нет. Психану.

— Нет, ты посмотри на него, — не унимающийся Валера обратился к Ивану — сам тут устроил непонятно что, а потом не в настроении! Психанет он! Ты, кстати, друг мой, с ним поаккуратнее, со своим малохольным. Проснешься ночью с членом в заднице, ахахаха, что делать будешь? Ты ведь слуга теперь, это будет считаться за службу?

Приложился я от души. Валера потерял несколько зубов и сильно ударился затылком о стену дома, в которую влетел. Раскинув руки и ноги, он лежал как поломанная кукла. Вокруг головы быстро набиралась лужица крови.

— Зря ты это. — Иван не выглядел удивленным, и равнодушно глядел на раскинувшегося "друга". — Выпрашивал как умел, понимаю, и все-таки зря.

— И что будет?

Иван не успел ответить, как вокруг нас началось столпотворение. Решительно все гуляки, все кто мог, собрались вокруг, поднимая шум. Из общего гвалта доносилось то "убили!", то "держи их", хотя никто не убегал, третьи звали стражу, четвертые еще что-то. Мне было все равно. Быть может, я и правда не умею отдыхать?

Стража появилась весьма скоро, погасив своим появлением начинающую серьезно закипать толпу. Я равнодушно отметил, что пара стражей совсем молодые люди, парень и девушка в форме напоминающей жандармерию. Парень казался хрупкого сложения, но это компенсировал своим взглядом, глазами матерого волкодава. Смотрел он на меня как на врага, и я почти физически ощущал его готовность к беспощадности действий и решимость идти до конца. Перед напарницей красуется? Не похоже.

— Имя, фамилия, род занятий?

Иван назвал за нас обоих и вкратце описал ситуацию. Парень потемнел лицом.

— Значит вы, осужденный, гладиатор, пользуясь служебными навыками, в состоянии алкогольного опьянения, избивали свободного человека, нанеся ущерб, который без магического вмешательства вполне способен привести к гибели человека? Вы задержаны.

Город. Окончание.

Здание Стражи строилось и оформлялось с умом, с расчетом. Как же иначе? Строгое снаружи, оно выглядело отстраненным, мол, вот я, всегда наготове. Желаете познакомиться? Лучше не стоит. Само по себе я, самодостаточно. И дорога ко входу чуть длинновата, есть время подумать, так ли вам необходимо сюда?

Нам было необходимо. Карета, запряженная четверкой (ого!) вороных, мягко прокатилась к самым ступеням.

— Выходите. И без глупостей. — Голосом стражника можно было заморозить кипящий чайник. Парень ненавидел меня не скрывая, подчеркивая это даже корректностью.

Мы вышли. Вблизи здание казалось еще холоднее, заставляя поеживаться. Рядом с монументальной дверью из черного дерева, с обеих сторон стояли статуи львов. Над дверью была надпись на непонятном языке, выложенная золотыми буквами.

— Оставь надежду, всяк сюда входящий. — Пробормотал я машинально. Стражник отреагировал:

— Что посеешь — то и пожнешь.

Мы вошли в здание. Изнутри оно подавляло атмосферой мрачного торжества силы. Как можно совместить яркость освещения и полумрак? Оказывается, можно. Вот где бы устроить банк! Или балы проводить. Изумительное оформление, простота, создающая ощущение комфорта и власти.

— Приложите руку, задержанный.

В центре холла на малахитовом постаменте находился шар, аналогичный банковским, но вдвое большего размера. Поняв, что от меня требуется, я подошел и прислонил к нему ладонь. Шар засветился красноватым светом.

— Вы — маг? — В невыразительном, холодном голосе сопровождающего мелькнуло удивление. Или мне показалось?

— Маг.

— Это обстоятельство отягчает ваш проступок.

— Но я не использовал магию. В городе это запрещено, не так ли?

— Не так. В правиле масса исключений, практически нивелирующих само правило. Впрочем, вам объяснят.

Я пожал плечами. Будь что будет. Дальше Арены не сошлют. Или сошлют? Как же мало я еще знаю об окружающем мире. Хорошо героям книг, раз-раз и вписался в окружающую жизнь как турист в Октоберфест. Но что, если вы не турист? Здесь я полных четыре месяца, пусть и в запертой обстановке, но общения не лишен. Проблема, однако, в том, что местные воспринимают меня за своего, кажется, будь я чужаком, объясняли бы лучше. Сам тоже хорош, не умею вытягивать информацию незаметно в достаточном объеме, для этого необходимо быть интеллектуально выше собеседников, а я не выше. Имеем то, что имеем.

— Пройдете, задержанный. — Человек в черном костюме подошел незаметно. Обувь или мастерство? Полы паркетные, никаких ковров, и наши шаги (мои и Ивана) звучали весьма гулко.

С Иваном нас разлучили. Когда я последовал за своим проводником, мой слуга тоже прикладывал свою лапу на шар, засветившийся, как я успел заметить, желтым.

Мы прошли коридором в полукруглый зал. Сопровождающий отошел в сторону, знаком указав мне занять место в середине. Прямо передо мною возвышалось нечто вроде кафедры, за которой стояла темноволосая пожилая женщина с высохшим худым лицом. Она равнодушно осматривала меня, пока наши взгляды не встретились. Тогда она едва, еле заметно дернулась.

Некоторое время все молчали. Женщина что-то читала, судя по шелесту бумаги, точнее я не видел, сопровождающий превратился в тень, а я угрюмо ждал продолжения. Безо всякой интуиции было ясно, что влип. Теперь главное не натворить чего-то еще худшего. Такое бывает. Некая глупость, случайность, кажущаяся мелочью, вдруг затягивает вас в такие жернова, что лучше бы вы убили сотню человек. И что-то подсказывало, что сейчас как раз тот случай. Вопрос лишь чем именно придется жертвовать, чтобы вернуть события в приемлимое русло, о чем я и размышлял. Наконец, женщина поправила свои волосы, собранные в тугую косичку, и заговорила:

— Осужденный номер... именующий себя Кровавым Гарри, гладиатор Арены Справедливости, вы задержаны по обвинению в нанесении тяжких телесных повреждений свободному человеку. Отягчающие обстоятельства: действие совершено группой в состоянии алкогольного опьянения, кроме того, задержанный является магом. Вы можете или желаете сказать что-либо в свое оправдание?

— Почему вы говорите, что деяние совершено группой? Иван вообще ни при чем, только рядом шел.

— Правильно ли я поняла из представленного описания, что Иван является вашим официальным слугой?

— Да, он присягал. Ну и что?

— То, что слуга это равно что и вы. Деяние слуги есть деяние господина, а деяние господина есть деяние слуги.

— Интересно девки пляшут. А если он или я вообще ни при чем?

— Какие девки? Вы хотите изображать сумасшедшего? Зачем, ведь шар не обмануть, и он не оценил вас как невменяемого. Если только вы не хотите, чтобы я засчитала вам еще одно отягчающее проступок обстоятельство — попытку обмана.

— Я говорю о том, что это бред, обвинять Ивана в том, что сделал я, который и сам не знал что сделает за минуту до того.

— Вы говорите абсурдно. Впрочем, насколько могу понять, вы все же не собираетесь утверждать, что не совершали того, в чем вам обвиняют?

— Простите, как мне к вам обращаться?

— Как положено. Страж. Вы до сих пор пьяны?

— Нет, я не пьян. Да, я признаю, что ударил этого идиота.

— Свободного человека.

— Ага. Он слишком распускал язык.

— Тогда вы распустили руки. Нанесли тяжелые повреждения. Валерий лишился пяти зубов, а от удара о стену получил черепно-мозговую травму, затылочная кость сломана. Полное восстановление без магического вмешательства невозможно.

— Не вижу проблемы. Давайте, я его вылечу.

— Разве вы маг-целитель?

— Нет. Не знаю, но что сложного? Я волю в него маню столько, сколько необходимо. Все эти вышеперечисленные "тяжкие телесные повреждения" — сущие пустяки в сравнении

с тем, что я уже делал.

— Вы лечили людей без разрешения?!

— Ну да, того же Ивана, спросите, он подтвердит. Да и вы сами наверняка уже знаете.

— А, на Арене. Это совсем другое. У вас нет права лечить кого бы то ни было, соответственно вы не будете лечить и пострадавшего. Тем более, что он уже излечен за счет городской казны.

— Ну тогда я не понимаю к чему наш с вами разговор.

— К тому, что лечение не дешево, и вам придется возместить ущерб — это раз, заплатить штраф за материальный ущерб — два, заплатить штраф за моральный ущерб — три, компенсировать городу беспокойство — четыре.

На мгновение мне показалось, что положение мое не столь и плохо. Штраф! Сдерут немало, думал я, но штраф всего лишь деньги.

— В общей сложности штраф составляет двести сорок три тысячи, восемьсот семьдесят шесть серебряных монет.

— Сколько?! Да ведь это больше, чем у меня есть! — От неожиданности я вскричал. Да, чрезмерность сумм ожидалась, но не обдирание как липки.

— У вас есть именно столько. — Женщина тепло улыбнулась как другу.

— Большая часть есть. Столько — нет.

— Вероятно, вы забываете о той части ваших призовых, что передали своему слуге.

— Ивану? Но это его деньги. Однако же, да, в сумме, возможно, и выйдет.

— Уверяю вас, именно столько у вас и есть.

Спорить было нечего, но промолчать вовсе я не мог.

— Простите мою настойчивость, прошу извинить меня, уважаемый Страж, но не кажется ли вам, что это слишком?

— Не кажется, осужденный, ведь у вас есть эти средства.

— Простите еще раз, но... вот будь у меня иная сумма, вы бы назначили ее?

— В данном случае да.

— И так откровенно говорите об этом?! — Я не мог не восхититься подобной непринужденностью.

— А что вас, собственно, смущает? — Женщина непонимающе подняла брови. — Есть проступок, есть наказание. Соразмерность определяет конкретная ситуация, в вашем случае она такова. Цените мягкость и рачительность государства. В былые времена с вас бы сняли кожу, или сделали еще что похуже.

— О, да, — я тоже улыбнулся, — безусловно, я ценю мягкость, и, особенно оценил рачительность. Обобрать до нитки — превосходный пример.

— Вы говорите так, словно свободный человек, а не опекаемый преступник. Государство ваш опекун, если вы не запомнили.

— Нет-нет, что вы! Это я помню всегда. А если забуду — то вы мне напомните, госпожа Страж, не правда ли?

— Напомню, я или еще кто-то, не принципиально. У вас странная черта произносить очевидные, обыденные вещи так, словно вы желаете открыть мне глаза на нечто неведомое. Учитывая данное ваше свойство, я не сомневаюсь в том, что мы с вами еще увидимся здесь. Мой долг предупредить вас быть внимательнее и осторожнее, ведь не все вопросы легко разрешить штрафными санкциями. Берегите себя.

— Да-да, — закивал я, — стало многое яснее. Небольшая растерянность, что вы

наблюдали, прошла. Просто вы содрали с меня невероятный, умопомрачительный штраф за то, что можно было решить вообще без денег, если не считать моральный ущерб, и я был удивлен пару минут, не более того.

— Рада, если дело обстоит так, как вы говорите.

— Госпожа Страж, последний вопрос, — заметив, что она собралась уходить, я заторопился, — а я имею право подать жалобу на моральный ущерб? Как лицо опекаемое нашим славным государством?

— Жалобу? Вы? На кого?

— На пострадавшего. Ведь он оскорблял меня перед тем как лишился чувств.

— Он ударил вас?

— Оскорбление словом.

— Сомнительно. — Она задумалась. Не женщина, а белка грызущая орехи из наших грехов! Я восхитился. — Да и смысла никакого. Вы ударили его, и доказать, что оскорбление словом так задело вас, будет сложно. Но и в случае успеха вам ничего не присудят, поскольку вы ответили делом. Хорошо еще, если издержки следствия присудят лишь ему, а не разделят между вами. А главное, что там в кармане — вошь на аркане.

— Издержки следствия?

— Все стоит денег.

— Понятно. Надеюсь, что государство наше не слишком поиздержалось, оказав квалифицированную медицинскую помощь страдальцу.

— Ровно на сумму положенной ему части штрафа, и уже взысканную.

Смех я сдержал, все-таки мой юмор здесь не всегда понимают. Внутренне же порадовался за Валеру. Столько пыхтел — и забесплатно.

— Благодарю вас за уделенное мне время, Страж, и, раз все недоразумения столь удачно разрешены, то позвольте откланяться?

— Всего вам доброго, Кровавый Гарри.

"И заходите еще, когда в карманах что-то зазвенит", — добавил я мысленно, — "будем вам рады".

Иван ждал меня уже на улице, перед ступенями у входа. Широко расставив ноги, он похозяйски заправил руки за пояс и, задрав голову, наслаждался морозящим дождиком. Я встал рядом, скопировав позу.

Было легко и пусто. Напряжение отступило, сменившись добродушной безмятежностью. Значит, не показалось, действительно все не так плохо. Может это энергетика здания Стражи влияла подобным образом, а может несбывшееся ожидание худшего, или выветрился алкоголь, или, ударив придурка, я выплеснул скопившуюся отрицательную энергию, а возможно, что и все сразу, но почему-то именно сейчас, нагло обобраный законниками, я впервые ощутил, что я — хозяин.

Хозяин чего? Себя? Своей судьбы? Не очень похоже. Окружающего? Тоже нет. Но чувство было, и было оно прекрасно. С одной стороны, у меня нет ничего, да и сам я "опекаемый", а с другой... с другой стороны я стал убийцей. Дает ли это что-то? Меняет ли человека? Конечно. Считаю ли я эти убийства реальностью? Не знаю. Но трясет меня "до" все больше, а отходняк "после" все меньше. Я изменился, факт. Взять хотя бы сегодняшний день — некто со слугой и нахлебником (если взглянуть на себя со стороны) завалился в ресторан, где устроил пирушку, затем в дом терпимости, причем в обоих случаях не

мелочился, затем едва не убил человека, заплатил штраф и преспокойно ушел. В моей прошлой жизни я не имел подобных возможностей, чему был рад. Что же будет, когда с меня снимут ограничение прав? Неужели я действительно буду тридцать лет жить бойцовой собакой? Вряд ли. Тесно мне на Арене. Как и почему это закончится — не имею ни малейшего представления, но что это закончится, и скорее рано, чем поздно, в том уверен вполне. Может быть часть моего наплевательского равнодушия и основана на том, что я чего-то жду, чего-то настоящего?

— Ты не серчай уж сильно, барин. — Иван вывел меня из раздумий. Да еще как!

— Барин. Это куда лучше "малохольного", Иван.

— Ну дык это... был малохольный, вырос и стал барин. Такое бывает.

— Бывает, это верно. Молодец, Иван, растешь.

Мы посмеялись и пошли. У выхода с территории стояли будка с часовым и наша тележка.

— Охраняешь, служивый? — Гаркнул Иван. Часовой и ухом не повел, равнодушно глядя на ворота.

— Ну охраняй, охраняй...

Найти дорогу к Колизею труда не составляло, но мне захотелось еще прогуляться. Спросил у слуги где здесь река или озеро, или водоем, или пруд, словом, что-то связанное с водой. Если вообще есть. Должно быть — город все-таки. Иван повел, толкая тележку, я пошел рядом. Довольно быстро, минут через двадцать, он привел меня к небольшому пруду. По пути я продолжал изучать город. Судя по планировке, он не был старым, во всяком случае центр не нес в себе ни малейших следов старины, прямые улицы, однотипные постройки. Магазины и кафе на каждом шагу, отдыхающие люди, пешеходные улицы без лошадиного дерьма. Наряды населения все еще поражали, но, поразмыслив, пришел к выводу, что не будь их, то и все прочее стало бы если не серым, то весьма унылым. Пусть.

Пруд располагался прямо посреди домов, метров двадцать на тридцать, обведенный аллеей с лавочками под тополями. Неплохо. Мы заняли свободное место, лицом к немного застоявшейся воде.

— Вот жизнь пошла, не ограбят, так оштрафуют. — Иван без спроса запустил свою лапищу в тележку, откуда извлек завернутого в тряпицу гуся, и, расположившись поудобнее, принялся жевать птицу.

— Приятного аппетита.

— Вы бы тоже поели, барин.

— Поем. Только скажи мне вот что: этот Валера он тебе на самом деле кто?

— Валерка неплохой парень. Дурак только. Он у вас прощения просит, барин.

— Да ну? И где же этот неплохой парень? Ты знаешь, я не злой, но снисходительность не всегда моя черта.

— Знаю, барин, — Иван вздохнул, продолжая уничтожать мясо, — да только здесь нет его вины. Не только его вина, то есть, — поправился он, — здесь все мы хороши, и я тоже. Да разве был у нас выбор?

— Поподробнее, пожалуйста. Ты знал, что так выйдет?

— Конечно. Не знал как именно, но как Валерка подошел, так все враз и понял. И подыграл ему как мог. Моя вина, барин. Но даже рад был тогда, что все ясно и без сложностей.

— Ничего не понимаю. Ну-ка расскажи мне весь этот заговор, по пунктам. Кто, куда,

чего, зачем. Что тут за тайны мадридского двора?

— Какого еще двора? — Удивился Иван. — Да и какие тайны. Правило есть негласное, когда у гладиатора денег много заводится к моменту дня выходного, так он без медяка назад возвращается. Таков уж мы народ, непременно набедокурим.

— Это я уже сообразил, что деньги изъяли целенаправленно. Не знал, что система, да и бог с ней. Зачем, вот что понять не могу?

— Зачем казне деньги?

— Зачем вот так? Я ведь и так по сути собственность, казенный человек, разве не так? И все мое — по факту государственное, так?

— Так, барин, так. Да не так.

— А как?

— Пока ты в зверинце, то делай что хошь. Покупай чего душе твоей угодно, купцы все одно заплатят такую пошину, что без прибýtка останутся. Да отказаться им нельзя, закон.

— Как без прибýtка?!

— Так. Сторговал он тебе некую вещь за сотню, а вещь эта и десятки не стоит, да пошного сбора отдаст столько, что почитай как бесплатно тебе принес, ни медяка не наварил. Вот и весь сказ.

— Не весь. Сказывай далее. — Я поерзал на лавочке. Любопытство было затронуто, хоть я и понимал картину в целом, но дьявол, прячущийся в деталях, не уставал радовать своей и простотой и изощренностью. Покосившись на слугу, тоже взял себе кус мяса, приготовившись слушать.

— Ну кто же вам позволит такими деньжищами распоряжаться? Покуда вы на месте, под замком, то ладно еще. Погибнет боец — все нажитое описывается и конфискуется в казну. А если нет? Дожил вот до дня выходного, и все. Делай что пожелаешь. Хоть все оставь по кабакам да девкам. Отдых — святое. Имущество ваше государственное, только вы его подсократить можете. Непорядок. Вот и случаются истории разные, хотите вы или нет, как избежать, когда заранее намечено? И все, штраф, начинай сначала.

— Но разве часто набегают подобные суммы?

— Не часто, но и не такая прям редкость. Бывало, видел. И уж понимал, что не вернуться нам не ошипанными в наш курятник. Валерка что... приятель мой армейский. Потому и выбрали его, мыслю, бедняга сидит без копейки, любой работе рад. А уж гордый он — уууу. Потому и ершил, сердился на себя да на вас. И мне его нарочитость словно наказ — не вмешивайся. Я и не вмешивался, хуже вышло бы.

— Так. А если бы успел я все истратить, что тогда? Вот стал бы раздавать людям расписки как купцам, тогда как?

— Тогда кто-то из тех кому вы раздаете оказался бы "оскорблен", да и плюнул вам в рожу, а вы ему, ну и... то же самое.

— Понятно. Хоть и не до конца. Неужто все непременно тратят что есть? Глупо ведь. Чем подождать когда подохнет на Арене, а?

— Да кто же знает доживет ли он до следующего отпуска? Гуляют как в последний раз, да и вы неплохо начали, по-княжески. Валера и напрягся, сравнить с общей суммой — мало, а кто знает какие там инструкции были. Но пожрать, да в вертеп сходить — позволили, надо признать. Вот потом — все, хватит, погуляли.

— Странновато все же, но всевышний с ними со всеми. Тебя ведь тоже обобрали, хоть ты и свободный?

— А как же. Свободный, да слуга несвободного. За долю, деньги, да с присягой. Значит и сам не очень равен уже.

— А твоя жена, дети, как они жить будут? Думал ты порадуешься тому улову, а ты ждал, выходит, что отберут все?

— Вы за меня не беспокойтесь, барин, — невесело усмехнулся Иван, — и мне позволили кое-чего. В меру. У нас, на Руси, всегда так — награда может не иметь краев, а пользоваться ею как — не всегда решать награжденному. Но погуляли неплохо, что есть то есть. Странно, что вам девки не понравились. А я долго их помнить буду. Спасибо, барин.

— Я их тоже не забуду, поверь. Жена не узнает?

— Та ей все равно.

— Ладно, не лезу. Скажи, а какая сумма самая большая, что Правдой решали?

— За пятьсот миллионов было.

— Сколько??!!!

— Так ведь не одному, барин! Бывают вопросы, что только армией и решить. Тогда набирают всех кого можно, лучших. И по сто и по двести бойцов разом выводят, и магов там — кого только можно найти.

— Их же мало.

— Вольных нанимают, за такие деньжищи... Но такое редко. До моего рождения еще было, чуть не половину Сибири делили. Но на миллион-другой вопросы часто решают. В столице, на главной Арене.

— Эй, а почему все это мимо меня проходит?

— Это тебе кажется, барин. Все кому надо — в курсе вашего существования. Да хоть тех придурков Демянских взять — можно как первую проверку серьезную рассматривать. Ты прошел ее, барин. Сегодня прошел другую.

— Это как?

— Не сорвался. Не психанул. Теперь жди.

— Вот как.

Мы замолчали. Начадо вечереть и дождик усиливался, переходя из морозящего в затяжной. Приятно, очень приятно после бесконечного солнца, но долго сидеть мокрым тоже надоедает.

— Ну что, Иван, пойдём что ли в "зверинец", как ты говоришь?

— Так все говорят. Пойдемте, барин, провожу.

— Ну и дурак же ты пьяный, барин!

— Пьяный? Да в уме ли ты, братец? Слезь, бегемот, больно!

— Неужто нет? Да ты и трезвый всякий, но уж выпивший....

Иван ввалился в комнату Макса, которую именовал теперь не иначе как "барские хоромы", от чего тот злился и предлагал называть как есть — свинарник, что слуга игнорировал, и чем больше комната напоминала помойку, тем с большим благоговением величал хоромами. Максим сердился, но признавал его правоту, обещаясь себе прибраться. Руками, без магии, это казалось ему важным и принципиальным. Почему — понятия не имел, не считая мелькающих мыслей про "оставаться человеком", что и самому казалось глуповатым в приложении к мусору.

Иван подошел к кровати и всей массой уселся на ноги господина, протягивая чайную чашечку с водкой.

— На, выпей.

Господин затрепыхался, но столкнуть здоровяка не смог.

— Пей, говорю. Полегчает.

Ногам было больно, но Максим подумал, что Иван способен попросту влить в него напиток, почему взял предложенное дрожащими руками, собрался с остатками сил и выпил единым духом.

— Полегчало, барин?

Макс откинулся на подушку, решив не обращать внимания на столь тяжелый укор совести как собственный слуга. Что же вчера было? То что он перебрал — безусловно, но и только. Напористость Ивана, однако, озадачивала, обыкновенно он был снисходителен к мелким недостаткам начальства, что тот объяснял себе равнодушием, которое его, впрочем, совершенно устраивало.

— Выпил, я выпил, доволен? Слезь, говорю, ноги раздавишь. И сколько раз тебе повторять, что слово "барин" мне не нравится? Неужели так сложно запомнить простое "шеф"?

Иван солидно кивнул, и не думая слезать.

— Значит, барин, не помнишь ничего? Такое бывает, у тебя так и вовсе как норма.

— Иван, друг мой, — проникновено начал Максим, — я понимаю, что читать лекции твое призвание в жизни, а призвание штука такая, что прорывается в самые неподходящие моменты, но очень тебя прошу — завали хлебрезку и слезь с ног моих, наконец. Дай в себя прийти.

Проскрипела дверь, и вошел Михаил. В помещении сразу стало тесно.

— На улице дождь или просто скучно? — Максим растерялся и недоумевал. — Что вы всем скопом столь бесцеремонно вздумали нарушить мое личное пространство?

— Ну как он? — Наставник вопросительно взглянул на Ивана.

— Похмеляется. В процессе.

— Что мне в вас нравится, так это врожденная деликатность и уважение к ближнему, — Макс чувствовал улучшение, в голове прояснилось, но понимания что здесь к чему оттого не прибавлялось, — быть может кто-нибудь из вас снизойдет и скажет уже прямо в чем дело?

— Дело, как обычно, в вас Максим Юрьевич, — снизойти решил Михаил, с привычным

презрением разглядывая подопечного, — в том что при всех ваших положительных качествах и доброте вашего сердца, в наличии коего уверяет ваш слуга, вы глупы, а в данную минуту еще и пьяны. Недоумение ваше вызвано тем, что вы не соображаете какая именно сейчас данная минута, не правда ли?

— И какая? — Нахохлился Максим.

Оба мучителя, и слуга и наставник, дружно вздохнули. На мгновенье ему показалось, что оба еле сдерживают смех. Он присмотрелся и понял — не показалось.

— День сегодня торжественный, — начал Михаил, — можно даже назвать его определяющим ваше будущее, но, зная вас, я так его не назову. Разве у вас может быть будущее? Порою мне кажется, что для вас существует лишь непонятное прошлое, даже не настоящее, а поскольку вы его толком не помните, то даже не знаю, что у вас есть вообще. К несчастью, и моему глубокому сожалению, ваше ни прошлое, ни настоящее, ни будущее, ваше неизвестное, назовем это так, весьма влияет на других людей, у которых есть и то и другое, и, надеюсь, третье. А потому скажу проще — день нынче из тех, что для людей нормальных считался бы памятной датой.

— А можно все это по-человечески? — Максим рыгнул и покривился жалобности собственного голоса.

— По-человечески, барин, у тебя сегодня помолвка. — Иван освободил все-таки его ноги, и, поднявшись во весь рост, зевнул и потянулся до хруста.

— Помолвка?!

— Папаша мой был человек большой учености, и обозвал бы это точкой бифуркации или чем-то таким... — Иван ухмыльнулся, — но я человек простой, а потому говорю как есть — помолвка у тебя, барин. Невеста ждет.

Видимо, вид у Максима был столь ошеломленный, что оба зрителя расхохотались.

— Как? — Только и смог выдавить парень. — Кто? На ком? Помолвка с кем?!

— Алкоголь — враг ума. — Констатировал Михаил.

— Анастасия Александровна ждут-с.

Максим вскочил с постели, но сделал это слишком поспешно, отчего не удержал равновесие и с грохотом растянулся на полу.

— Вот это прыть! — Одобрил Михаил. — Боевой конь, аллюр три креста.

— Вам бы умыться, барин, не можете ведь вы показаться барыне в таком виде? — Яда в голосе Ивана хватило бы перетравить половину Солнцедара. Тем не менее, слуга ловко и быстро организовал тазик с теплой водой и даже раздобыл относительно свежее полотенце, что можно было приравнять к подвигу. Макс удивился — когда-то давно, в первый день ивановой службы, он было приказал что-то касаемое уборки и гигиены, после чего зарекся от подобных идей. Иван категорически отказался "становиться бабой", и пояснил, что слуга он, конечно, слуга, но для других дел, а если барину подобное не нравится, то будет выполнять все согласно присяге, как умеет, а как он умеет — барин может полюбоваться. Максим понял, что все подобные дела придется делать самостоятельно. Эльфийка в свое время научила пользоваться местными клининговыми службами, но, как выяснилось, и это тоже требовало некоторых навыков, в частности умение не откладывать на потом.

Прошло еще четыре месяца существования с момента первого выхода в город, и Максим был до сих пор жив. Первые дни он ожидал чего-то интересного, эпического, того что вот-вот изменит жизнь и "день сурка" закончится. Каждое утро он выходил на площадку,

тренировался, ждал заказчиков, всматривался в них, когда они были, весело ожидая что ему будет объявлено что-то такое, что сломает весь ход событий. Как и что — он не знал, но чувство поселившееся в нем, что все это на время и время не долгое — не желало уходить. В самом деле, ну не тридцать же лет играть в одно и то же? Вариант быть уничтоженным, согласно статистике, не рассматривался вовсе. Подумаешь — статистика! Статистика — антураж для нагнетания жути, не более! Максим был уверен в своей готовности на что-то большее, и нетерпение подгоняло его.

Но ничего не происходило. Дни сменяли дни, и — ничего. Рутинка, надоевшая рутинка. Проснулся — тренировка. Обед. Выступление, если есть заказ. Ужин. Сон. Проснулся — тренировка.

Занятия были интересны, но даже восторг перед магией, ее бескрайностью возможностей, восторг, казавшийся неисчерпаемым, сдавал позиции. Максим поймал себя на машинальности действий, когда ему показалось, что тренировка с Михаилом закончилась быстрее обычного, и он понял, что просто не заметил как провел большую ее часть. Занятно, но наставник все увидел, конечно, и одобрительно кивнул вместо обыкновенного язвительного выговора.

Максиму надоело. Он чувствовал в себе нарастающую накапливающуюся злобу и раздражительность. Выпустить пар никак не удавалось. На Арене он стал слишком жесток, слишком — по определению Ивана, которого сложно было заподозрить хоть в какой-то мягкотелости. Максим лишь пожал плечами, мол, а что я могу. Противников уровня адекватной оппозиции не было, и он не очень понимал отчего так. Отчего не повышается уровень сложности задач? Почему он должен решать Правду уровня "ограбили магазин" или "похитили урожай", когда известно, что он способен на куда большее? Купцы подкидывали немногим более сложное, и Максиму становилось противно все более. Он обратился к Ивану.

— Ну дык, барин, а где ты здесь иное сыщешь? Провинция. Вот в столице, там да, там такое, что не приведи нас туда Всевышний.

— Отчего же? — Возразил Максим. — Я был бы очень рад покинуть это милое местечко, если в столице интереснее.

— Интереснее, барин, интереснее. Да только нас с того что? Та же Арена, тот же песок. Только супротив нас будут уже звери серьезнее. В столице первоклассный зверинец! Чего здесь не нравится? Живы зато пока.

— Именно это мне и не нравится, что любая тренировка сильнее выступления. Зачем же мы так упахиваемся каждый день, чтобы после за пару минут разобраться? И зачем нам учитель такой силищи здесь тогда?

— Вот ты дурной, барин, смерть накликаешь. Мне вот и живому неплохо.

— Тебе вообще хорошо, ты здесь только как по работе, а мне все это обрыдло. Ты в городе, можешь понять? Нормальная жизнь, ну, относительно. А я?

— А ты, барин, набедокурил, вот и осужденный. Чего теперь жалиться? Но так тем более радуйся, что несложно все, глядишь, и еще дотянешь до отпуска. А мне хорошо, думаешь? Да я бы поменялся с тобой местами, будь моя воля. Город! Что город, город хорошо, да каждый день я может в последний раз эту жизнь вижу! Вроде не виноват ни в чем, а сам хуже осужденного. Иду в зверинец утром и не знаю, уйду ли вечером. Чего хорошего?

— Да, с этой позиции я не смотрел, — признал Максим, — но все-таки грызет меня

изнутри словно. Правильно ты говоришь — зверинец, в таких условиях, еда да драки, только в зверей и превращаться.

Максим злился, хандрил, стал часто отклонять заказы, пользуясь тем, что они "мелкие", чем вызвал недовольство и наставника и слуги, которое проигнорировал.

Выручил, если можно так сказать, посох. Артефакт постепенно вышел на первое место по значимости в текущей жизни Максима, дав ему то, что не могли люди, а именно — развлечение. Видения, что он смотрел с его помощью, не повторялись никогда, и Макс каждый вечер, приходя в свои загаженные "хоромы", ложился спать беря с собой в кровать посох. Устраивался поудобнее и прикладывал изумруд-накопитель ко лбу, погружаясь в сон-видение. Сон, поскольку всегда был после выспавшимся, и видение, поскольку при всей уникальной реалистичности рассматриваемого, воспринимал представляемое как кинофильм. Сериал. Назывался он "Жизнь Максима Юрьевича", или как-то так, словом парень просматривал эпизоды жизни прежнего владельца тела, никогда не зная, что увидит на этот раз.

А видел он многое. Максим Юрьевич Соболев прожил интересную жизнь, случайные эпизоды которой и раглядывал скучающий гладиатор. Впрочем, приятно это было не всегда. Порою хотелось проснуться скорее, но видения тем и отличались от снов, что не отпускали по желанию воли. Приходилось смотреть немало из того, что было неприятно. Он видел то что-то из детства, то юности, всякое представлялось с ясностью почти полного присутствия. Любопытно, что еще в детстве Соболев отличался холодностью и некоторой замкнутостью характера. Во всяком случае, свои проделки он совершал обыкновенно в одиночестве, при том, что приятели были, и было их много. "Станный парень", — думал Максим после очередного сеанса, "почему он отговорил всех залезть за грушами в сад школьной столовой, а после, когда все разошлись, полез сам?". Или "зачем он заявил отцу, что это он копался в его столе, когда даже представления не имел о том, кто и зачем мог это совершить? Ради порки?"

Соболев не отличался многословием, но действовал с редкой напористостью, Макс мысленно окрестил своего тезку "танк" после очередной "серии", в которой тот поколотил сразу двух однокашников только за счет того, что они уже устали до того, что не могли больше драться, а Соболев упрямо продолжал. Однажды, впрочем, и на него нашла словоохотливость, чего Макс предпочел бы как раз не смотреть, чувствуя неловкость от подглядывания за чужой первой любовью.

Видения помогали решить сразу две задачи.

Первое — нагружали мозг должным видеорядом, снимая львиную часть информационного голода того рода, что требуется жителю миллионника, ощущающему дискомфорт в условиях прекращения обычного мельтешения перед глазами.

Второе — давали конкретную информацию об этом мире, куда как более полную, нежели любые слова. Многое было непонятно, но объем увиденного накапливался, давая все больший эффект. Максим превратился в исследователя, собирающего все подряд, в надежде не упустить что-то важное. Теперь он знал, и знал точно, что изначальный владелец тела действительно принадлежал к аристократии, как и то, что аристократия не на словах была замкнутым миром. Свои школы, свои училища, свой круг. Соболевы жили скромно, на то была воля отца, но владели обширными землями. Скромность — и особняк в более чем сотню комнат, скромность — и десяток человек прислуги только на конюшне, скромность

— и охотничьи уголья, прямая скачка по которым заняла одно из видений практически целиком. Зато каша и железная кровать.

Максим видел деда, добродушного старика с глазами холодной стали, молодого еще отца, благоговейно к нему относящегося, с почительностью человека обожающего. Наконец, однажды он увидел и мать, женщину давшую жизнь этому телу, ослепительной красоты молодую блондинку, опровергающую все навязываемые ему местные эталоны красоты, или, скорее доказывающую, что вкусы плебеев разительно отличны от патрициев. Максим подумал, что любой заявивший бы, что эта женщина не красавица был бы убит им на месте просто из принципа.

Ночная жизнь затягивала все больше, и он чувствовал, что словно раздваивается. Дневник был давно заброшен, не хотелось тратить на него времени, да и записывать видения представлялось опасным. Ночью он жил чужой, но полной жизнью зрителя, днем же испытывал муки от все более раздражающей монотонной реальности участника. Деньги перестали интересовать вовсе, только делая покупки у появляющихся раз в две недели торговцев, он пытался вспомнить сколько там ему набежало, и то приблизительно. Иван не удивлялся, списав все на "барство", наставник же что-то подозревал, но держал при себе. Максим был готов поклясться магией, что тому неизвестно данное свойство посоха, и уж тем более неизвестна насыщенность ночей ученика.

С выводами, впрочем, он не торопился. Была определенная приятность в обладании хоть каким-то секретом, это частично уравнивало в его глазах положение с прочими. Более того, постепенное воздействие снов вело к тому, что Максим заметил за собой чувство превосходства над учителем по праву крови, отчего сам сперва опешил и посмеялся. Ивана же за равного он не воспринимал никогда, считая то программой, то дуболомом, то неотесанным мужиком, то хитрым, но все равно мужиком.

"Сериал" не надоедал, подтверждая старую истину, что жизнь куда интереснее любого кино, и Максим продолжал смотреть его еженощно.

Так и прошло четыре месяца. Когда Иван оповестил о том, что "барин, а ведь послезавтра у тебя выходной, наконец-то развеешься, а то совсем с лица спал, только глаза стали зеленые", Максим был искренне удивлен. Уже? Ну, что же, хорошо. Город так город. Иногда можно отдохнуть и по-свински, решил он, во-первых, этого от него ждут, ведь по всему он устал, у него упадок сил (морально) и апатия. Во-вторых, все это было правдой.

Изобретать колесо не стали, в назначенный день Макс с Иваном вышли за пределы Колизея, и, не дожидаясь никаких Валер, пошли куролесить.

— Есть у вас здесь ресторан экзотической кухни? — вопрошал барин.

— Найдем. — Ответствовал слуга, привыкший догадываться о значении неизвестных для него слов по общему смыслу, и вел в заведение эльфийской кухни. Там барину не понравилось. Где мясо? Почему одна трава?

— Дык эльфы так едят, барин!

— Ха! А людоедство хваленое? Почему нет в меню? Где ноги американские, ребрышки китайские, где печень российская? Что за халтура в подходе к клиенту?

— Дык это... если не нравится, то можно и в оркскую таверну зайти! Там мясное точно есть!

— Пошли.

В "оркской таверне" Максим выпил еще немного и страшно возмутился "оркским салатом", в котором не без удивления признал советский вариант "оливье".

— Черт знает что, Ваня, кругом обман!

Иван, временно ставший Ваней, философски разводил руками, не особо вникая в белиберду, что по его мнению нес барин.

— Дык это... не нравится если, барин, то можно в вампирский бар зайти. Но вы там можете быстро дойти до состояния полного изумления, и пропустить весь оставшийся вечер.

Максим внял предупреждению, и они пошли просто гулять, с регулярными остановками у разнообразных кафе с целью дегустации чего-нибудь горячительного. По пути выяснилось, что он довольно известная личность. Несколько раз его узнавали, подходили некие странные личности (хотя кто там казался ему не странным?), хлопали по плечу, величали Кровавым Гарри и желали всяческих успехов на Арене.

— А в первый наш выход почему никто не подходил? — Удивился Макс.

— Нас тогда трое ведь было. — Не понял Иван.

— И что?

— Так неприлично подходить не будучи лично знакомым когда трое или больше. Один или двое, вот как сейчас — тогда нормально.

— А. — Максим опять не понял логики, но решил не вникать. Пусть неприлично было, ну и ладно. Алкоголь уже постукивал в голову, когда он понял, что срочно нуждается в женском обществе. Иван предложил барину посетить проститутку. Барин с трудом удержал в себе содержимое своего желудка, и вежливо отказался. Тогда Иван привычно развел руки, мол, не знаю что и делать в таком случае. Максим знал. Он принялся приставать ко всем встречным красивым (на данный момент) женщинам одиночкам. Увы, никто из них не знал анекдота про "три коммерческих предложения", отчего пыл героя временно несколько угас. Но разговоры все-таки завязывались, и ему удалось пригласить нескольких на пару коктейлей в какие-то забегаловки. Несколько — потому, что местные дамы предпочитали понимать все буквально, и, пропустив стаканчик, откланивались, заставляя выползать вслед за ними на улицу и начинать все сначала. В какой-то момент Максим поплыл. Дальнейшее вспоминалось отрывочно и с трудом. Кажется, он строго выговаривал Ивану, что этот куст сирени его друг, и его лучше не трогать, спорил, что удержит за колесо карету лошадей не используя магию, обещал отжаться сто раз от мостовой, и даже успел отжаться три или четыре раза, пока внезапно не обессилел, лез в какое-то окно за цветочным горшком, был еще шопинг в магазине готового платья (женщины любят глазами!), после которого слуга стал ходить на выючного верблюда, постоянно отбегал во дворы в поисках уборной, и где-то потерял левый ботинок.

Ну и пускай. С кем не бывает? Вы хотели увидеть свинью — вы увидели свинью. Почему же теперь наставник с Иваном так смотрят, словно он редкое животное, науке неизвестное, да еще несут чушь о какой-то помолвке?

Максим поднялся.

— Юмор я люблю, — провозгласил он, отряхиваясь, — юмор я уважаю. И морды бить вам пока вроде не за что. Но всему должно быть свое место и время, вы не находите?

— Вы меня с кем-то путаете. Дама вас ждет, Максим Кровавый Гарри. — Михаил и не думал шутить. — Но пока вы не наделали очередных глупостей, прошу вас взглянуть на это и прочесть до того, как вы утонете в объятьях вашей ненаглядной.

Максим принял протянутый конверт. Обыкновенный, белый, плотной бумаги, запечатанный сургучем без оттиска печати. В левом верхнем углу надпись: "в руки". Сердце забилось сильнее, он узнал почерк, который не раз видел в своих снах-видениях. Это была

рука отца.

— Мы очень спешим?

— Да, Максим Юрьевич. А в чем дело?

— Ночью воздух другой. Свежее и чище. Хочется постоять немного. Соскучился.

— Мы все понимаем, Максим Юрьевич, но все-таки нам надо поспешить. Вас ждут, и дело не терпит отлагательств.

— Отец?

— И он тоже. По его словам вы помните если не все, то достаточно, чтобы понять ситуацию. Дело жизни и смерти, как пишут в книгах.

— А если не как в книгах?

— Тогда все еще проще: быть или не быть. Нам, вам, всем. Поспешим же.

— Вы правы, ведите.

— Вдоль зданий, пожалуйста.

И три человека теньями заскользили вдоль стен, огибая площадь перед Колизеем. Максим шел посередине, и все оглядывал площадь, такую большую и пустую, с отключенным фонтаном, освещенную двумя дисками лун этого мира.

Они дошли до выхода на ближайшую улицу, и шедший сзади человек придержал его за плечо, переводя Максима в арьергард. Почти сразу они свернули и с улицы, уйдя во дворы. Там их ждала карета, тронувшаяся с места в тот же миг, как они залезли в нее, не дав даже времени усесться удобнее.

— Быстро, однако. — Заметил Максим.

— Да, нервы не у всех стальные, Максим Юрьевич, — в полумраке было видно, что человек улыбается, — вы уж не ровняйте по себе, люди есть люди.

"Это у меня стальные нервы?" — Удивился Максим, но не спорить не стал.

Они ехали долго, более получаса, все это время никто не проронил ни слова. Карета мягко шла по городским улицам, лишь немного раскачиваясь при поворотах. Дверные окна были занавешаны почти до уровня глаз, а потому особо ничего Максим не видел, да и не стремился. Еще прошедшим утром он дождался, наконец, долгожданной "движухи", но не чувствовал уже ничего кроме апатии, как бывает, когда свершается то, чего ждешь слишком долго.

Карета остановилась. Тут же отворилась дверь и Максим отшатнулся от огня факела, которым кто-то ткнул едва не в лицо.

— Это они. — Человек с факелом отступил. — Выходите, и не шумите, прошу вас.

Они вышли, оказавшись перед крыльцом деревянного двухэтажного особняка, явно выдавшего и лучшие времена. Встречающих было не менее пяти человек, возможно и больше, Максим удивился тому сколько людей участвуют в его "секретной" вылазке. Выглядели все они, при этом, одинаково: темные широкополые шляпы и темные же плащи. "Парад шпионов", — подумал он, — "масок на лицах недостает".

Дом изнутри ощущался еще более старым, чем снаружи. "Даже пахнет временем", — Максим инстинктивно старался ступать аккуратнее, — "все скрипит, но какое-то родное, теплое". Проводник указал на лесенку, ведущую на второй этаж, и встал у ее начала. Максим поднялся по ней и замешкался на мгновение, увидев небольшой коридорчик с парными дверьми по обе стороны, но, заметив, что из-под одной из дверей пробивается отблеск света,

пошел туда.

Комната была невелика, чуть даже меньше его привычного жилья. И кровать отсутствовала. Стол, два стула, вешалка для одежды — вот и вся меблировка. Единственное окно занавешено черной тканью, в которой Максим признал плотный бархат. Невысокий человек за столом насмешливо глядел на вошедшего. Максим отметил, что он словно помолодел с момента их последней "встречи", в глазах светилась юность и азарт, игра мысли. Лицо отца (это был он) стало будто мягче, а взгляд добрее.

— Садись.

Максим послушался.

— Ну и как мы дошли до жизни такой? — Казалось, что отца действительно интересует ответ на риторический вопрос. Он даже слегка наклонился вперед, как приготовясь слушать.

— Я бы не назвал это жизнью, отец. За вас, впрочем, не поручусь.

Стул не имел подлокотников, потому Максим скрестил руки на груди, стараясь сделать вид своей позы независимым и не слишком агрессивным одновременно. Отец поморщился.

— Обойдемся без дешевой сентиментальности. Михаил говорит, что в тебе проснулось немало лишнего. Много бабьего. Мне это не нравится.

— О, так это ваш человек, отец? Почему-то я так и думал. Что до сентиментальности, то и мне она не всегда по душе, однако же иногда лучше суровой бескомпромиссности, вы не находите?

— Еще и филосОф, — человек насмешливо сделал ударение на второй слог, — и за что мне это?

— Видите ли в чем дело, — Максим подумал, что быть ведомым не лучшая модель поведения с подобным противником, и решился на выпад, — при всем моем глубоком уважении к вам, я не могу распространить его, то есть уважение, ко всем вашим методам ведения дел, в частности на привычку искать виноватых исключительно вне самого себя.

Возникла пауза. Собеседники разглядывали друг друга, и Максим вдруг осознал, что отец так плотно сжимает губы, чтобы не расхохотаться. Его лицо, облитое холодной маской величия, озаренное от свечей, казалось высеченным из камня гениальным скульптором. "Ему бы в кино сниматься, ростом мелковат, но многие знаменитые лидеры не были великанами. Возраст... для Цезаря в самый раз. Или фашиста какого-нибудь играть, эсэсовская форма сидела бы как влитая. На худой конец стал бы звездой сериалов о ментах и бандитах, причем не важно с какой стороны закона. Чекиста бы сыграл без проблем. Типаж! А взгляд какой, взгляд! Вот уж кто спасет ребенка сам не понимая почему шашечкой не рубанул, и передаст это глазами."

— Мы обязательно обсудим и это, в свое время, — с неожиданной мягкостью произнес человек, так что Максим вздрогнул, — но пока позволь мне самому решать как и что оценивать. Хотя бы из уважения к главе рода, которым я являюсь, и к которому ты имеешь некоторое отношение.

— Да, это так. Но разве что некоторое, Юрий Максимович. Я же безродный, где мне понять тонкие материи?

— Ого! Ты овладел иронией, сын мой? Растешь. Куда лучше армейского юмора, браво.

— Рад, что смог порадовать вас хотя бы этим.

— Благодарствую. Но ты бы порадовал меня куда больше, если бы смог включить голову. На время, если это столь же сложно, сколь и скучно для тебя.

— Вам должно быть известно, отец, что после вашей ее (моей головы) обработки,

процесс реабилитации еще далек от завершения?

— Мне известно куда больше чем ты думаешь! Но довольно пикировок. Выпьешь? — На столе появились бутылка размером с четверть, в плетеном обрамлении, и два стакана.

— Пожалуй, откажусь. — Максим не удержал выражения отвращения. — Но вы не стесняйтесь.

— Да, тебе только напиться недостает. А я налью себе немного.

— На здоровье.

— Умничать горазд. А вот скажи мне, умник, — отпив, отец откинулся назад, — как тебя зовут?

— Зовут?

— Да. Имя.

— Данное при рождении или сейчас официальное?

— Как. Тебя. Зовут. Кто ты?

— Кровавый Гарри. Неужели не знаете? — Максим покраснел против воли.

— А что — звучит! Кровавый Гарри, — словно смакуя медленно повторил отец, — не худшее имя для пса. Но тебе не подходит, не находишь? Представляется волкодав, а вижу тебя. И ты считаешь себя таковым?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, как ты сам себя называешь? Смотришься в зеркало — кого видишь? Когда просыпаешься, о чем думаешь? Доброе утро, Кровавый Гарри, пора завтракать, да?

— Я не очень понимаю чего вы добиваетесь, отец.

— Мне бы хотелось, чтобы ты перестал искать двойные смыслы там, где их нет. Я спрашиваю ровно то, что спрашиваю. Как тебя зовут, например. И, кстати, раз уж ты стал звать меня отцом, то замечу, что у меня нет детей носящих собачью кличку вместо имени.

— Мое имя вам прекрасно известно. — Максим начал закипать, реагируя на давление, и тоже заговорил подчеркнуто мягко. — Вы сами выбрали его. Исписали целый лист. Ходили со мной, едва родившимся младенцем на руках, и шептали: Дмитрий, Константин, Евгений. А потом вдруг объявили: Максим. С тех пор я Максим. Спасибо, что не Виталий, кстати.

— Ты это помнишь? — Удивился родитель. — Ты не можешь это помнить, был слишком мал. Да и видеть не мог, на второй день жизни. Но и помнишь и видишь. Это хорошо. Это намекает.

— На что же? Продолжайте, Юрий Максимович.

— На то, что память у тебя сейчас весьма специфична, ты помнишь то, чего помнить не должен, при этом не помнишь того, что как раз должен. Я весьма пристально следил за твоими трепыханиями все это время, и понял, что ждать далее бессмысленно, увы, но все что можно было сделать — ты сделал. Как и я.

— Признаюсь, что перестаю понимать вас с должной вам ясностью, отец.

— Да, разумеется. Я ничуть не насмехаюсь, не подумай. Но мне решительно необходимо понимать что ты знаешь и помнишь. Главное же — насколько ты сам понимаешь необходимость для себя знать и помнить?

— Мне весьма любопытно. Станный вопрос, было бы удивительно иначе.

— Да-да, но весьма любопытно — выражение для баб из их книжек о принцах. Я хотел бы услышать другое.

— И тогда вы расскажете мне что я недопонимаю?

— Возможно.

— И ответите на вопросы?

— На все какие смогу и так, как смогу.

— Тогда... — Максим глубоко вдохнул, — тогда я, Максим Юрьевич Соболев, прошу прояснить для меня непонятое. Мне это нужно. Я так хочу.

— Соболев. — Тихо буркнул отец, опустив голову.

— Что?

— Когда называешь себя, всегда начинай с фамилии, а имя уже после. Бросается в глаза. Но и так неплохо. Хочет он. Хорошо, я расскажу, но предупреждаю сразу, и мне придется задавать вопросы. Это понятно?

— Вполне. Начинайте.

— Еще стаканчик и вперед. С чего же мне начать...

— С начала?

— Нет, скорее тут лучше начинать с конца, — человек проигнорировал насмешку, что дало Максиму сигнал о завершении шуток, и он внутренне подобрался, — например, о том как ты здесь оказался. Понял ли ты, или известно ли тебе, каким образом ты смог выйти из Колизея не привлекая внимания, да еще целым и невредимым?

— Я просто вышел и все. — Пожал плечами Максим. — В назначенное время. Поедпологаю, что вам удалось каким-то образом отключить охрану, защиту, сигнализацию, или что там установлено, так что ни усилий, ни каких-либо действий от меня не потребовалось.

— Ошибешься, парень, — человек невесело улыбнулся, — именно тебе и пришлось совершить действие.

— О чем вы?

— Помолвка.

— Помолвка?

— Да. Настя — маг, но из простых. Для нее помолвка с обладателем ядра подобного твоему — честь и небывалая удача.

— Она мне это сообщила. Раз десять или двадцать.

— Бедная девочка волновалась. Не стоит над ней насмехаться и смотреть свысока. Она настоящий герой. Дело же вот в чем: при магической помолвке ядра синхронизируются, и более сильное как будто обволакивает более слабое, делясь с ним своей "оболочкой"... сил это не прибавляет, но магический след от ядер мужа и жены практически идентичен. Ты узнал это лет в семь.

— Но мы ведь еще не муж и жена?

— Помолвка, конкретно магическая помолвка — и есть брак. Свадьба и роспись — пустяки, они для людей. Вот у них наоборот, пока не подпишешь обещание быть мужем или женой — брак недействителен. Помолвка для магов — и есть брак. Ты узнал это примерно тогда же, в семь лет.

— Но после забыл, вашими стараниями... Значит я женат?

— В глазах магии — да.

— И как это повлияло на мою самоволку?

— Самым непосредственным образом. Ты вообще представляешь как устроена защита Арены? Ее нельзя пройти силой. Магия попросту скрутит тебя. Ты даже дверь не откроешь. И никакие "свои" сотрудники не помогут. Просто не смогут действовать вне рамок разрешенного. Но ты здесь, и можешь сам сообразить каким образом, загадка не сложна.

— Да... я догадываюсь... Значит наши магические следы стали одинаковы?

— Ага. Она не просто так вернулась за платком. Дождалась сперва завершения синхронизации, а дальше воспользовалась правом жены.

— Правом жены?

— Ну так нельзя всем шляться по Арене, — отец улыбнулся, — вы поженились, она вышла, а затем вернулась, оставив уже след в магии словно твой. А второй раз вышел уже ты. Вместо нее.

— Ээээ...и как мне вернуться? Под видом жены?

— Именно. Там все просто. Двери коридора — мощнейший артефакт. Достаточно приложить руку и сказать что нужно, с какой целью хочешь пройти. Или даже подумать. Если причина будет признана веской — они пропустят. Для выхода и того не надо. Удобно. Никаких зевак и праздношатающихся. Все по делу.

— И она...

— Изображает тебя находящимся на месте. Артефакты вообще туповаты.

— То есть вы, отец, могли запросто прийти ко мне без всех этих манипуляций? — Сообразил Максим.

— Будь ты мне сыном, или вообще родственником — да. Но двери не открылись мне. Не знаешь почему? — И человек с любопытством стал ожидать ответа, поглаживая чашечку.

— Вы отказались от меня. Отлучили от рода.

— Правильно.

— Значит вы мне никто?

— Не совсем. Все сложнее. Я попробую объяснить логику своих действий, а ты уж будь любезен, оцени их в меру своего понимания, хорошо?

— Валяйте.

— Мне бы хотелось, чтобы ты выпил тоже.

Юрий Максимович наполнил чашку темным напитком и придвинул ее к собеседнику. Макс не шелохнулся.

— Так вот. Ситуация выходила откровенно критическая. Моя ошибка была в том, что я вообще допустил ту злополучную дуэль. Надеялся...на что? Что это все еще не удар, что лишь попытка осложнений, не более. Только узнав подробности, я понял все. За нас взялись всерьез, и беспардонность действий не оставляла сомнений в том, что враг пришел по наши души. Враг слишком сильный, чтобы его победить открыто, слишком умный, чтобы устроить ему ловушку, слишком хитрый, чтобы надеяться на его промах. Зря я тогда не отнесся с должной серьезностью к твоим военным...хмм... приключениям, назовем это так. Орловы всполошились, их что-то напугало, и сильно. А когда власти боятся, то им просто требуется доказать обратное. Через демонстрацию. Дуэль — была началом нашей казни.

— Но разве не вы настаивали на ней, отец? Нам предлагали..

— Я помню что нам предлагали! — Человек яростно хлопнул ладонью по столу. — Медленную смерть труса нам предлагали. Признаюсь — я готовился, долго готовился. Очень долго. И мой отец, твой дед — тоже готовился. Мы слишком долго готовились, и когда началось то к чему мы готовились, разумеется мы оказались к тому не готовы!

Максим молчал, и отец успокоился столь же резко, как и вспылал.

— Настало время решительных действий. Я был готов уйти, но ты дал мне шанс доиграть партию. Неожиданно, надо признать.

— Я? Каким образом?!

— О, хочешь сказать, что умудрился не сознательно промахнуться родовым кинжалом? — Он засмеялся, обнажая белые мелкие острые зубы. — Извини, не поверю. Поднять руку на главу рода, да еще неудачно — нет, это перебор. Ты прекрасно понимал и осознавал что делаешь, и я принял твою жертву, почему мы и здесь, хоть ты и помнишь меньше ожидаемого.

— Если вы не хотите запутать меня еще больше, то..

— Да понял я, понял! Буду объяснять все подробно, как умственному инвалиду.

Соболев Старший поднялся и повернулся к окну, заложив руки в карманы. "Действительно папаша невысок", — отметил Максим, — "и что там интересного в занавеске?"

— Защищаться было невозможно, — глухо начал отец, — хороша подготовочка, нечего сказать. Любое действие вело только к худшему. Отдать тебя на суд — падение Рода. Такого позорища не выдержит никто. Что дело подставное всем известно, ладно бы и правда дел натворил, а так... Что стоило Орловым собрать единокровные роды в моменте — боюсь, фантазии не хватит. А значит — били бы всерьез, не в пустоту, без откатов. Казнить тебя самому, делая вид, что это моя воля? Уйти из жизни самому, чтобы отмыть позор и дать тебе временную защиту как новому главе? Ты был бы неподсуден до рождения наследника, а от дуэлей легко скрыться в нашем главном имении. Но разве это жизнь? Отстрочка, а потом бы придавили как мышь. Я думал так, как никогда еще в жизни. Нет, кто бы мог подумать, что атака будет через наследника? Небывалая низость, а мы, похоже, не заметили как изменились времена. Всем нормально, что такого? Парадокс ситуации в том, что в эпоху воинов нас пытались выдоить, пустить кровь по капельке, а когда мы стали мастерами подобного фехтования и возгордились, пришла эпоха подлецов, которым вообще плевать на все, а потому и нужно им все.

Тот твой бросок ножа — самое прекрасное изменение правил игры, что я знаю. Дух воина, его апофеоз в одном движении. Демонстративное доверие до самоотречения — это было тем, что вернуло мне веру. Я понял, что мы не проиграем. Не сможем проиграть, не имеем права. А если и падем, то не от голода среди объедков, а в последнем броске, который может, должен оказаться смертелен для охотника. Тень от Орла развеялась. Спасибо за это, сын.

— Не за что. — Максиму стало неловко.

— Да, так вот, — продолжил отец разворачиваясь к нему, — таким образом ты разом отсекаешь все варианты кроме собственной казни. Но казнь, как и все в нашем прекрасном мире, штука многослойная. Иногда ей можно даже наградить. И я отсекаю тебя от Рода. Это — раз. Я заблокировал тебе магическое ядро, не трогая его. Это — два. Это обрекало тебя на медленную и мучительную смерть, но, одновременно с отсечением, я не лишил тебя имени. Это — три. И отдал тебя на Арену, как беспомощную личинку в коконе — это четыре. Какого, а?

— Что-то я недопонял, — признался Максим, — звучит внушающе, но именно что звучит. Слова все знакомые, но смысла действий я не уловил, кроме, конечно того, что мы, то есть вы отец, всех провели. И то, если судить по восторженной интонации.

— Эх, чугунная башка! Это ведь все элементарно! Отсекая тебя я снимал претензии с рода, пусть временно, но именно времени и не было, ты дал его. Блокировка магии не лишая имени — убийство для мага, если он не старший в роду, а если он вне рода — как видишь нет. Первая же опасность — и ядро пробивает барьер. Именное ядро. Ну а Арена совсем

просто, царек наш не мог не подписать мой приговор, ни усилить его, и вышло все от его имени.

И человек, очень довольный, вновь уселся за стол.

— Что-то вы, отец, недоговариваете, — заявил Максим после раздумий.

— Есть такое, парень, есть такое. Но тут ты сам виноват.

— Опять я? — Слабо улыбнулся Максим. — В чем на этот раз?

— В том что не пьешь предложенное. Забавный напиток, должен признать.

— Что же это? — Максим притянул к себе чашку, решив не спорить, все-таки отцу удалось его изрядно расслабить и поселить странное чувство радости.

— В твоем мире это называется "кока-кола", Максим.

— Вот как. — Максим отставил чашку. "Странные дела, я ведь ничуть не удивлен", — подумал парень, — "но если мне сию минуту понадобится встать, я не смогу. Ноги отнялись почему-то. Что это, страх?"

— Да. Так.

— И что из этого следует?

— Следует из этого то, что ты мой сын. Соболев Максим Юрьевич. Так сложились обстоятельства. И тебе придется им быть, если ты хочешь жить. И вернуться.

— Вернуться?

— По желанию, ибо в этом, то есть твоём желании, я не уверен. Кем ты там был? Никем. Но сын мой, настоящий сын я имею в виду, находится сейчас на твоём месте. В белоснежной комнате и без сознания. Так прошел...чуть не сказал "ритуал", так прошло некое действие. Сейчас тебе нет никакого смысла забивать голову еще и этим. Помешает. Тебе, мне, нам. Ты — мой сын, запомни это. Прочее я расскажу потом. А это я сказал тебе для того, чтобы ты знал, что я знаю. Теперь иди.

— Мне уходить? Вы отпускаете меня? Так просто?

— Анастасия передаст тебе еще одно письмо. В нем все что тебе нужно знать на ближайшее время. И вот что, не вздумай консумировать ваш брак. Даже, особенно при ее настойчивости. Девочка герой, но она девочка. Мало ли что.

— Почему нет? Я и не собирался, но..

— Вот чтобы никаких но. Она обречена, не хотелось бы, чтобы один идиот своими руками загонял себя в могилу за ней вслед. Девочка влюблена, и влюблена очень сильно. Любовь же ее, скажем так, недостойна звания человека. И чтобы спасти этого недоумка от заслуженного, она согласилась пойти на то, что убьет ее. Отважный человек, преданный. Но вдруг ей придет в голову мысль заодно отомстить тому, кто взял за жабры ее ненаглядного, то есть меня?

— Вас? — Максим по-новому взглянул на "отца". Сейчас тому было впору играть не Цезаря, а Ганнибала Лектора, столь явно в нем просвечивала смесь интеллекта и безумия.

— Ну а кого же еще? И не смотри на меня как на чудовище, а то расплачусь от умиления. Человек, воображающий, что сила в том, чтобы быть отморозком, жалеет ту, перед которой отморозком оказался не он! Смешно.

Максим почувствовал, что подвижность вернулась к его ногам и поднялся. Изю всех сил стараясь не выдать слабость, он повернулся к выходу, изображая задумчивость.

— До встречи, сын. — Услышал он, уже взявшись за ручку двери.

— До встречи, отец.

— И что все это означает?!

— Тебе не нравится? Но разве лучше жить в свинарнике? Я старалась изо всех сил, чтобы успеть к твоему возвращению.

Максим кипел от злости. Эта наглая девка, эта курица, чтоб ее черти драли, посмела привести его комнату в порядок. Он попытался взять себя в руки и не смог.

— Совсем дурак?! — Вскричала Настя, когда кулак Максима со всей доступной ему силой расшибся вдребезги о ее щит. Парень взвыл и согнулся от резкой боли, баюкая поврежденную руку.

— Ссссука! — Проскрипел он сквозь стиснутые зубы. — Паршивая сука!

— Ну да, я еще и сука! — Девушка была ошеломлена, но не собиралась принимать столь неожиданную реакцию как должное. — Сделала добро, вот как это называется. Если у тебя проблемы с головой, то это не повод поднимать руку на человека, не желающего тебе ничего плохого.

Боль отрезвляла, и Максим опомнился, направив ману на блокировку и регенерацию поврежденной кисти правой руки. Выпрямившись, он пристально уставился в глаза Насти.

— И что ты хочешь, извинений? Их не будет. Если ты вообразила себе, что наша помолвка значит больше чем ничего, то напрасно. И ты и я прекрасно знаем, что она фикция. Да и не подходим мы друг другу, будь даже сейчас иные обстоятельства. Так выбесить с невинным видом — талант! Уметь надо!

— Да, особенно если учесть, что подобной цели не ставилось, — подхватила Настя, — прибраться в помещении и получить по лицу, это ведь так работает, должна была сообразить!

— Не беси меня, женщина, не надо. — Максима до конца не отпускало, и он, восстановив руку, демонстративно плюнул на пол. — Нравится убирать — убирай.

Девушка потемнела лицом, в ее глазах зажглись опасные огоньки, но парню было без разницы. Подперев руками бока, он по-хозяйски презрительно рассматривал ее, готовый как отбить удар, так и нанести удар самому, на сей раз не забыв о магии. Желание растоптать кого-нибудь бурлило в нем, и Максим не собирался долго держать его в себе, будь только повод.

Настя, тем временем, справилась с новыми вводными, и быстро обдумывала ситуацию. Максим был готов поклясться, что она мысленно представляет себе как наматывает его кишки на большой кухонный нож, или что-то подобное.

— Я прошу прощения, я была не права. Это больше не повторится. — Неожиданно мягко произнесла девушка.

По ее виду было понятно, что ни малейшего раскаяния она не испытывает, скорее наоборот, усиливаются недобрые чувства. Максим усмехнулся.

— Боишься?

— Нет. Но я понимаю, что было глупо стремиться сделать что-то хорошее, не выяснив сначала, что именно для тебя хорошо. Это была ошибка, и она больше не повторится. Могу ли я как-то ее загладить?

— Значит, все-таки боишься, герой. — Максим уже откровенно глумился, найдя наслаждение в жесткости рамок ее положения, и возможности унижать.

— Вы ошибаетесь, муж мой, в нашей с вами неожиданной паре, герой — вы. Ее голос

звучал печально и мелодично, но по переходу на "вы" Максим понял, что девушка обижена до глубины души.

— Письмо! — Вдруг вспомнил он. — Ты должна мне письмо. Где оно?

— Здесь, я храню его у сердца. — Настя сунула руку в вырез платья. — Как самое дорогое, что у меня есть.

— Если мне понадобится хранить что-либо подобное для вас, я тоже поищу местечко рядом с самым дорогим, — прокомментировал Максим, — надеюсь вы оцените. Жаль, что не имею сейчас письма от вашего любовника, с удовольствием бы посмотрел как нежно вы его достаете из моего почтового ящика.

Отойдя от окаменевшей девушки к зарешетчатому окну, он развернул четырехкратно сложенную бумагу, и принялся читать.

"Дорогой сын! Если ты читаешь эти строки, значит ты еще жив и я позволил тебе вернуться в твою собачью конуру. Значит — ты действительно мой сын, как бы не складывались обстоятельства, и как бы они не сложились. А раз так — то долг твой соответствовать высокому званию наследника рода Соболев. Да-да, наследника, зрение тебя не подводит. Вся история с отсечением от рода, как и с твоим осуждением и заключением — фикция. Фарс. Нелепость. Магия вернула тебе способности, не отказалась от тебя, а значит — в ее глазах, если можно так выразиться, ты невиновен. Будь ты виновен, то уже был бы мертв. Максим Юрьевич Соболев, наследник рода, офицер Императорской армии, должен был умереть. Понимаешь? Надеюсь, что да. Но раз Максим Юрьевич Соболев жив значит он не умер. Мне представляется это вполне логичным соображением. А потому — я верну тебя в род, что должно полностью удалить оставшиеся нюансы неполноты твоей реабилитации. Кто рискнет оспорить решение Матери? Это невозможно, не под силу никому. Малейшее сомнение — и я с радостью предоставлю любые данные о процедуре отсечения, и Магия подтвердит, что все было сделано должным образом. Решения Матери-Магии выше любых человеческих, оспаривать их не решится никто. Таким образом, очень скоро ты вернешься в Род через процедуру усыновления.

Далее. О законах человеческих. Приговор, когда он касается Арены Справедливости, обжалованию и изменению не подлежит. Но случай твой уникален, не имеющий прецедентов, а потому должен быть пересмотрен. Или, хотя бы, рассмотрен еще раз. С грустью предвижу, что это вызовет некоторые затруднения у Его Величества, и искренне опечален прискорбным фактом того, что это наша семья вынужденно поставит помазанника Всевышнего перед столь сложной дилеммой: изменить решение (тем более суровое, что государь по факту лишь утвердил своими полномочиями вариант предложенный мною), и поставить под сомнение незыблемость Воли своей, чего ранее не бывало в принципе, или проигнорировать Волю Матери нашей, Магии, что никак не сможет быть проигнорированно никем другим. Щекотливое положение!

Общеизвестно, что кроме тучности, Всевышний наградил Его Величество удивительной рациональностью, отчего он всегда непременно оказывается прав, потому рискну предположить, что избран будет второй вариант, и ты, мой сын и наследник, останешься воином Справедливости, но уже не как неведомый пронумерованный Никто с собачьей кличкой, а полноправный (с точки зрения Магии) аристократ, гордо несущий имя, флаг и герб своего рода.

Кстати, о флагах. С болью в сердце сообщаю тебе, что не все так гладко, тихо и спокойно в нашем избранном Всевышним государстве. Дрянное время порождает дрянных

людей, и все больше и больше тех, кто недоволен тем, что живет в столь прекрасном мире. Это поистине странные люди! И число их растет. Я говорю столь уверенно, потому что большинство их, по странному стечению обстоятельств, были вассалами наших предков, в стародавние совсем времена, и, из уважения к тем временам, сохранившие неформальные связи с нашим родом. Самые горячие из них уверяют, что им недостает только знамени для, страшно сказать, мятежа. И очень сожалеют, что мы столь преданы короне, поскольку я, разумеется, всячески пресекаю подобные разговоры. Ужасные времена.

Последнее, но не последнее по важности! О твоей помолвке. Повторяю для осободаренных, к которым вы, мой сын, временами относитесь: не вздумайте консумировать брак, это погубит всех. Никаких "чуть-чуть", "один разочек", "я успею вынуть" и тому подобные галлюцинации. Если вам недостает своей воли — воспользуйтесь моей. Я запрещаю вам, понимаете? Запрещаю."

Максим перечитал письмо трижды подряд. Насмешливость отца (возвращаясь со свидания, он решил считать его отцом без условностей, принять как данность, в целях собственной безопасности и, чего греха таить, тщеславия) не нравилась, но содержание не нравилось еще больше. С одной стороны, отец практически прямым текстом указывал на свою принадлежность к организации некоего восстания против царя и его клана, с другой стороны, было непонятно на чем основана подобная удаля, и почему все подано именно так, будто ожидается легкая прогулка. "Он хочет наглядно макнуть Орловых мордами в дерьмо, — думал Максим, — демонстративно выставить идиотами. Неужели за это ничего не будет? Ну, разумеется будет! А отец еще до нашей встречи написал так, что ему все равно. До нашей встречи... не в этом ли дело? Он или решил на самоубийственную атаку, о чем тоже намекал, или показывает мне, что все зашло столь далеко, что уже не важно, с ним я или нет. А может и то и другое! Или вообще третье... Да он не слишком беспокоится даже о моем формальном согласии. И что же мне делать?"

— Если вы прочли послание, то вам необходимо уничтожить его. — Настя вывела его из задумчивости, и Максим вспылал вновь:

— Ты в каждой бочке затычка, женщина? Без твоих ценных советов невозможно ничего в этом мире? Как держать ложку учить будешь? Тебя вообще не спрашивают, куда ты лезешь все время? Будет надо — я спрошу, не постесняюсь.

— Вы извините, но я не понимаю чем вызываю подобную реакцию. Мне ведь тоже нужно сделать порученное хорошо, я и делаю. Мы на одной стороне, если вы не заметили.

— Я резко реагирую на откровенную тупость, если хотите правду. Понять и принять можно многое, но откровенная глупость выводит из себя мгновенно. Мозг так реагирует на самую большую опасность жизни. Не тупите, не лезте с идиотскими советами, которые плевать не стоят, не умничайте так, словно общаетесь с детьми, не выглядите глупо, и будет вам счастье.

Максим выпалил все это на одном дыхании и остановился, переводя дух, сам немного удивляясь собственной вспышке. Дело было не в девочке, это он понимал, как и то, что ему просто надоели насмешки от людей, чьего превосходства он не чувствовал, но что выплеск эмоций пришелся на Настю, было одновременно и приятно и неприятно.

— Должна вам заметить, муж мой, что вы рассуждаете как простолюдин. В вашей отповеди так и слышится: "женщина, знай свое место и не суйся туда, где разобраться могут только brutальные мужики". На рыбалку, например.

— Так что с того, если это правда? Простолюдин или нет — какая разница, если так и

есть?

— Правда в том, что вы набросились на меня за то, что я постаралась разложить ваш хлам поаккуратнее, что у людей простых считается "женским делом", подняли руку на ту, с кем помолвлены перед лицом Матери, правда в том, что вы не держите лицо, в том, что зная о вашем происхождении и биографии — не поверила бы, не видя все это сама. А еще в том, что ваш отец попросту выпорол бы вас на месте за подобное позорище.

— Ты еще смеешь мне указывать что и кому говорить? Я, право, в некоторой растерянности. У вас что, рефлекс садиться на голову? — Максим все-таки спалил письмо коротким движением руки и растер пепел.

— А почему мне нужно "сметь" для того, чтобы говорить о чем думаю, если это нужно говорить?

— Может потому, что это нужно только тебе, а ты не одна в этом мире? И нет необходимости грузить своим мнением когда не спрашивают?

— Вы ошибаетесь, я говорю вам как раз то, что нужно. Пусть и окажется бесполезным, в свете открытия вашего прекрасного характера. И сейчас я говорю вам: вы провалите все дело, все испортите. Погибнут люди, пусть вам на них и все равно, но погибнете и вы, хоть это может представить для вас интерес?

— О чем ты, девочка? Еще полчаса беседы в таком духе и смерть мне покажется избавлением. Погорячился, признаю. Нервы. Устал. Ночь без сна, а впереди еще день. Психанул. Но трогать мои вещи не стоит даже из благих побуждений. — Максим действительно выдохся, краткая вспышка гнева окончательно утомила его, и ему хотелось лишь одного — сна.

— Мне послышалось, или все это словоблудие означает "извините"?

— Это словоблудие означает ровно то, что оно означает. Так у нас принято в семье: говорить именно то, что думаем. Особенность рода.

— Вы не находите, что только что упрекали меня именно в этом? Что становится еще более удивительным, если вспомнить тот незначительный нюанс в виде нашей с вами помолвки, с момента признания которой нашей Матерью, я являюсь представителем рода Соболевых. Вашего рода. А теперь и моего. Я и есть твоя семья.

Крыть было нечем. Максим мысленно досчитал до десяти.

— Знаешь, милая, — устало произнес он, — не будь ты так похожа на одну мою знакомую из прошлого, очень далекого прошлого, как мне кажется, то я прибил бы тебя прямо здесь. Насовсем. Давай закроем наш нелепый разговор на этой оптимистичной ноте?

Максим развернулся, и, надеясь не услышать ответ, подхватив посох, вышел наружу. Солнце отупляло. Здесь всегда было солнце.

Михаил уже ждал его.

— Вам тоже не спится, наставник? А где мой верный Иван?

Михаил молча стоял с непроницаемым лицом.

— У вас тоже обострение? — Участливо спросил ученик. — Это день такой странный, я уже понял. Остается лишь ждать когда он закончится. Вас вот какая муха нынче укусила?

— Ивана сегодня не будет. У него дела семейные в городе, и он просил извинить его за внеплановый отгул.

Михаил произнес это так, будто говорил о чем-то столь обыденном, что набило оскомину. Максим почувствовал, что вновь заводится.

— Передайте Ивану, если встретите его раньше меня, что он...

— Нет.

— Что — нет?

— Не передам. Я не почтальон. Вы меня с кем-то путаете.

— Ладно, — оскалился Максим, — тогда потренируемся без разминки. Она мне и не нужна сегодня, правду сказать.

— У вас усталый вид, красные глаза, общая растрепанность, разбалансировка движений. Не уверен, что вам нужна тренировка, скорее вам нужен сон. Я готов помочь, если пожелаете.

— Каким же образом?

— Очень просто, — Михаил сделал движение, означающее у него пожатие плечами, — вырублю вас так, что вы уснете. Не затягивая.

— А вы не охренели, учитель? При всем уважении.

— Нет. "Охренели" здесь вы, ученик. И кроме предоставления вам сна, мой долг указать вам на ваше заблуждение.

— Ахаха, это прекрасно. Не стесняйтесь, прошу вас. У меня дежавю, кто-то мне уже пытался указать здесь на какое-то заблуждение. Потом родня толпой торговалась за его черепушку. Надеюсь, у вас богатые родственники?

Максим немного отступил, перехватывая посох поудобнее, и начиная движение в левую от Михаила сторону. Тот сохранял неподвижность и невозмутимость.

— Знаете, что сказал мне ваш отец? — Наставник неожиданно улыбнулся, и Максим понял причину его обыкновенной сдержанности. Улыбка совершенно не шла ему, превращая лицо мужественное в лицо глупое. — Он сказал буквально следующее: если этот пес, то есть вы, будет лаять слишком громко, то разорвите ему пасть. Сшейте и порвите снова. И так до тех пор, пока он не научится лаять только по команде.

— Знаете, Михаил, когда вы так скалитесь, вы похожи на зайца. И если я собака, то вам от этого легче не будет.

— Воображаете, что многому научились за это время?

— Многому или нет, но мне действительно не помешает отдохнуть. Мана бодрит, однако же это не то. А потому — я принимаю ваше предложение, но с небольшим уточнением. Это я распотрошу вас от макушки до задницы, после чего тренировка действительно закончится.

— Много лаешь, малыш.

— Ты знаешь, за время пути, собачка могла подрасти.

Максим ударил всей силой, многократно усиленной артефактом. Любимое заклинание огня протянулось к учителю. Тот продолжал стоять на том же месте, чему Максим не сразу поверил, привыкший к демонстрации невероятной ловкости и технике ухода наставника, и готовясь бить на опережение. Но нет, в этот раз Михаил стоял твердо, словно собираясь все время схватки не сходить с места. Пламя охватило его защиту, с нарастающим гулом прожигая щиты, но тот спокойно усиливал их, не давая прорваться. Максим обрадовался. Нет, он ощутил поистине звериную радость от возможности померяться голой силой. Посох за бонус им не считался, артефакт удесятерил силы, но Максим к нему настолько привык, настолько сроднился, что воспринимал его уже как часть самого себя.

Сила давления росла, и где-то в глубине шевельнулось замешательство оттого, что Михаил не делал попыток уйти с, буквально, линии огня, но Максим задавил сантименты, наслаждаясь голой мощью, рвущейся из его тела. "Удовольствие силы ни с чем не

сравнить, — подумал он, — чтобы там не говорили философы о слезинках ребенка и прочих сопливых сантиментах. Все это утешает когда ты слаб, а когда что-то можешь, то все это хрень собачья".

Самому ему тот поток силы, что он раскрутил от ядра и выбрасывал через посох, казался чудовищным. Давно, если не никогда, не доводилось ему вот так, без экономии, не отвлекаясь ни на что другое, ни физически, ни умственно, бить всем чем есть в одну неподвижную и несопротивляющуюся (то есть только защищающуюся, не атакующую в ответ) цель. На время его охватило странное упоение, близкое к восторгу, когда он понял, что учитель не ответит, и можно испытать себя на атаке до доньшка. Максим варьировал атаку, то сужая пламя до тонкости иглы, то вновь охватывая жертву словно огромной огненной пастью, то меняя само пламя на подобие расплавленного металла, но всегда выдавал то что только мог выдать маг его силы.

Невероятно, но наставник устоял. В конце, уже чувствуя приближающееся истощение, Максим все же немного придержал себя, невольно, сам того не желая, будучи искренне поражен силой учителя. Защищаться всегда труднее, а тот показывал что-то немыслимое. Выдержать подобный натиск в пассивной защите — демонстрация почище того, что вышвырнул в него взбесившийся ученик, и Максим понимал это. На него снизошла "магическая благодать", когда маг в процессе своих действий пропускает столько маны, что сам будто сливается с ней, становится чем-то большим, чем человек, и ощущение это приятно.

— Вот же вы! Вот вы! — Максим не знал как выразить свою благодарность, и в пришедшем восторге мог говорить только правду. — Никогда бы не подумал, что возможно подобное!

— Это все, что ты можешь, ученик?

— Да ладно вам, понял я понял, простите меня! — Максим весь взмок от усталости и тяжело дышал, широко улыбаясь и разводя руками. — Сам не знаю, что нашло. Как сжатая пружина был столько времени, а тут такое. Вы невероятно сильны, учитель! Как мог я, в самомнении своем, даже подумать, что уже могу поспорить с вами?! И чувство это сейчас, знаете, как заного родился. Это такое, такое, — Максим искал достойное сравнение, и, наконец, нашел его, — лучше чем потрахать!

— Сколько стоит твой череп?

— Ну правда же, извините. Дурак. Был не прав. Погорячился. Виноват. Повиннук голову и топор не сечет! Но, если хотите, вот! — Парень дурашливо склонился в подобии поясного поклона.

Михаил поднял левую руку, и Максим вдруг почувствовал, что не может разогнуться. Ему стало смешно.

— Что вы собираетесь делать со мной в подобном положении, учитель, — давясь смехом простонал парень, — вы же не из "этих", я надеюсь?

— Нет, ученик, не из этих, хотя сам ход вашей мысли меня смущает. А я не люблю смущаться, Гарри, а потому смущение мое обойдется тебе в лишнюю сотню розог.

— Розог?!

— Вы не плохой человек, Гарри, сегодня я понял это, хотя и был убежден в обратном. Вы не безнадежны, потому мои планы на вас меняются.

— Зачем вы сняли с меня штаты?! — Все еще не в состоянии побороть смех, простонал Максим.

— В педагогических целях. Я ведь учитель и должен соответствовать званию.

— И что вы будете делать?!

— Я ведь уже сказал вам что, — Михаил материализовал каким-то образом пучок розог, во всяком случае Максиму почудилось именно так, — но вы опять не услышали. Порою мне кажется, что уши у вас расположены не на голове. Что я и собираюсь проверить со всем усердием. Вы готовы?

— Черт побери, готов к чему?! Вы серьезно?! Отпустите меня!

— К тому, чтобы внимать и слушать. — Михаил задумчиво повертел розги в руках, и выбрал первую.

— Ты совсем башкой тронулся? Ты вообще кто? Это было сделано по моему приказанию и для твоего же блага. Не понимаешь? Не достучались? Что же, я достучусь, веришь ты мне или нет.

— Отчего же, я понимаю. Но понять, отец, и принять — не одно и то же. Не хочу разочаровывать вас, потому скажу, что прекрасно вас понимаю. И тем не менее.

— Дурак. Глупый, зазнавшийся щенок. Мальчишка. Знаешь, Максим, я люблю тебя как сына и наследника. И я порву любого, кто посягнет на тебя, разотру в пыль. Уничтожу. Спалю весь этот мир к чертям свинячьим. Сделаю такое, чего не делал ранее никто, для меня нет предела. Но если ты не понимаешь, тем хуже для тебя, я не разрешаю тебе непонимать, не позволю. И я вобью в тебя понимание. Вобью.

— Могу лишь повторить вам отец, я понимаю. Я все понимаю куда лучше чем вы думаете. Но я отказываюсь вам подчиняться добровольно пока этот человек жив. И мне все равно что вы сделаете. Ни о каком моем участии в ваших планах не может быть и речи до того. Таково условие. Такова моя воля.

— Воля?! — Максиму невольно отшатнулся, такой силы был взрыв эмоций родителя. Казалось, что отец кипит изнутри в буквальном смысле слова, таким жаром от него повеяло. — Воля?!?! Это была моя воля! Мой приказ! Мое решение!

— Вы не слышите меня, отец? Я не отказываюсь от участия в ваших планах, сколь бы бредовыми они не были. Мне все равно на них, правду сказать. Но этот человек должен умереть. Все равно как. Пока он жив — нет.

— А тебе не приходила в голову мысль, что ты сам творец если не всего, то значительной части всего, что с тобой происходит? — Отец успокоился так же резко, как и вспылал. Поправив рубашку, он вернулся за стол, и сел сложив руки в замок, вопросительно глядя на сына. — И почему ты так хочешь мести за столь невинное... ммм... событие?

— Неплохо сказано, отец. Невинное событие, да, это именно так. И Михаил должен подохнуть столь же невинно.

— Тебя что, никогда не пороли? Провалы в памяти, да? А я вот помню, удивительно, правда?

— Нет. Да и не в этом дело. Как вам объяснить... он садист. И не должен жить.

— Ну и что? Ты тоже садист.

— Я?! Вы серьезно, отец? — Максим даже растерялся.

— А разве нет? Не замечал за собой? Да ты упиваешься унижая людей. Наслаждаешься. Даже занятно — как же ты сам себе это обрисовываешь? Восстановлением справедливости, гладиатор ты мой?

— Каждому по вере его.

— Чего?

— По делам их. Любой кто причиняет мне боль может почувствовать ее в ответ.

— Неужели. Ровно столько же, или раз в десять больше? В сто? Где границы твоего выдуманного возмездия?

— По мере возможностей. По ситуации.

— Ну да, а когда к тебе самому так — оскорблению нет границ! Ты хоть сам понимаешь, что ведешь себя как полный **дак? Слабак и трус. Дешевка. Говна кусок.

— Вы пытаетесь вызвать меня на эмоции, отец? У вас это не получится, напрасно стараетесь.

— Стараюсь? Да я просто оскорбляю тебя, полудурок. И это заслуженно, сын мой. Ни малейшей предвзятости. Пришел сюда, весь трясется. Условия ставит. Характер изображает. Только ошибся ты, это меня должно трясти от тебя и твоего поведения, парень. Обосновать? Я могу, только не плачь потом, иначе я сделаю с тобой что-то куда похуже, чем перенесенное тобой "испытание". Готов?

Максим понимал, что его решимость сминается как воск под пальцами кого-то неизмеримо более сильного духом, но отступить уже не мог, потому кивнул, проклиная себя за предательский румянец на лице, он его чувствовал.

— Ну что же, сам напросился.

Отец достал нож, или, вернее сказать, нож откуда-то появился в его руках. Небольшое, но прочное лезвие, деревянная рукоять, с виду обычный нож.

— Так вот, слушай же меня. Ты пес, собака, не человек. И не волк. Все поведение твое — собачье. От человека ничего, кроме гордыни и самомнения. Что ты из себя представляешь? В чем твоя сила? Она случайна, не позабыл ли ты об этом? Хотел бы забыть, да не можешь. Это тебя выводит из себя, ты и бесишься. Что сделал Михаил такого, чтобы ты желал его смерти? Выпорол тебя? А почему ты позволил ему превратить свою **пу в лохмотья из мяса? Не помешал? Не скрутил в рог бараний? Ах, да, ты же слабее, в этом проблема. Но не ты ли собирался его уничтожить незадолго до этого? Я все знаю. Ты бил его так, как считал, что он не устоит, не просто бил, артефактом-усилителем, наверняка. Не вышло. А он лишь взял и выдрал тебя как щенка неразумного. Не убил, не покалечил, даже излечил. Трижды. С первого раза ты не понял, со второго тоже, с третьего... ему надоело. И вот ты весь такой взбешенный играешь в обиженку и требуешь от меня голову бойца, чья ценность куда выше твоей поротой задницы. И кто ты после этого?

А я тебе отвечаю, что это мое указание было, поставить дурака на место. Мое. Ты игнорируешь. Почему же? А, Максим? Неужели ты действительно глупый пес, который кидается на палку, что его бьет, но не трогает руку, которая эту палку направляет?

— Вы мой отец, — Максим понял, что ответ действительно требуется, — это совсем другое.

— Другое! — Воскликнул отец, и лезвие в его руках побежало змейкой между пальцами. — Другое! Другими словами, ты хочешь сказать, что сделай это я своими руками, ты бы и слова не сказал?

— Безусловно, вы отец и имеете право. Я не глупый пес, который не видит руку, я и на палку бы не кидался, не будь она одушевленной в данном случае.

— В чем разница?

— Разница в том, что человек не палка, и пусть он трижды ваш подчиненный (хоть мне и непонятно это вполне, каким образом госслужащий столь уважаемой организации оказался вашим холопом), но он унизил меня, и унизил смертельно. Смертельно — не фигура речи. Он умрет, или я умру. Третьего не дано. С этим человеком разговора для меня быть не может. Вот и все.

Соболев Старший внезапно подался вперед:

— Дай руку?

— Какую? И зачем?

— Любую. Хочу отрезать тебе палец.

— Палец? За что?

— Так, просто. Захотелось. Я же отец, и, по твоей логике, имею право. Или нет?

— Имеете.

Максим протянул вперед левую руку, положив ее на стол, растопыбив пальцы.

— Какой палец вам нравится больше, отец?

— Мизинец. — И отец одним коротким движением отсек половину пальца, откинув ножом отсеченную часть. Кровь щедро полилась на стол.

— Больно, Максим?

— Да, очень. Вы довольны?

— Нет, я ведь не садист. Да, забыл сказать, этот нож тоже артефакт, и рану нельзя залечить простым вливанием маны. Как и заблокировать боль. Придется потерпеть.

— Потерплю, ничего страшного. — Максима пробил пот, ему было больно, очень, но он привык к боли, насколько было возможно, к тому же она частично купировалась более сильным чувством страха, против воли охватывающим его.

— Вы желаете мне показать, что не меньший маньяк чем Михаил, что ли? Напрасно это, — Максим скривился, но не убирал руки, — я все сказал уже.

— Ты ничего не сказал, парень, ничего из того, что мне хотелось бы услышать. У нас тут заговор, если ты не собрался до сих пор. И заговор стремительный, события поскочут быстрее призовой лошади. Я собирался посвятить тебя подробнее в конкретику дела, но этот позорнейший тошнотворный спектакль, что ты закатил мне с порога, заставляет пересмотреть не только планы, что ерунда, планы всегда меняются, но и приоритеты, поскольку любые планы основаны на том, что у людей в головах. Вот с этим с тобой и проблема. Ты видишь силу там, где ее нет. Это огорчает меня, сын. Логично ведь предположить, что из этого следует обратное: ты не видишь силу там, где она есть. А это чревато. Ложные взгляды на мир, на жизнь, на себя, все это неизбежно ведет в ад. Понимаешь меня? Ты что-то побледнел, тебе плохо?

— Нехорошо немного, сам не понимаю в чем дело.

— Бывает такое. У тебя, кстати, кровь течет. Но ты не ответил о понимании.

— Признаюсь, что был бы признателен, если бы вы объяснили, отец.

— Вижу, что придется. Но сперва остановим кровь.

Отец быстрым движением приложил лезвие ножа к ране плашмя, и кровь, которой натекла уже порядочная лужица, остановилась.

— Продолжай держать руку так же, вдруг мне придет в голову что-нибудь еще. — Он тепло улыбнулся. — А запах крови неплохой антураж для беседы двух хищников, как считаешь?

— Как вы считаете, так и будет, отец.

— Это был комплимент, болван, и комплимент незаслуженный, какой из тебя хищник?! Шакал самое большее. Падальщик. Но вижу толку мне здесь не добиться, придется продолжать самому. Дело все в том, что до того как ты стал моим сыном, ты был слаб. И остался таковым, хоть и получил все способности. А реализовать можешь не все, как раз по этой причине. А мне нужно, чтобы мог все, как и положено потомственному воину.

— Вы хотите чтобы я стал точной копией вашего. ээээ...первого сына? — Максима начало потрясывать, он был готов поспорить, что поднялась температура.

— Ты и есть мой сын, тупица. Что ты там навоображал о переселении душ — забудь. Ты. Мой. Сын. Такая у нас с тобой ситуация. И нам с этим жить, хоть и недолго, вероятно.

— Я признаю это, в чем же дело, отец? — Максиму стало проще придавать голосу равнодушие, он даже сам удивился услышав собственное звучание.

— А мне не надо твоего признания, мне надо, чтобы ты был им. Раздвоение личности и тому подобное — бред. Ты или станешь таким как был раньше, или погибнешь. Ну и много кто погибнет заодно. А разницу между тобой прошлым и нынешним я определил вполне точно, и повторяю: ты видишь силу там, где ее нет, и не видишь там, где она есть.

— Ну так скажи мне, отец, в чем сила? — Не сдержал глупой улыбки Максим. Сюрреализм он любил не меньше черного юмора.

— Легко, только взбодрю тебя немного. — И Соболев Старший молниеносным движением отхватил половину безымянного пальца сына, на этот раз сразу остановив кровь тем же ножом. Максим зашипел от боли, что сразу не понравилось отцу.

— Не шипи, не баба! — Строго произнес тот. — А силу ты видишь в том, что в твоей многострадальной голове лежит на полке под названием "отмороженность". Это очень большая ошибка и заблуждение. Более того — оружие слабых. Быть беспредельщиком — упорство слабака. Он может пройти долгий путь, столь долгий, что и сам позабудет с чего начинал, но всегда в его начале, а значит всей последующей сути, будет слабость.

— Я не совсем вас понимаю, отец.

— Что тут понимать, тут представлять надо. Был человек маленький, и вдруг — большой начальник. Что ты на это бы сказал со стороны?

— Что повезло мужику. Респект. Оказался в нужном месте в нужное время.

— А если он при этом ведет себя как нищий дорвавшийся до бесплатного?

— Ну, если при этом он не нарушает закон, то..

— Какой закон еще, в **пу, парень?! Какой закон?! — Воскликнул отец. — Наполнить бассейн коньяком и лежать в нем — не нарушает никакого закона. Покрасить себе яйца золотом — не запрещается. Купить фалангу проститутки — ради бога, если их не запретили в очередной раз, конечно. Но ты на все подобные самореализации ответишь лишь "имеет право"? Ты воистину жалок, сын мой.

— А что бы вы хотели, отец? Морального осуждения? Нравоучений? Борьбы за чужую и чуждую мне нравственность? Вы упрекаете меня в переоценке самого себя, пусть! Но тут же ждете от меня куда большего самомнения, верно ли я вас понимаю? Чтобы я мнил себя тем, кто вправе указывать посторонним мне людям как себя вести? Которым я как раз не папа, не родственник? Чтобы я, знающий за собой немало и слабости и прегрешений, чтобы вы обо мне не думали, занялся фарисейством? Во имя чего? Тем более, что результат понятен: все нормальные люди будут смотреть как на дурачка не от мира сего, в лучшем случае, а те, кому я стану все это указывать, просто пошлют куда подальше! И будут правы. — Максим сам не заметил как стал заводиться, нечаяно двинув покалеченной рукой, отчего прикусил язык, но упрямо возвратил руку в прежнее положение.

Пока он горячо говорил, Соболев Старший замер, закаменел. Вся фигура его превратилась в застывшую статую. Максим очередной раз поразился тому как отец умел "говорить телом", без слов, и сейчас его вид был достоин рук лучших скульпторов, пожелай они изобразить человека чем-то столь сильно удрученного, что он не то что позабыл о времени, а словно выпал из пространства жизни.

— Помоги мне всевышний, — донеслось до Максима на грани возможностей слуха.

— Вам кажется, что я неправ? — Решился заговорить парень, когда пауза затянулась. — Вам, вероятно, представляется совершенно естественно вмешиваться в любую жизнь, если

это в ваших интересах, ломать ее, отбирать нужное и отшвыривать, с презрением, ненужное? Да даже и без неперемного интереса, а так, просто от скуки? Ведь это так удобно считать себя вправе делать все окружающее под себя, как приятнее глазу, комфортнее. Вы в этом видите силу, отец мой?

Соболев Старший молчал, и Максиму чудилось в его молчании нечто пугающее, что-то жутковатое. Но когда тот поднял на него взгляд, Максим опешил от той боли, смертельной усталости и отчаяния, что плескались в его глазах. Только сейчас Максим понял и увидел, что отец уже весьма в годах.

— Ты ведь все это серьезно?

— Вполне. Совершенно серьезно. — Максим сглотнул от тихого и чем-то страшного вопроса отца, но ответил вполне уверенно.

— Они все там были рабами. Все. Все общество. Немыслимо. — Соболев Старший опустил голову. — Я говорю о другом, парень, совсем о другом. О свободе. Маги или просто обыватели, сильные в возможностях своих или нет — не столь важно. Человек или свободен или раб. Вот и все. Третьего не дано. И данность эта не зависит от того можешь ты убить или нет.купаешься в золоте или спишь в канаве. Господин или слуга. Стоишь по стойке "смирно", или на голове. Сидишь в тюрьме или на троне. Связан догматами или распущен. Любишь кого-то или только себя. Это не важно все. Важно кто ты. А вариантов всего два. Свободный человек или раб.

— Боюсь, что я вам надоел этим вопросом, отец, но я вас не вполне понимаю.

— Конечно. Я понимаю, что ты не понимаешь. Теперь. Я думал... впрочем, неважно. Мне надо подумать, Максим, крепко подумать. Уходи.

— Мне идти? — Максим ощутил недовольство. Что-то в негромком монологе отца задело его много больше, чем любые крики. Что — он не мог уловить, но что-то начало жечь изнутри. Кроме того, он был решительно не согласен со сказанным, как с содержанием, насколько он смог его уловить, так и с запелляционностью тона, похожим на тот приговор, что уже не требует даже эмоций.

— Иди. — Отец стал холоден как лед. Странно, но Максиму захотелось остаться, чтобы сказать что-то еще, лишь бы не расставаться так, на морозной ноте. Тем не менее он не стал спорить и поднялся.

— Что с моими пальцами? — Максим потряс искалеченной рукой. — Они вернутся ко мне, или вы желаете оставить все как есть? Может отрезать еще?

— Иди, — поморщился отец, — перед тренировкой скажешь Михаилу, чтобы вылечил. Это он ковал этот нож.

— Так он еще и кузнец и артефактор? — Рассмеялся Максим. — Но вряд ли я смогу последовать вашему совету, отец. Вы плохо меня слушали, потому не услышали.

— Слышу я хорошо. Ты сказал. Я услышал. Но если хочешь вернуть себе пальцы — ты обратишься к этому человеку. Нет — ходи без пальцев, твоя проблема. Сам ты это не излечишь. И не думай, что наставник непременно выполнит твою просьбу. Если заартачится, скажи, что это я попросил.

— Попросил?! Вы можете что-то просить у слуги? Это что-то новенькое!

— С чего ты взял, что Михаил мой слуга? — В голос Соболева Старшего стала возвращаться насмешливость. — Я? Я несколько преувеличил в порыве чувств. Михаил мне не слуга. Он мой друг. Лучший друг, если интересно, друг, которого мой сын и наследник требует убить, чтобы казаться себе значимым и важным, а не слабым и никчемным.

— Благодарю за добрые слова, отец. — "Все-таки ему вновь удалось вывести меня из себя, — подумал Максим, выходя из комнаты, — талант, нечего добавить. Мне надо убить кого-нибудь, чтобы успокоиться, и не уверен, что это шутка"

— Супруге мое почтение. — Услышал он уже спускаясь по лестнице.

"Не обманул отец, — думал Максим, трясаясь в седле, — не поручусь на счет событий, но я точно несусь вскачь. Вопрос лишь куда?"

Вопрос был риторический, хотя ответ он знал в самых общих чертах. Их кавалькада скакала одновременно "на место сбора", "туда где безопаснее" и "на театр событий", и парень не очень представлял как все это сочеталось. Впрочем, все это было не важно, он наслаждался ощущением скорости, ветром, бьющим в лицо, грозности стука копыт лошадей отряда, да вообще всем происходящим. "Наконец-то нормальная движуха, а то обрыдло все хуже овсянки".

Размышления помогали держаться в седле, отвлекали от непривычного для него действия, переключая все на "память тела", почему он выдавал себя с головой, когда против воли обращал внимание на то как держится в седле, мешая тем самым сам себе, и начинал долбиться о седло, или "дергать гвозди задницей", по выражению скачущего рядом Михаила. Отбрасывая же мысли о непосредственно процессе езды, переключая их, он почти переставал замечать ход своего коня, идущего с удивительной плавностью.

Михаил. Наставник скакал слева на крупном вороном скакуне, и, как домысливал Максим, страховал его со стороны поврежденной руки. Между ними установилось нечто вроде нейтралитета, Максим предпочел делать вид, что случившееся оскорбление, как и его непримиримость, не позабыты, но отложены под силой обстоятельств, тогда как учитель был равнодушен, и не заморачивался на таких мелочах как отношение к нему ученика.

Город покинули в закрытой карете. Максим вообще не понял зачем возвращался (или, вернее, зачем его возвратили) в свою камеру Колизея. Там он нашел не долгожданную постель и сон, а невозмутимого наставника, мирно распивающего чай с подменяющей его, Максима, Настей. С присущим ему хладнокровием, Михаил сообщил, что ситуация критична и не терпит ни малейших отлагательств, а потому сегодня спать им не придется, да и вообще неизвестно придется ли когда-либо, ведь они все рискуют не дожить до столь прекрасного события. Что им необходимо немедленно покинуть город и до рассвета, до которого не более пары часов, добраться до некоего места, от чего и будет зависеть вся их дальнейшая судьба. Сказано это было столь равнодушно, что, в сочетании с аккуратно поглощаемым печеньем, произвело свой эффект, и Максим лишь недоуменно кивнул. Наставник немедленно встал, поблагодарил "хозяйку" за угощение и молча вышел, указав следовать за ним.

Ослепляющее солнце арены, проход в ночной город, бездумное следование за Михаилом и какими-то ожидающими людьми, в которых угадывалась военная выправка, снова карета, выезд из города, поле и лошади. Максим был само послушание и не задавал лишних вопросов. Нужно — значит нужно!

Путь изначально пролегал через лес, и Максим упивался запахами влажной хвои и чего-то еще, будившем теплое чувство единства с природой. Было темно, потому вперед вышли двое всадников с факелами, не столько освещавшими дорогу, сколько указывающими направление. Отряд шел на рысях, и Максим, как неисправимый романтик, каковым он себя считал, все больше восторгался чувством сказочного приключения, чего ему так не доставало в уже привычной рутине дней, несмотря на все волшебство магии. В нем проснулся мальчишка, когда-то давно зачитывающий до дыр книги о Робинзоне, мушкетерах,

искателей сокровищ, рыцарей и путешественниках. "Будь что будет", — думал он, — "это действительно прекрасно, а ведь по сути мы лишь скачем через лес, но как же хорошо!"

Неожиданно кони замедлили бег и остановились, перебирая ногами на месте и фыркая. Максим увидел поднятую руку наставника и понял, что управлять своим конем может не только он, что не особенно понравилось, но тут был отвлечен появлением новых лиц. Прямо на дороге, вернее просеке, перед ними возникли всадники, много, более двадцати, сколь он мог разглядеть в отблесках факелов, полностью перекрывая им путь. Долго соображать кто это, друзья или враги, не пришлось: один из всадников отделился от прочих и подъехал прямо к ним. Коротко кивнув Михаилу, отвесившему в ответ поклон, он окинул цепким взором их небольшой отряд, тут же выделив Максима.

— Это наследник? — Всадник явно не испытывал любви к церемонности.

— Да. Он. — Лаконично подтвердил Михаил.

— Что-то дохловат. Точно он? Эй, парень, в глаза посмотри.

Максим посмотрел.

— Сомнительно. — Всадник изобразил на лице недовольство. — Спиной бы я не повернулся. А с рукой что, волк покусал?

— Соболь откусил.

— Ну да, он может, — кивнул всадник как чему-то само собой разумеющемуся, — а не вылечил отчего же?

— Оставил на память. — Максим не сразу, но смог разглядеть всадника получше, и обнаружил в нем совсем молодого парня, сильно моложе себя, почти юношу, но державшегося с уверенностью которую дает только опыт. — А сам ты чьих будешь?

Всадник рассмеялся.

— Неплохо, неплохо. Теперь верю. Ну что же, веди нас, Младший.

Он повернул коня к своим спутникам, которые уже расступались, освобождая проход, чем тут же воспользовались факелonosцы. Отряд Максима проехал сквозь их строй, после чего все они продолжили путь следом за ними.

Вторая подобная остановка случилась сразу за тем как закончился лес и они выехали на поле.

У Максима захватило дух. Все поле было будто усеяно всадниками, хорошо видимыми на открытом месте под светом двух полумесяцев и россыпи звезд, казалось, что их, всадников, было много, очень много, тысячи, но, приглядевшись получше, понял, что поддался иллюзии, и на деле их не более двух сотен. Тоже немало.

— Какая живописная картина. — Не удержался он от комментария. Неожиданно Михаил ответил:

— Хорошо, но мало.

Максиму было плевать. Он любовался видом воинственных кентавров, как мысленно окрестил их, уже почти уверенный, что собралась эти неведомые люди здесь ради него, что наполняло сердце гордостью и предвкушением.

Действительно, долго рассматривать друг друга им не пришлось, "кентавры" пришли в движение, собираясь компактнее, пока не выстроились в правильный двухшеренговый строй, перед которым выдавались вперед трое в богатом облачении, что видно было и при невеликом освещении. Молчание людей, при известном шуме издаваемом лошадьми когда их много, придавало определенный шарм всему действу. Передовая тройца, вероятно убедившись, что люди построены, двинулась к ним неспешным шагом коней.

Приблизившись, они дали себя рассмотреть, и Максим с удовлетворением отметил почтительность в их действиях. Все трое, седовласые, можно сказать пожилые люди, в отличии от лесного юнца, склонили головы, приложив правые руки к груди.

— Приветствуем вас, наследник, — уважительно произнес средний из них, — мы явились на зов. Располагайте же нами, и поверьте, что немного найдется людей, кто был бы рад более нас оказаться здесь.

— Наше почтение, наследник, — подхватил второй, — мы счастливы иметь возможность служить вам.

"О, круто!" — Подумал Максим. "- У меня тут куча слуг которые счастливы!", но вслух произнес другое:

— И я рад видеть вас, господа. Гляжу здесь целая армия.

— Простите нас, наследник, — отвечал третий из вожаков, — все было настолько неожиданно, столь внезапно, что многие наши люди пока еще не смогли к нам присоединиться, но все что было под руками, мы разумеется привели.

И все трое еще раз отвесили поклон.

— Довольно болтовни, господа! — Юный наглец выехал вперед. — Время не ждет, успеете еще оформить все в красивые слова, если останетесь живы. А чтобы так случилось — поспешим.

— Осторожнее, юноша! — Гневно воскликнул главный, из трио всадников, судя по тому, что заговорил первым (Максим уже немного начал разбираться в деталях местного этикета дворян, и понимал, что представляются первыми те кто считают себя младшими, но по старшинству, при этом не называясь. Когда же первым начинает разговор старший по положению, то вежливость требует изначально назвать себя), — здесь люди не меньше вашего болеют сердцем и душой за дело, и не позволят никому пренебрегать собой!

Спутники его согласно зашумели:

— Верно!

— Что за молодежь!

Юноша оскалился, изобразив улыбку, и поклонился сколь мог развязнее.

— Ах, благородные господа, — не потрудившись придать себе хоть немного почтительности, отвечал тот, — неужели вы могли помыслить себе, будто я смею насмехаться, и, уж тем более, пренебрегать вами? Я ваш покорнейший слуга, и лишь отчаянность положения, вкупе с пылкостью рвения за наше общее дело, толкнула меня на столь чудовищный проступок как просьба поспешить трех жирных боронов, которые никак не сообразят где, перед кем и зачем находятся. Нижайше прошу меня простить.

— Жирных боронов? Так то вы к нам относитесь?!

Обстановка накалилась мгновенно, и Максим счел нужным вмешаться:

— Вы тут еще драку устройте! Вы, юноша, — не преминул он вернуть презрительную улыбку наглому юнцу, — похвальны в вашем рвении, но что стоит рвение без дипломатии?

— А вы, — обратился он к седовласой троице, — позвольте молодости самой свернуть себе шею, ежели ей так хочется. Сейчас каждый человек на счету, и нужно использовать лучшие качества всех, как порывистость молодых, так и опыт и надежность людей видевших жизнь. Не так ли, господа?

Господа согласились. Чувствовалось, что их тревожит состоятельность Максима как командира, которым здесь, очевидно, являлся, и им бы хотелось понять, насколько "генерал свадебный". Максиму и самому ничего иного нужно не было, как прояснить что конкретно

все-таки происходит, плюс размеры своих полномочий. Что все происходящее — мятеж, обещанный отцом, он понимал. Что во главе мятежа стоят они, Соболевы — тоже понимал. Но далее начинался туман, укутывающий от него цели, ближайшие задачи, соотношение сил, да даже то где вообще все это происходит? "Ну что же", — сказал он себе, — "раз я тут словно рыбка в аквариуме, то и буду вести себя как эта рыбка. Плыви куда плывется, пока не упрешься в стенку".

— Где мой отец? — Максим требовательно обернулся к Михаилу. — Как скоро я увижу его?

— Скоро, Максим Юрьевич, скоро. Лошади мало отдохнули, но ничего страшного, отсюда недалеко. Вон там за полем спуск в овраг, уже оттуда будет видно замок. Возможно, мы успеем к концу штурма. Отец ваш уже там.

— Ну так вперед, господа, едемте скорее. — Максим окинул людей взглядом, стараясь придать себе невозмутимый и уверенный вид.

Возникла секундная заминка, и периферийным зрением он увидел, как Михаил сделал некий жест, сложив ладонь руки в кулак и коротко двинув его вперед. Тут же все пришли в движение, командиры развернулись к своим людям, те начали перестроение, и вскоре весь их уже единый отряд вытянулся по указанному направлению.

Максим с наставником, продолжавшим держаться рядом, оказались во главе импровизированной колонны, и парень решил немного прощупать учителя.

— Скажи, Михаил, это действительно так опасно, или в ваших словах было некое преувеличение?

— Вы странно колеблетесь, Максим Юрьевич, в форме обращения, — усмехнулся наставник, — но держитесь вы неплохо, и я рад, что смог вложить вас хоть что-то за столь короткий срок, что у меня был.

— Пока вы будете отвечать на вопросы которые я не задавал, и не отвечать на те, что я задал, я буду обращаться к вам на Вы, извините, не знаю как вас по батюшке.

— Олегович. А обращаться вы можете как вам заблагорассудится, мне действительно все равно. Что до опасности, то да, опасность велика, это правда.

— Что задумал отец вам известно?

— Нет. Это никому неизвестно и не может быть известно. Он слишком умен, чтобы сказать всю правду даже себе самому, так что и ему не до конца известно что же он задумал. Надеюсь, вы меня понимаете.

— Не особенно.

— Тем хуже для вас. Или лучше. Мне не дано знать будущее во всех смыслах данного выражения. Я знаю свою щадачу, с меня довольно.

— Вы рассуждаете как слуга.

— Я и есть слуга, как же мне еще рассуждать.

— Отец сказал, что вы не слуга, а друг. — Максим не хотел сдаваться.

— Друг?! — Засмеялся наставник, и Максим поежился от этого смеха. — Друг... Это странное слово, парень, очень странное. Что такое, по-вашему, друг?

— Ну как же. Тот кому доверяешь. С кем можно поделиться сокровенным. К кому можно повернуться спиной без опасений получить клинок под лопатку. С кем есть общие интересы, увлечения, ведь надо сойтись на чем-то изначально.

— Вы романтик, Максим Юрьевич, и говорите словно по книжке. А в жизни друг нечто иное.

— Что же, позвольте полюбопытствовать?

— Друг это тот, кто может помочь тебе решить проблему. Голой силой, деньгами или советом. Всем сразу или частями. Потому "друг", — Михаил выделил это слово, — зависит от ситуации. Сейчас враг, завтра друг. Или наоборот, сейчас друг, а завтра враг. Или он, например, трус, а помощь нужна требующая смелости и решительности, отваги. Но он не может, ведь трус. Значит что? Значит он сейчас тебе не друг. Но вчера, когда ты не знал что делать, он нашел выход, дал совет и был другом. А позавчера выручил деньгами, и тоже был другом. Завтра, когда тебе вновь будет нужен совет — станет другом. А вот сейчас нет.

— Да это какой-то не совсем друг.

— Но описанная ситуация, вернее их чередование, вполне жизненна, разве нет?

— Да, но...

— Никаких но, Максим Юрьевич, будьте трезвы и не заблуждайтесь. Делить людей на друзей и врагов — нормально. Но наделять друзей качествами, которыми они не обладают — безответственно. По отношению как к ним, так и к себе самому. Вы начинаете считать человека более способным, чем он есть, а после разочаровываетесь от того, что он не способен сделать нечто, на что он и не был способен никогда. И обвиняете его в несоответствии вашему же воображению. Ну не глупо ли? Подумайте сами, подставьте примеры. Я нарочно начал с трусости, и вам не понравилось это, но разве трусость редкое качество? И разве люди им обладающие непременно плохи? Бесполезны? Никчемны? Это не так, они нередко умны, ведь всевышний, в великой мудрости своей, не только лишает, но и награждает. Представьте иначе, ваш друг, то есть человек которого вы считаете другом, очень храбр и силен, но глуп. И когда вам нужен совет, когда вы не видите выхода, все на что способен ваш друг, так это проломить чью-то голову. Он не спасет вас этим, а может и вовсе погубит. Может быть это вам придется все время выручать вашего друга, который, в тупости своей, даже не будет понимать чего вам все это стоит, волнений, денег, сил, времени. Это, по-вашему, друг?

За разговорами они доехали до конца поля, где действительно находился овраг, и Михаил остановил коней. Начинало светать, потому низ оврага, длинного, вытянутого куда-то вперед, завлакивало туманом. Максим вглядывался, стараясь увидеть обещанный замок, но не видел его.

— Вы не увидите его так просто, Максим Юрьевич, придется спуститься и проехать еще. Туман. Но слышать можете уже сейчас, попробуйте вслушаться.

— В этом нет нужды, — возразил Максим, — я слышу странный шум, будто гул. Напоминает вьюгу, но сейчас не зима.

— Ваш отец пробивает щиты обороны, отсюда гул. Стихия воздуха лучше всего для этого. Эй вы, спускайтесь! — Михаил крикнул людям дерзкого юноши. Сам тот стоял поодаль, но вострепнулся, услышав окрик, и, криво усмехнувшись, направил коня вниз. За ним последовал его отряд. Стало ясно, что овраг куда более глубок, чем виделось, всадники буквально входили в туман, спускаясь, и исчезали из вида.

— Пусть, — ответил наставник на невысказанный вопрос, — дуракам везет.

— А вы считаете себя умным, наставник?

— Нет. Я лишь пытаюсь быть не дураком.

— И как успехи? — Максим стало весело. Сказанное Михаилом о дружбе ему не нравилось категорически, и, будучи несогласен, он не мог не ответить презрением на того, кого считал воином, и который вдруг предстал перед ним кем-то другим.

— Я все еще жив. А вам, гляжу, пришлось по сердцу наглая глупость юного Половского?

— Да, в этом что-то есть, — согласился Максим, — что-то мне в нем действительно глянулось, но вы не правы, это точно не глупость.

— Отчего же? Впрочем, это как посмотреть. Если вы так считаете — ваше право.

Где-то впереди, по направлению от все еще невидимого замка, раздался взрыв, и и громкий стук падающих камней.

— Ну вот, разломал таки. Ваш отец великий боец, Максим Юрьевич. Куда вы так спешите?

Максим сам не понял как направил коня вниз. Умное животное, осторожно перебирая копытами, спускалось вниз, туда где туман становился все плотнее, и где видимость уже не превышала нескольких метров.

— Куда же вы, Максим Юрьевич? — Голос наставника равнодушно звучал сверху. — Ведь разведка еще не вернулась.

— Смелого догоняет удача, Михаил Олегович, — прошептал Максим, — а еще она города берет.

Туман. Максим и не знал, что он бывает настолько плотным, когда не видно ушей собственного коня. "Значит конь тоже ничего не видит, — сделал он логичный вывод, — и куда же он меня тогда везет?"

Поспешность решения была ему уже очевидна, но признаваться в собственной ошибке не хотелось. Подумаешь, порывистость! Конь все-таки куда-то идет, направление здесь одно, рано или поздно они выедут из тумана, лишь бы коняшка не переломала себе ног.

Слышимость тоже снизилась. Максим отпустил поводья и полностью доверился коню, стараясь сосредоточиться. Ситуация выходила глупая, вот только что он был во главе, пусть и номинально, большого отряда кавалерии, а вот он где-то в овраге, один пробирается сквозь туман. "Прямо как краткое содержание всей моей жизни, — невесело констатировал он, — то вроде все ясно, то не пойми что, и будто бы я виноват, хотя сделал для этого самую малость".

Через некоторое время стало казаться, что конь немного забирается выше, что направление идет постепенно вверх. Это было хорошо, и парень приободрился.

— Скорее бы выехать, — пробормотал он, — а то и колдонуть нормально нельзя.

Туман можно было развеять, Максим знал как, но соображения осторожности перевешивали. Еще в начале своего обучения, когда он наплевательски относился к любым рамкам, восхищаясь обладанием магией, пока они не били его по лбу, одним из первых усвоенных ограничений была все-таки определенная экономность. Новые возможности рождали новые желания, хотелось много, всего и сразу, а "прокачка" шла недостаточно быстро, почему он и ловил себя на некой жадности. Отношение к мане и ее запасу напоминало отношение к деньгам, когда после получения зарплаты или еще какой суммы денег в прошлой жизни, Максим предавался удовольствию воображения о том, что он может купить. Помечтав, он будто "наедался", и особо ни на что не тратился, до того момента, когда в нем что-то пробуждалось, нечто требующее широты и порыва, и тогда он без сожалений спускал все что у него накапливалось на пустыки и гульбу. С магией выходило быстрее, но сходно: Максим скупно тратился, вызывая неудовольствие наставников, потом ощущал в себе "что-то", срывался и опустошал резерв до нуля, что так же не приводило учителей в восторг. Посох, обладание артефактом подобной силы, как ни странно, только усилило его "хомячество", но на более высоком уровне, когда экономят уже не мелочь. Сейчас же Максим чувствовал себя голым и безоружным, сохраняя при этом уверенность силы, как чувствует себя охотник убивший немало тигров и оказавшийся без ружья в джунглях, но привыкший уже считать себя сильнее самых страшных хищников, проявляя при том хладнокровную осторожность. Он знал, что впереди его ждет что-то, и это что-то потребует полного напряжения сил, и не желал расходовать ни капли маны ранее того.

Движение продолжалось, и туман понемногу развеивался, Максим уже видел не только уши Мстислава (ему откуда-то пришло знание имени животного), но и на несколько метров вперед. Довольный, он погладил шею коня, и легонько коснулся пяткой бока животного, командуя ускорить ход.

Вскоре послышался какой-то шум впереди, и Максим напряг слух в попытке различить его. Ему показалось, что слышится обрывочно человеческая речь, и подумалось, что нагоняет отряд разведки. Донесшееся конское ржание укрепило в этой догадке, после чего

он перевел коня с шага на рысь, благо видимость уже позволяла. Овраг напоминал ущелье, Максим решил, что в тумане было не так уж и мрачно, надеясь проехать поскорее это место. Надежды его оправдались, и выход из оврага оказался совсем рядом. Конь тоже словно повеселел и явно был не прочь перейти на галоп, поддаваясь настроению всадника. Голоса впереди все усиливались, Максим скакал прямо на них, уверенный, что выедет прямо на людей Половского.

Так оно и случилось. Он лихо вылетел из оврага-ущелья, и, преодолев небольшой подъем, оказался на очередной поляне, ничем особо не отличавшейся от предыдущей, кроме того, что рассветное солнце освещало ее, и остановился, пораженный тем, что увидел.

Отряд Половского действительно был здесь. Но не только он. Здесь были все, вообще все люди, которых он оставил позади, спускаясь в туман. Сейчас они выглядели иначе, красивее, яркость амуниции не тускнела в полутьме, но узнал он всех сразу, и седовласых командиров, сейчас смотревшихся молодцеватее, и дерзкого Половского, задумчиво покусывающего веточку дерева, и, главное, невозмутимого Михаила, с сострадательной насмешкой рассматривающего его самого.

— И что все это значит, потрудитесь объяснить? — Максим внезапно осознал, что сел в лужу, и бросившаяся в лицо краска выдавала это. — К чему все это представление?

— Представление, Максим Юрьевич? — Михаил отвечал негромко, и для этого подъехал ближе. — Представления здесь никакого нет, если не считать ваш странный... назовем это рейд.

— Как вы здесь оказались?

— Очень просто, Максим Юрьевич, мы прошли верхом вдоль оврага, и ждем только вас.

— Но... тогда какого вы..

— Я отправил отряд юного Половского через овраг, как вы должно быть помните, — Михаил взял паузу, и лишь дождавшись резкого кивка от судорожно сжимающего поводья Максима, продолжил, — поскольку это идеальное место для засады и нападения сзади. Вероятность подобного развития событий представлялась маловероятной, но не нулевой, да и война есть война. На войне убивают, часто — благодаря глупости, допущенной небрежности. Потому я и указал проверить овраг, что и было исполнено одним из ваших вассалов. Пройдя овраг, они оказались видны нам как на ладони, дали сигнал, что все в порядке, после чего мы присоединились к ним не рискуя лошадьми.

Максим прокусил губу. Всегда неприятно выглядеть идиотом, а уж выглядеть вот так, перед всеми, наглядно показав профнепригодность — невыносимо. Выплеснуть свою ярость было не на кого, отчего она была по самому Максиму.

— Вы сердитесь, — кивнул Михаил, без труда разгадав его состояние, — да что там, вы просто в бешенстве. Но винить вам некого, и это выводит вас из равновесия. Я ваш учитель, но не более, и плохо умею утешать. Скажу лишь то, что нас ждет неплохая заварушка, в которой вы вскоре сможете утолить свой гнев, да и подправить реноме перед всеми этими людьми, которых видите впервые, и потому это столь важно. Пусть не как командир, но хотя бы как воин. Будьте же достойны своего имени, своего отца, своего рода. Заметьте, на вас смотрят, вас изучают, но над вами никто не смеется.

Парень сдулся. Вновь наставник заставил его испытывать чувство беспомощности, одновременно с пониманием, что лишь благодаря его поддержке удастся еще оставаться на плаву, а не топить себя дальше. Гордость была уязвлена, но и, в известном смысле, пробуждена. Он нашел в себе силы вскинуть голову, стараясь не думать о том, насколько его

лицо пунцовое в данный момент, и спокойно сказать:

— Действительно, забавно получилось. Но вы правы, есть и положительные моменты. Да, я сам влез в туман, но я сам из него и вылез. Это символично. Пусть и будет таков мой путь. Ведите же, раз вы тут по факту главный, но прошу вас — дайте мне в личное подчинение какой-нибудь отряд, пусть небольшой, но дайте.

— Неплохие слова достойного человека, — одобрительно кивнул Михаил, — дать отряд мне не трудно, но будете ли вы уверены в этих людях? Все же лично вы друг другу... сюзерен и вассалы. Не более. Порой этого очень мало.

— Ну и что? В себе я уверен, и уверенности моей хватит и на них. А что до их уверенности во мне, так вы сами заметили, что никто не смеется, как и учит нас мудрая пословица.

— Какая, позвольте узнать?

— Кто в армии служил, тот в цирке не смеется. Неужели не знаете?

— Впервые слышу, но что-то в ней есть. — Наставник лукаво улыбнулся. — Решено. Вы получите людей. Отряд Паловского вас устроит?

— Более чем! — Кивнул Максим, хотя ожидал совсем иного, того, что ему дадут личный отряд, там где он будет полный командир, а не сплоченную группу со своим лидером, рядом с которым он вновь оказывается на положении формального начальника. Выбирать, однако, не приходилось.

Замок Максим увидел последним, когда люди уже спешили, и он вынырнул из своих мыслей. "Да что с тобой такое сегодня, — обругал он себя, — собрать, тряпка! Неужели ты и правда такой олух, что любая неприятность выбивает из колеи? Запах свободы опьянил? Так она кровью здесь пахнет, и было бы хорошо, если не только твоей."

Половский отнесся к прикреплению его самого и отряда в прямое подчинение Максиму равнодушно. Мол, и так и этак, все едино. Но Максиму хотелось верить в то, что глаза того сверкнули чем-то предвкушающим, а равнодушие напускное. С того момента люди Половского стали его личными телохранителями (Михаил так и сказал: ваша задача — охрана наследника, какая бы идея не пришла тому в голову), и ловко держали его в "коробочке" минимум из шести всадников.

Замок впечатлял. Неведомый архитектор (а может и не один) постарался на славу. Максим немного понимал в строительстве, но что он видел — ему нравилось. В постройке не чувствовалось ограничений. По сути это был огромный каменный дом, площадью приблизительно в половину гектара, с высотой стен порядка метров пятнадцати. Никаких внешних колец стен не было, ни рва, ни частокола, и расскажи кто Максиму об устройстве данного замка, он бы представил себе массивное уродливое прямоугольное здание, с подчиненностью красоты в угоду практичности, с узкими окнами-бойницами, приземленными башнями, и непременно из серого камня. На деле же, постройка смотрелась более чем гармонично, симпатично, и, если не изысканным творением, то очень качественной постройкой, сделанной с любовью к своему делу. Удивлял синий цвет стен, удивляли широкие окна, балконы, резная красота башенок, удивляла общая отшлифованность строения. В таком замке хотелось жить.

— Странное сочетание, — пробормотал он вслух, — благодаря такому множеству окон замок кажется даже больше того чем он есть, объемнее, но совсем не выглядит чем-то инородным на этом месте. Как будто он здесь вырос, а не построен.

Перед замком располагалось множество шатров, палаток самых разных расцветок, между которыми передвигались люди, кони, лаяли псы, звенело железо, пахло жареным мясом, гомон стоял как на ярмарке.

— Это осада? — Удивился Максим.

— Да, наследник, осада. — Подтвердил Половский. Между ними сразу возникло что-то вроде ершистого взаимопонимания, когда люди уже знают, что сойдутся, но еще продолжают выдерживать период "притирания", не желая чрезмерно показывать возникшую симпатию. Потому и тот и другой старались добавить в свои интонации слегка прикрытое снисходительное ехидство, насмешливость и ироничность.

— В таком случае, не станет ли для вас затруднением пояснить мне, как человеку неопытному, отчего все так хаотично?

— Хаотично, наследник?

— Хаотично, расхлябанно... это военный лагерь или пикник? Для вас это нормально, Половский?

— Ах, вот вы о чем! Что же здесь удивительного? Расположились как удобнее, все равно замок блокирован. Это ведь не армия, где один маг на десятки людей, здесь дворянское ополчение.

Максим покачал головой. Видимость обманчива, он прекрасно понимал это, но внешняя неупорядоченность мешала даже приблизительно оценить собравшиеся силы.

— Где мой отец? — Он еще раз окинул взглядом лагерь, и соскочил с коня.

— В вашем родовом шатре, вероятно, наследник. Или еще где-то. Пойдемте, поищем.

Соболев Старший действительно находился в своем походном шатре, пытаясь совмещать отдых с работой. Выходило так себе. Он очень устал, истончая защиту замка, и теперь, под защитой самых надежных соратников, терпеливо ожидал магического восстановления. Чтобы не терять время даром, он отвлекся бумажной работой, и был занят написанием очередного письма, когда ему доложили о прибытии наследника. Недовольно покривившись, он вздохнул и дал команду пропустить.

Сын пришел не один, в его юном спутнике Юрий Максимович узнал сына одного из своих друзей детства, нового главу вассального рода Половских. Интуиция сообщила, что между молодыми людьми намечается дружба, такие вещи старый интриган чувствовал сразу, одобрительно посмотрев на сына.

— Что, молодежь, спелись? — Поприветствовал он их, выходя из-за стола. Парни вытянулись перед человеком едва достающим любому из них до плеча.

— Отец, ты звал меня, и я пришел. — Пафосно начал Максим.

— Еще бы ты не пришел, — перебил отец, — ну а ты, Половский, ибо лицо твое копия лица твоего родителя, ты тут какими судьбами?

— Долг есть долг, — пожал плечами наглый юнец, — я и подумал, отчего бы мне не исполнить свой?

— Отличные слова, молодежь, отличные. Просто прекрасные! Гляжу я на вас и вижу: не погибла еще Русь Святая, не погибла. Один дурак — катастрофа, но два дурака — сила! А теперь еще раз: какого хрена вы оба здесь делаете?

— Что вы имеете в виду, отец? — Недоуменно спросил Максим.

— Какого же ответа вы желаете? — Улыбнулся Половский.

— Желая я лишь одного, чтобы вы оба ответили на вопрос. Очень простой вопрос. Сознаете ли вы, юные блюстители долга, чести и верности, что я, ваш господин и владыка,

ваш отец и сюзерен, я как раз и не собираюсь соблюдать ничего подобного. Что я собираюсь нарушить, вернее уже нарушил клятву верности, наплевал на долг, и если не позабыл о чести, то лишь в собственном о ней понимании. Я мятежник. Бунтовщик. И вы, присоединяясь ко мне, тоже становитесь бунтовщиками и мятежниками.

Молодые люди опешили. Соболев Старший с удовольствием разглядывал их лица снизу вверх, уперев руки в бока и сделав суровое выражение лица, хотя глаза его смеялись.

— Ну, что скажете, жеребцы? — Поторопил он их, видя, что парни продолжают молчать. — Не думали об этом? А почему? Некогда было?

— Я скажу так, отец, — наконец отмер Максим, — мне сложно судить о геополитике... о политике то есть... Но я связан с вами родством, и сдается мне, что на меня косо посмотрели бы здесь и плохо приняли бы там. — Закончил он свою мысль, надеясь, что слова из прочитанной когда-то книге помогут выкрутиться. Они помогли. Отец удивленно покачал головой, и обратил взор на Половского.

— А я скажу еще проще, господин. Мои предки служили вашим слишком долго, чтобы мне, совсем еще щенку, идти против их воли и памяти. Мне все равно. Мятеж так мятеж. Победим — победим, проиграем — все поляжем, только и всего.

— Тем более мы еще и не проиграли, а в случае успеха вопросы будут сняты сами собой, как говорил один поэт: мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе. — Прибодрившийся невысказанной похвалой, добавил Максим еще одну пришедшую на память цитату.

— Чьи это слова?

— Ээээ. нуу..

— Понятно. Но слова верные. Правильные. Однако об успехе рано думать, знаешь ли ты, сын, приблизительное соотношение сил?

— Не имею представления, отец, но вряд ли бы вы начали наше дело (простите, мне не нравится слово мятеж, оно указывает на то, что мы не правы, тогда как мы, безусловно, правы!) при недостаточных шансах и не предусмотрев все, что только возможно предусмотреть.

— Ты хочешь вылизать мне сапоги? — Резко ответил Соболев Старший. — Я предпочел бы что-то более полезное от тебя. И нет, у нас очень мало шансов, практически их нет вовсе.

— А теоретически? — Не сдержался Половцев.

— Теоретически... это такое слово, которое может все. У нас сильных магов два с половиной, это включая меня, а у Орловых около пятисот. Боюсь, что и волшебное слово "теоретически" не справится с ситуацией. Нас прихлопнут как надоедливую муху.

— Но как же вы собираетесь побеждать, отец? — Вновь вмешался Максим.

— Кто тебе сказал, что я вообще собираюсь побеждать?

— Но как же... а мятеж, этот замок, осада. Зачем тогда все?

— Ты повторяешься, сын мой, и плохо слушаешь. Ты уже спрашивал это и я отвечал. Теперь — поздно. Но надо успеть сделать некоторые вещи, и в этом мне понадобится ты.

— Я готов!

— Ты не готов, молокосос, не готов. Но выбора нет, придется играть теми картами, что есть.

— Что вы хотите от меня?

— Для начала ты возьмешь мне этот замок.

— Я?

— Ты. Это не так сложно, я снес все щиты кроме последнего, восстановить их изнутри они не могут, так что защита держится на соплях.

— Как скажете отец.

— Ага, уже предвкушаешь, вижу. Далее — ты должен взять девченку живой.

— Какую еще девченку?

— Ольгу Мартынову. Она руководит обороной, приблизительно как ты руководил приведенным подкреплением. Но ее проще понять, девчненке всего двенадцать.

— Ну...хорошо. Я постараюсь справиться, отец.

— Ты не постарайся, ты справишься. Затем ты ее казнишь.

— Что?

— Казнишь ее. Это важно. Нельзя допустить, чтобы она погибла при штурме, или покончила с собой, или чтобы ее убил кто-то из охраны. А вот потом, когда замок будет уже наш — ты казнишь ее. Нам нужны ее сердце и голова.

— Сердце и голова. — Неверяще повторил Максим и замолк.

— Совершенно верно, — подтвердил отец, — сердце и голова. Ты будешь помогать моему сыну, — добавил он Половскому, — не дай им успеть.

— Разумеется, господин. Будет исполнено.

Как все же магия меняет человека. Человек с ружьем — совсем не тот человек, что был безоружен. Меняется все, и отношение окружающих, они иначе смотрят, иначе относятся. Прислушиваются. Глядят по-всякому, кто с опаской, кто с уважением, а кто и с напускным безразличием. Но человек видит и чувствует сосредоточенную внимательность. Кем он был? Может быть кем-то, кого и без того уважали, а может и нет. И сам он меняется.

Магия — оружие. А еще положение, статус, адвокат и прокурор. Без магии слаб человек, в обычной драке самые сильные побеждаются небольшой группой тех кто лично слабее, но вместе представляют силу превосходящую одиночку. Достаточно троих. Если они не испугаются некоего силача, то и конец тому силачу. Их масса в совокупности больше, рук и ног больше. Главное — не бояться.

"Любопытно, — думал Максим, — каково было бы с рождения жить в мире, где человек не останавливается в росте, а с годами набирает все больший вес, крепость мышц и костей? Когда вам двадцать, и вы смотрите на всех как на равных вам в принципе, это одно. Но что если вы увидите людей ростом метром шесть, и весом в тонну? Что останется от вашей иллюзии равенства? А ведь они здесь все жили и живут именно так.

Магия создает мир где нет ощущения равенства, где все разумные с детства живут в принятии неравенства как данность."

Максиму пришла мысль об аналогии с джунглями, в той детской сказке о мальчике Маугли, в которой животные обладали разумом и речью, правилами и обычаями.

Маугли было непросто и легко одновременно. Непросто потому, что джунгли — мир в котором все поделено, всяк занимает свою нишу и не пускает в нее других. Если что — дерется насмерть, побеждает или погибает. Встроиться в тот мир было возможно только через кровь. Жить в нем — непрекращающееся испытание. Но в чем-то Маугли было легко. Обученный с детства, не знавший другой жизни человек чувствовал себя там словно рыба в воде. Ни малейших иллюзий о том кто есть кто. Маугли шел по джунглям и видел всякого таким каков тот есть на деле, без прикрас, без масок, без фальши. Вот стоит волк. Хищник. Хладнокровный убийца. Но он свой и потому не представляет опасности. А вот медведь, опасен, но если его не злить, то ничего и не будет. Вот леопард — лучше обойти его, если тот голоден. А здесь травоядные, их можно убивать и есть. Много, много кто обитает в джунглях, и каждый определяется сразу, и каждый сразу определяет тебя, выказывая это и своим поведением. Удобно.

"Мир магии и есть джунгли, — размышлял парень, — и нужно было обладать удивительной глупостью, чтобы не понимать это столь долго. Весь этот мир с неотвратимым упорством пытался встроить меня в себя, дать мне должное мне место, но я, как человек иного мира (если мне все это не приснилось), с самым глупым апломбом "человека образованного", с забитой всякой чушью головой, сопротивлялся тому, что здесь является самой жизнью, а значит, сопротивлялся жизни. Глупец. Мало того, я ведь еще все норовил сделать этот мир поудобнее привычному себе, изменить целый мир под свои представления вокруг себя. Подправить. Возможно ли быть дураком еще большим? Возможно. Но легче от того не становится."

Защита замка рухнула почти сразу как он нанес пару прощупывающих ударов. Отец обманул и хотел, чтобы Максим это видел. Ювелирная работа. Удивляло скорее то, что она

вообще держалась, и парень рассмеялся от понимания своей роли. Перед кем была эта демонстрация, на кого рассчитана? Отец всегда лупил по двум зайцам, как минимум. Сейчас он показывал Максиму насколько тот ему уступал, показывал вассальным магам кто есть кто, и что он еще в силе. Показывал осажденным всю тщетность сопротивления, но еще что-то он показывал и самому себе.

— Молодец, Максим, погоди, — Половский стоял рядом, и, образно выражаясь, держал руку на пульсе, — сейчас их время, штурмовиков.

Максим и не думал спорить. Он представлял себя зверем, могучим, сильным, но очень глупым. "Недоинформированном" — мелькнула мысль. Потому — лучше побольше молчать, и делать вид, что поводка не существует.

"Делай что должно и будь что будет, правило весьма универсально. Но что же должно и что будет? Неведомо, пока посмотрим на штурмовиков так называемых".

При всем его внутреннем скепсисе, действие разворачивалось увлекательное, в чем-то даже красивое.

Нападавшие и защищавшиеся казались гурьбой мальчишек играющих в снежки. Столь комично они (в глазах Максима) обменивались заклинаниями.

— Собачья свалка, — произнёс вдруг Половский, — иного я и не ждал.

— Смешались в кучу кони, люди, — машинально отозвался Максим, — детский сад, штаны на лямках.

— Какие ещё кони? И причём здесь штаны? — Удивился Половский.

— Так...

— Нет, ну действительно, Максим Юрьевич, выглядит все это так, словно все пьяные донельзя. Никакой выучки сверх действий в тройках, максимум — четвёрках, вот вы, по своему армейскому опыту, что скажете? Взгляните только вон туда, — Половский указал на правый от них отряд магов, человек в тридцать, что отчаянно старались додаться всего шестерых защитников, — они больше мешают друг другу, и потеряли уже троих. Убрать половину, не меньше, и уже бы все закончили, да и без жертв с нашей стороны, скорее всего. А тут ударов словно градом сыпят, да все наспех, все не верно. Да даже мои парни, как и я, нигде не воевавшие, справились бы куда лучше и быстрее!

Максим мысленно усмехнулся. Указанный отряд и впрямь казался откровенно бестолковым. Противник уверенно оборонялся от наскაკивающих магов, легко выставляя щиты "елочкой", меняя позиции, заставляя бить по пустому и практически не отступая. Штурмующие же несли потери, кроме трех указанных погибших (и Максим сомневался, что его отец будет пытаться вернуть к жизни хоть кого-то), что изломанными окровавленными куклами валялись в траве, было ещё несколько серьёзно раненных.

— Почему мы не используем оружие? — Вырвался внезапный вопрос.

— Оружие? — С удивлением переспросил юноша.

— Ну да, оружие, — Максим решил все-таки занять себя давно интересующей темой, — почему все эти маги безоружны?

— Но ведь магия и есть оружие. — Недоуменно произнёс Половский.

— Это есть, верно. Как клыки и когти у тигра. Но мы ведь люди, юноша, не правда ли? Почему мы сражаемся как дикари, практически врукопашную? Как же цивилизация? У нас есть столько всего для комфортной жизни, наши предки столько всего изобрели, а оружия нет или почти нет. Война ведь двигатель прогресса, не правда ли?

— Признаюсь, не совсем понимаю о чем вы говорите, наследник.

— Ну как же, — нетерпеливо продолжил Максим, — где артефакты, усилители, броня, накопители, где это все? Я артефактов видел всего три штуки за последние месяцы. Почему они не у всех, или, хотя бы, не у многих?

— Да ведь это безумно дорого, наследник!

— Дорого? А жизнь не дорого? Лезть с голым пузом под раздирающие заклинания — не дорого?

— Дорого. Но артефакт уровня... да хоть как ваш посох, о котором я слышал, и которого сейчас нет с вами, к сожалению, вот он стоит больше такого замка со всем содержимым. Мало кому по карману. Да и как его использовать не имея достаточно сил?

— Поясните, Половский, теперь я вас не вполне понимаю. Что значит — недостаточно сил? Разве он не создан как раз для того, чтобы увеличивать недостающие силы?

— Теоретически да, возможно. Но зачем он тому, кто и с посохом будет слабее другого сильного бойца? Непременно отберут, убьют и отберут, а после продадут кому-нибудь из аристократии. Вот у вас есть артефакт, да не один, но вы, я имею в виду род Соболевых, способны защитить их. Но что делать тем, кому артефакт принесёт гибель, а и не спасение?

— Зачем же всем артефакт такой силы? Маги не равны, это понятно. Но что мешает простым магам, не аристократам, иметь что-то, что позволит увеличить возможности хоть в два раза?

Так а кто им будет делать? Может быть вы, Максим Юрьевич?

— При чем здесь я, Половский?

— Ну а кто согласится? Для создания артефакта, сиречь наделения неживого предмета свойствами для работы с магией — силушка нужна, да немалая. И взять её негде кроме как от себя оторвать. А подобные фокусы с магическим ядром только высшая знать и выдержит. И то... перед смертью обычно.

— Как — перед смертью?

— Ну, когда уже все равно. Тогда да, можно и о потомках подумать, да принести себя в жертву во славу рода. Да только кто потом артефакт этот отдаст чужому, за какие хочешь деньги? И кому я это все рассказывают, наследнику Соболевых? С вами все в порядке, Максим Юрьевич?

Максим смутился, но постарался не подать виду, выпустив нижнюю губу.

— Более чем, мой юный друг, более чем. Иногда нужно расслабить голову, вот и размышляю тогда как сейчас о чем-нибудь. В странном мире мы живём все-таки. В странном.

— О, смотрите, наследник, слева наши прорвались.

— Вижу.

— Теперь пойдёт резня. — Половский довольно осклабился, и его конь, почуяв настроение хозяина, что-то вхрапнул.

— И не жаль вам их?

— Кого?

— Ну тех кто в замке. Чисто по-человечески?

— Весёлый у вас нрав, наследник. Шутки любите. Это хорошо, и мне и людям моим по сердцу. Только привыкнуть надо немного.

— В каждой шутке, мой юный... Ого! Что это?

Столь успешно развивающаяся атака на левом фланге быстро захлебнулась, какой-то из магов защитников ударил чем-то тяжёлым, превратив в кисель с полдюжины нападавших,

отчего прочие рассыпались в стороны и начали отступать. Защитники их не преследовали, слишком мало их было, но они восстановили подобие линии, закрывая всю ширину предзамковой поляны.

— О, это и есть наша, то есть ваша цель, Максим Юрьевич. Ольга Мартынова, во всей красе.

— Ты её знаешь?

— Нет, не видел никогда раньше. Но больше некому, все просто.

— Ей всего двенадцать!

— Да, это мне известно.

— И девочка в двенадцать лет смогла нанести подобный удар?

— Мартыновы — высшая аристократия, что же здесь удивительного? Впрочем, вы правы, наверняка она опустошила свой резерв этой атакой, а если и нет, то ещё один подобный удар — и все. До завтра восстанавливаться. А завтра у неё уже не будет.

Максим вздрогнул. Приказ отца он помнил хорошо, даже слишком хорошо, чтобы стараться о нем не думать. Слова "принеси её сердце и голову" казались некой абстракцией, к реальности имеющей опосредованное отношение. Нет, он воспринял их серьезно, слишком часто его учили верить сказанному, но представить себе это он не мог даже со всем накопленным багажом опыта и сновидений. Девочка в его представлении была... девочкой. Двенадцать лет. Косички, бантик в волосах. Что-то юное, доброе, наивное. Глядящее на мир большими глазами. Неиспорченное.

И ему, Максиму, вменялось уничтожить её. Изуродовать. Так было нужно для рода. Нужно его отцу. И что ему делать? Бунтовать?

Максим гнал от себя мысли о предстоящем, но они невольно возвращались. В конце-концов стал складываться некий компромисс, в его воображении, он надеялся выполнить приказ, но не убивать эту неизвестную ему Ольгу лично. Вот бы кто (да хоть тот же Половский) принёс ему уже мёртвое бездыханное тело защитницы, с каким облегчением бы он тогда вздохнул! И ладно уж, взяв себя в руки, отпилил ей голову, а надо, так достал бы и сердце. Мёртвой уже все равно.

Теперь же, увидев, что девочка не просто ребёнок, но умеющий убивать ребёнок, он, неожиданно для себя, вдруг почувствовал к ней уважение. Ещё бы. Ей в куклы играть, да с подружками через резинку прыгать, а она вон как. Одним ударом смахнула шестерых убийц (эмпатия подсказывала, что никем иными они для девочки не являются), и продолжает защищать свой дом, свой замок, поддерживая дух обороняющихся. В совершенно безнадежно ситуации. Может быть, она надеется на помощь, дети ведь верят в лучшее. Но Максим знал, знал всем своим нутром, своей магией, что помощь не придёт. И где-то в глубине его сидел бесенок страха, что ему придётся совершить нечто ужасное, преступное в своих глазах, быть может, такое, о чем потом и вспоминать будет страшнее чем делать.

— Красивое имя. — Сказал он вдруг. — Ольга. И фамилия красивая.

Половский, все так же сидевший в седле рядом с ним, насмешливо фыркнул.

— И сама она должно быть красивая, — упрямо продолжил Максим, — и смелая.

— Тем более она опасна. — Равнодушно отозвался Половский. Ему была чужда логика милосердия, как и вообще рефлексия, потому он не вполне понимал своего нового друга, решив, что тот просто любитель потрепаться больше, чем показалось изначально. Пусть. У сюзерена могут быть причуды и заковыристые.

Соболевы были для него всем. Рано потерявший отца, испытывая странное равнодушие

со стороны родной матери, юный мечтатель давно ошестинился на весь окружающий мир, в котором не было ему ни свата ни брата. Как ни странно, но именно наплевательское отношение ко всем, включая самого себя, и принесло ему лидерство среди молодёжи окрестностей их земель, авторитет храбреца, смелого до дерзости, не признающего авторитетов и готового кинуться в любую заварушку. Девушкам нравился отчаянный хулиган, но сам он их сторонился, порой вызывая этим обиды. Холод матери сказывался и на этом.

Соболевы же... род, которому семья Половских служила с момента своего появления. Легенда и живой миф. Подавляемый романтизм искал выхода, и находил его в предполагаемой службе. Формально, однако, Соболевы были "обычными" аристократами, верными подданными его величества (коего юноша презираю с детства, поскольку императора презираю отец), и он с трудом представлял каким образом сможет служить им по-настоящему, а не формально.

Путь в армию был закрыт, глав рода на службу брали только в случае войны с орлами, и то неохотно. Дома хозяйничала мать, и оставалось совсем немного. Потому, получив странное письмо с гербом Соболевых, парень сперва не поверил своим глазам. В письме было сказано, и сказано кратко, но вычурным слогом, что Соболевы, устав от творимых императором несправедливостей, не считают себя более связанными узами клятвы с родом Орловых. И они, Соболевы, объявляют о том свою волю всем вассалам в магии своим. Далее шло указание места сбора без каких-либо пояснений.

Половский возликовал. Будь на то лишь его воля, он поскакал бы немедленно, но, вспомнив, что он тоже не последний маг на свете, и имеет своих "исторических" вассалов, львиная, доля молодёжи которых входила в его шайку, в свою очередь объявил сбор.

Не обошлось без шероховатостей. Часть ребят не отпустили их родители, наотрез отказавшись "участвовать в безумии", часть пошла против воли старших (чем ниже магический уровень, тем это проще), часть самостоятельно попыталась поднять его на смех... В итоге из полсотни своих "гусар" он смог привести меньше половины.

В пути он получил ещё одно письмо, менее сухое и писанное явно вдумчиво, где была выражена надежда, что ему удастся найти общий язык с наследником рода Соболевых, пострадавшим от козней императорской семьи, а потому ведущего себя странно. И что наследник нуждается в товарище честном, открытом, верном и неглупом.

Половский ликовал. Казалось, что судьба решила отсыпать его дарами. И вот теперь он наслаждался тем, что наблюдает за сражением, пусть и выглядевшим странной заварушкой, стоя бок о бок с наследником рода которому клялись служить его прадеды, и ведёт беседу как будто с боевым товарищем. Оставалось немного, а именно доказать свою преданность и полезность лично. Девчонка Мартыновых казалась вполне подходящим материалом для этого. Наследник говорил странные вещи, это было объяснимо, но все же в интонациях его, Виктор услышал явственное нежелание сражаться с девчонкой лично. Это удивило, сам то он никогда не упустил бы подобный шанс, но сюзерен имеет право на причуды. План созрел мгновенно.

— Я бы доставил её вам, Максим Юрьевич, если вы только не воспримите моё предложение за дерзость. — Половский и не думал юлить, решив, что честность — лучшая политика.

— А? Что? — Не сразу понял Максим, выныривая из своих мыслей. Сообразив же, он медленно кивнул.

— Да... пожалуй. Было бы неплохо, достать вы её сюда, Половский.

Этого было достаточно. Виктор не оглядываясь бросил через плечо:

— Первый десяток — охрана наследника, остальные — за мной.

Всадники сорвались с мест, устремляясь туда, где шла свалка и штурмующие медленно, но уверенно вновь брали вверх.

"Мёртвой. Привезите её мёртвой. Только мертвой", — думал Максим, с каким-то мрачным предчувствием, но вслух сказал лишь:

— Удачи, волки.

Что девочка окажется жива — Максим знал это. Иное было бы слишком хорошо. Но он не ожидал того, насколько она будет жива.

— Мы сохранили ей жизнь, наследник. — Половского пошатывало, но вид его был довольный. Запекшаяся кровь на лице, прорези в одежде, тяжёлое с присвистом дыхание — все указывало на то, как нелегко им пришлось, и что он горд собой, желая показать это.

— Упрямая, безумно упрямая тварь. Дети — опасные создания. Никакого инстинкта самосохранения, чистое бешенство, чистая ярость. Какое самоотречение! Мне даже жаль, что земной путь её закончится столь рано.

— Жаль?

— Конечно, жаль, наследник. Но не то как именно, нет, здесь все красиво. Погибнуть защищая свой дом — прекрасно. Защищая так, как не смогло бы большинство парней — ещё прекраснее, ну, или я не знаю, но мне так кажется. Сильна девочка, очень сильна. Не могу сказать, что спасли мы ее осознанно, поскольку могли лишь отбиваться, Вы нас спасли, наследник, и теперь я ваш кровный должник кроме прочего.

— Я?! Спас?! Но каким образом, — изумился Максим, — я ведь только пришёл.

— Ну да. Она почти доканала нас, и я проклинал свою самонадеянность. Мелкая, не в силе, справимся как-нибудь. Как же! Кровь есть кровь, теперь я это хорошо запомню.

— Так каким же образом я вас спас? — Допытывался Максим.

— Так она отвлеклась на вас, почуяв приближение. Оставался ведь один удар, не более. Парней моих смело, ну, тех кто остался жив, девчонка собиралась умереть, и раскрутила ядро почти до уровня взрослого. Что мы могли противопоставить? Все наши выпады сгорели не добираясь до щитов, впервые вижу такое. Вы ведь так тоже можете, наследник?

— Допустим.

— Хахаха, ну конечно можете! И вот, когда я понял, что все, конец, явились вы. Девка заволновалась, я бы сказал заметалась, подтянула себе тело слуги, вон то, без головы, и принялась кастовать что-то совсем непотребное и неприличное для её пола, возраста и статуса, но вы успели раньше.

Максим задумчиво кивнул, оглядывая учиненный разгром. Зал, или холл, он не знал как сказать правильно, словом, то место в котором проводились приёмы, обеды, центральное помещение замка, выглядел так, как по нему прошли силы всех четырёх стихий. В каком-то смысле так оно и было. Магия Максима базировалась на стихии огня, с примесями воздуха и земли (родовой магии Соболевых). Юная Мартынова же, судя по всему, была магом воды, с добавлением земли и воздуха. А потому — встречный удар стихий вызвал особенно живописные разрушения. Казалось, что в зале нет ничего целого, ничего не сломанного. Стулья и столы (роскошные, резные, из чёрного дерева) были раскрошены едва не в щепки. Мебель вдоль стен постигла та же участь, и шкафы лежали кучками хлама со всем содержимым. Все что было тряпичным и могло быть разорвано — было разорвано. Или сожжено. Драпировки, занавески, скатерти, гобелены. Зеркала разбиты. Огромные люстры сорвало ударами волн магии, две из них представляли какой-то причудливый перемятый ком, а куда подевалась третья, было и вовсе непонятно.

Сломанные люди выглядели ещё более жутко. Максим старался не приглядываться к разбросанным тут и там телам или частям тел, чтобы его не замутило. Даже ему,

привыкшему к виду кишок, потрошенных людей, расколотых черепов, оторванных конечностей, иногда невольно купавшемуся в крови, даже ему было не по себе.

Девочка лежала на полу в центре. Он подошёл к ней, внутренне содрогаясь. На ней не было ран, одежда её также была целой, странно, но и весь её вид нёс в себе ощущение аккуратности, которую не смогло нарушить даже предыдущее побоище. Технически победа оказалась легка. Максим попросту не ожидал удара, но его щиты среагировали на атаку и смогли отразить удар отчаявшегося ребёнка. Ответный выпад голой силой, даже не прицельный, выбил дух из девчонки, и вот она лежала без сознания на каменном полу, ничем не напоминающая фурию, едва не уничтожившую его людей.

Максим молча разглядывал тело. Выглядела она старше своего возраста, лет на четырнадцать. Грудь уже вполне формировалась. Её кожа, удивительно белого цвета, придавала ей какую-то "детскую взрослость", если можно так выразиться. Казалось, что она спит.

"И вот её я должен убить?" — думал Максим, будучи не в силах оторвать взгляд от её красивого, безмятежного лица, — "Эту девочку? Внешность обманчива, но она словно невинное дитя. За что? Почему? За чьи ошибки или обиды ей придётся платить? И почему я? Быть может я и убийца, быть может — и палач, по-обстоятельствам, но здесь что-то неправильно. Отец желает её голову и сердце. Так ли я должен слушаться? Что даст моё непослушание? Для меня, для неё, для всех? Ничего? Она обречена в любом случае. Отец получит желаемое так или иначе. А мне мой бунт не принесёт ничего кроме боли и позора. Может быть в этом и дело? Может отец и желает того? Ждёт что я взбунтуюсь? А если нет — то будет доволен послушанием, и запишет себе очередной успех в дрессировке собственного "сына"? Но ведь он знает, что я не его сын, зачем же ему это? Хочет добиться полной идентичности поведения? Но я видел сны, я изучал Максима, того что был до меня, и вовсе не уверен, что он бы совершил подобное. Нет, тот парень был горд, смел и честен. Добр, по-своему, но добр. Офицер. Дворянин. Человек чести. Маг. Он поступил бы так?"

— А что есть честь для мага? — Раздался насмешливый голос.

Вздрыгнул не только Максим. Половский и его люди, те что держались на ногах, выпрямились на военный манер, как умели. Даже раненые, часть из которых страдала очень жестоко, постарались замереть стиснув зубы.

— Отец?

— Да, сын мой, он самый. Твой отец, а заодно глава рода, лично явился полюбопытствовать как его сын, его гордость, его наследник наконец, как же он справится с полученным делом. Не помешаю?

— Не помешаете.

— О! Вот речь не мальчика, но мужа. Чего же ты ждёшь?

— Мне не хочется этого делать, отец, вот я и жду, что дело сделается как-нибудь само.

— Отличные слова! Именно их я от тебя и ждал. Впрочем, так бы я ответил на любые твои.

— Вот что, Виктор, — обратился он к Половскому, — забирай своих героев штурма и выметайся. Здесь намечается семейное дело, при всем уважении и моей благодарности, вы — посторонние.

— Да, конечно, господин.

Все его люди засуетились, спешно поднимая раненых и выволакивая их наружу. Порою даже грубовато, отчего раздавалась глухая ругань и проклятия. Видя подобное усердие

Соболев Старший смягчился:

— Легче, легче. Не добавляйте работы лекарю! Вы сегодня герои. Этот день навсегда войдёт в вашу память, ваши потомки будут помнить о нем. Проявите же к нему уважение, а заодно и к себе!

— Вы неплохо говорите, отец. — Максим подошёл ближе. Мгновение страха, поразившее его при внезапном появлении родителя, прошло, сменившись какой-то отчаянной смелостью крысы загнанной в угол.

— Да, это так, — самодовольно ответил он, — а ещё я неплохо делаю то что должно, что не могу сказать о тебе, сын мой. Почему я и здесь.

— Вы действительно думаете, что я совершу желаемое вами, отец?

— Ну да, а почему нет?

— Вы меня переоцениваете. Или недооцениваете. В данном случае это одно и то же.

— И что же я переоцениваю? — Юрий движением кисти послал заряд маны в одну из куч битого хлама, отчего часть сломанной мебели, а именно стол и два стула собрались в свой изначальный вид. Максим изумленно глядел на то как восстановленная мебель выдвинулась и переместилась к ним.

— Вот. А ты так не умеешь. Присядем.

Максим послушался. Отец так же уселся напротив, сняв с рук металлические перчатки и бросив их на стол. После чего, внимательно посмотрел на сына, и тот поежился от доброты его взгляда.

— Что же тебя останавливает, сын мой?

— Это неправильно.

— Что неправильно?

— Например то, что взгляд ваш полон понимания и человечности, а ваш приказ чудовищен и бесчеловечен.

— Вот как. Что же в нем такого? Ты как его понял, кстати, вообще?

— Вы сказали принести мне вам сердце и голову этой девочки.

— Ольги Мартыновой.

— Да, её.

— Так в чем же дело?

— При всем уважении, отец, не уверен, что вы поймёте меня вполне.

— Ты воду не лей, ты говори. А я уж постараюсь.

— Что же. Пусть. Она ребёнок. Вы предлагаете мне убийство ребёнка. То есть приказываете, а не предлагаете. Ещё и девочку. И не просто убийство даже, а расчлененку. Это как-то...слишком.

Соболев Старший смотрел на него с таким состраданием, что Максиму поплохело ещё больше. Он чувствовал себя мышонком в безжалостной руке. Взгляд его зацепил латные рукавицы отца, и он понял, что они для демонстрации того и лежат.

— Сын мой... ответь мне, известно ли тебе такое понятие как враг?

— Известно. Ну и что?

— Тебе неизвестно такое понятие, ты лишь слышал о нем. Ты испытывал к кому-то злобу, ненависть, поступал по-всякому к тем людям, я видел это. Но ты не знаешь что такое враг, и это твоя слабость. Уязвимое место. Одновременно — это твой плюс, преимущество, достоинство. Враг...это не то что существует в понятиях хорошо и плохо. Не то, что можно оценивать как человечно или нет. И это не жизнь и смерть. Враг — это зло, абсолютное зло.

О враге не говорят с ненавистью, о враге не думают со злобой, врага даже не стремятся уничтожить при первой возможности, потому что врага нельзя уничтожить. Ты понимаешь меня хоть немного?

— Нет. И ещё меньше понимаю какое отношение к этой лекции имеет эта несчастная девочка?

— Ого, она уже и несчастная? Да она бы сняла с тебя кожу себе на перчатки при первой возможности!

Максим равнодушно пожал плечами.

— Ну и что? Она защищала свой дом, в своём праве.

— Я даже не вспылю, сын мой, замечу лишь, что у тебя весьма далёкие от реальности представления о счастье, несчастье и правах.

— К чему все эти слова, отец? Вы пришли сюда зачем? Чтобы сделать желаемое самостоятельно, предполагая мой отказ? Так делайте, мешать не собираюсь.

— Так ты и не сможешь. — Собооев Старший повторил жест сына.

— Пусть. Тем более. Или для вас важно, чтобы это сделал непременно я? Физически? И вы собираетесь меня заставить?

— Ох, парень.

— Что?

— Я собираюсь передать тебе свое место главы рода, а ты ещё не готов, вот что. С другой стороны, ты, вероятно, никогда не будешь готов по моей мерке.

— А как вы собираетесь это сделать? — Удивился Максим. — А вы куда денетесь?

— Я не доживу до конца этого дня. Ты — доживешь.

— С чего вы взяли?

— С того, мой бестолковый сын, что карательные группы уже близко. И мне конец.

— Прекрасно. Замечательно. И вы так спокойно говорите об этом?

— А зачем мне нервничать? Тем более, что это я и устроил все для этого. Сцена подготовлена, и мне осталось сыграть на ней последнюю роль.

— Интересно. Почему вы считаете, что каратели, как вы их назвали, пощадят меня?

— Таковы правила. Но полно об этом, сам все увидишь. Сейчас главное — девочка. Мне нужно передать тебе некоторые... особенности.

— Что?

— У нашего рода есть особенности. Закрытая часть. Владеет информацией лишь глава. Ты — будущий глава, уже завтра. Должен знать.

— Причём здесь она?

— Встань, Максим.

— Не хочу.

— Встань.

— Не хочу.

— Встань.

И так это было проникновенно сказано, что Максим встал.

Отец тоже поднялся и потянулся, разминая плечи. Затем он сделал пасс рукой и девочка, все так же лежавшая без сознания, поднялась, воспарив над полом. Юрий аккуратно "перенес" её на стол. Максим захотел отойти и не смог. С холодным ужасом он понял, что тело его не слушается.

— Это бывает, Максим, — отозвался отец, вновь словно прочту его мысли, — и так

надо. Возьми нож.

Максим пытался упираться, как-то взять собственное тело под контроль, но ничего не выходило. Оно само выполнило команду старшего, сделало несколько шагов и подняло с пола один из валяющихся ножей, скорее даже кинжал.

— Разрежь ей платье на груди.

Максим мог только наблюдать как его руки выполняют команду. Он даже говорить не мог.

— Ого! — Присвистнул отец. — А у неё уже сиськи вполне себе так...а говоришь — девочка! Девушка уже. Теперь — разрежь ей грудь по центру.

Максим видел словно со стороны (как тогда, во снах, — подумал он) как нож в его руке медленно погружается в тело девочки и движется разрезая мясо и кости. Вдруг она вздрогнула. Сердце Максима ушло в пятки.

— Больно, — прошептала девочка, — больно.

— Прости, милая, — отозвался отец, — сейчас перестанет.

В этот момент Максим был готов его убить. Но тело, неподконтрольное ему, не отзывался, а руки уверенно вели разрез.

— Отлично. Теперь — вырви ей сердце.

Руки Максима послушно погрузилась в разрез, ощущая тёплое, пульсирующее сердце. Охватив его, они дернулись назад, вытаскивая сердце девушки наружу. Оно буквально дымилось.

— Прекрасно. — Отец был сама невозмутимость. — Была Ольга Мартынова и нет Ольги Мартыновой. Такова жизнь. А мы есть. Пока. Так что ешь.

Максиму показалось, что он ослышался.

— Ах, да, — поморщился отец, — Максим, надкуси это сердце.

Непослушное ему тело совершил и это. В то мгновение как его зубы вонзились в окровавленную плоть, в тот самый миг, морок отпустил его, и вернулся контроль над телом.

Одновременно, какая-то волна силы, колючая и острая, хлынула в него от сердца девочки через рот. Он чувствовал как пальцы сильнее сжимают его, но не мог, не доставало сил отстраниться.

А затем пришла боль и Максим упал на колени. Боль страшная, сильная настолько, что парализовал его не хуже магии отца. Он чувствовал как что-то вливается в его тело, поток чудовищной силы. Магическое ядро словно взбесилось, раскручиваясь со скоростью предваряющей максимальный выплеск силы, но его все не было.

Затем боль пришла в голову и Максим, наконец, завыл, сильнее вгрызаясь в сердце Мартыновой.

Все проходит, некоторое время спустя завершилось и это. Тогда Максим осознал себя лежащим на полу скрюченным в позе эмбриона. Произошедшее казалось сном, и сном странным, но привкус во рту указывал на реальность.

— Вставай. — Холодный голос окончательно привёл его в чувство. — Умойся и выпей.

Максим медленно поднялся. Он понял, что прошло совсем немного времени, хоть и казалось, что минула вечность. Ощущения вообще были какими-то странными. Во-первых болел желудок, болел сильно, как у голодающего, что добрался до еды и объелся, понапихав в себя все съедобное, что мог. Во-вторых ему казалось, что у него не одно тело, а два, вложенные друг в друга.

— Чувствуешь? Вижу, что чувствуешь. — Двольная физиономия отца, по мнению

Максима, просила кирпича, но он не спешил. Слишком многое навалилось, и, что куда важнее, он начал кое-что понимать.

— Да, Макс, именно. — Соболев Старший все так же читал его как открытую книгу, и не стеснялся демонстрировать это. — Это и есть тайна нашего рода. Великий секрет. Теперь и ты его знаешь. И не только это, не правда ли?

— Я знаю...много. Нового. — Слегка запнувшись, подтвердил Максим.

— Угу, — кивнул отец, — немало, да. А будь она старше, ты бы просто сдох. Ядро бы не выдержало. Зато теперь ты усилил свре ядро примерно на четверть, что совершенно невозможно, как скажет любой идиот, и получил способности к магии стихии воды. И какие способности! Девочка очень талантливая, очень. Была. Или есть. Это как посмотреть. Какой потенциал!

— Я... — Максим вновь запнулся, подбирая слова, — теперь могу все, что могла она?

— Магически — да. Абсолютно. Но, знаешь, лучше бы тебе позабыть об этом. Секрет все-таки. Да и узнай о нем кто — и не спасёт нас ничего. Не будет у нас ни друзей, ни вассалов, а будут убийцы и мстители. Кстати, о мстителях...

Юрий Максимович подошёл к столу, на котором лежало мёртвое тело Мартыновой, и ловко отрезал ей голову, орудия тонким острым лезвием.

— Будем считать, что ты выполнил и эту часть моего приказа, ладно уж.

Весело насвистывая, он завернул голову в какую-то первую пропавшуюся ему тряпку и направился к дверям разгромленного зала.

— Зачем вам голова? — Спросил Максим, хотя ему это было сейчас абсолютно безразлично. Апатия и равнодушие овладел им.

— Ну я же сказал, что каратели на подходе. А главный у них дядюшка этой красавицы. Вот я и думаю порадовать старика перед смертью.

— Любой другой был бы казнён, и казнён жестоко. Любой другой род был бы уничтожен и вымаран из книги родов... тебе очень повезло, парень. Но везение не вечно, и я постараюсь, чтобы на тебе оно и закончилось. А пока — вот. На память.

Говоривший, грузный хмурый человек, с военной выправкой и лицом изуродованным шрамами, презрительно швырнул мешок под ноги Соболева.

— Что это? Голова? — Насмешливо спросил тот. — Многовато голов за последнее время, вы не находите?

— Дерзишь, щенок? Ну-ну. Папаша твой был дерзок, и вот он.

— Что с Ареной? — Сменил тему Максим.

— Поживешь пока в клетке, где вам всем и место. И да, за побег — ответишь по закону. А так — вопрос будет решён. Глава рода Соболевых быть градиатором не может. Увы.

— И это все?

— Все. Или нет. Для тебя все только начинается, щенок, ты удивишься тому, скольким главам родов хочется видеть цвет твоей крови на своих алтарях.

— Пусть. Я не против.

Больше книг на сайте - Knigoed.net